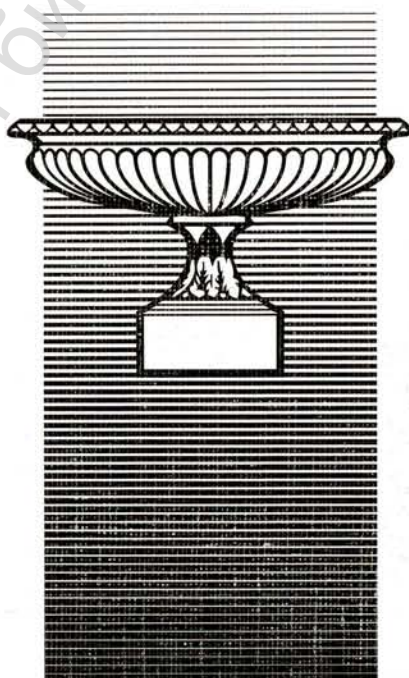

АЛТАЙ

5/2012

Электронная библиотека АКУНЬ, eLIBRARY.ru

*Коллектив редакции журнала «Алтай»,
октябрь 2012 г.*

*Алтайские писатели на Шухишинских чтениях,
июль 2012 г.*

Издается с 1947 г.

А

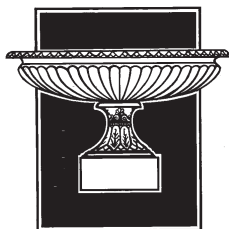
Л

Т

А

И

СЕНТЯБРЬ

ОКТЯБРЬ

5/2012

*Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал*

Главный редактор -
Станислав ВТОРУШИН

Редакционная коллегия:

Елена БЕЗРУКОВА

Юрий ВИСЛОГУЗОВ

Ольга ГРИШКО -
редактор отдела прозы

Анатолий КИРИЛИН

Евгения КЛИНК -
редактор отдела поэзии

Юрий КОЗЛОВ

Иван МОРДОВИН

Юлия НИФОНТОВА

Александр РОДИОНОВ

Константин ФИЛАТОВ -
редактор отдела
публицистики

Владимир ШНАЙДЕР

Оформление
Александра
КАЛЬМУЦКОГО

Технический редактор
Галина ЗАРКОВА

Компьютерный набор
и верстка
Наталья АЛЕКСЕЕВА

Учредитель:
Краевое автономное учреждение
«Алтайский дом литераторов»

Адрес редакции и издателя:
656043, г. Барнаул,
ул. Короленко, 105
Тел. 65-82-43
E-mail: juraltai@rambler.ru
© «Алтай», № 5-2012

СОДЕРЖАНИЕ

65 лет журналу «Алтай»

Поздравления с юбилеем (А.Б. КАРЛИН, И.И. ЛООР,
В.Н. ГАНИЧЕВ, В. БЕРЯЗЕВ, С. ДОНБАЙ, А. СИРО-
ТИН)..... 3
Анатолий КИРИЛИН. И время не поссорит 8

Проза

Юрий КОЗЛОВ. Глум. *Повесть* 14
Алексей КАРЕЛИН. «Совсем совесть потеряли». *Рас-
сказ* 124
Александр КРАМЕР. Чашка. *Рассказ* 133

Поэзия

Евгения КЛИНК. «Снова снег, белый снег, ну а я уже
было поверила...». О ссорах. Бывает. Приют несверше-
ний. *Dedicace*. «Мы рассовали время по карманам...».
Письмо Ментора. Ночной пасодобль. *Стихи*..... 111
Александр ОСТАПОВ. Алтай. А я шагаю по Сибири...
Песня ветра. Свиное рыло. Крапива и Лопух. Снятся
вновь родные лица. *Земляне. Стихи*..... 121
Владимир КОСАРЕЦКИЙ. «Нет победы, где есть...».
Покойной маме. Звучанье тишины. Ясный полдень.
«Странно, мой друг, но, бывает...». «Ветер жизни пока
еще...». Мысли вслух. *Стихи*..... 130
Юрий МАЛЫХ. «Днем из подворотен...». «Плыть бы
сейчас по речке...». «...Упрется Чарыш...». В Сростках.
В дождь на даче. Осенний рейс бывшего механика.
«О журавлях написано немало...». *Стихи* 136

Литературный дебют

Николай БАЛЫКОВ. Рассказы (Представление. Ванина
Дульсинея. В электричке. Глупая выходка)..... 115

Очерк. Публицистика

Анастасия ЧУРИКОВА. Исповедь 139
Владимир КУНИЦЫН. Отец 164
Дмитрий МАРЬИН. Подводя итоги 172
Хронология журнала «Алтай» 176

Подписано к печати 08.10.2012 г. Формат 70x108/16. Бумага офсет-
ная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 15,64. Печать офсетная. Тираж
1600 экз. Заказ 3529. Цена в розницу договорная.

ОАО «ИПП «Алтай». 656043, г. Барнаул, ул. Короленко, 105.

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ТУ22-0339 от 31 мая 2012 г., выданное Управлением Феде-
ральной службы по надзору в сфере связи, информационных тех-
нологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в пере-
писку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За досто-
верность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их
мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ЮБИЛЕЕМ

Первый номер журнала «Алтай» (тогда он назывался альманахом) вышел в свет в октябре 1947 года, когда страна, напрягая все силы, восстанавливала разрушенное войной хозяйство. Номер сделали московские писатели, побывавшие в командировке в Алтайском крае. Новое литературно-художественное издание сразу же объединило вокруг себя все литературные силы региона. В нем публиковали свои стихи, очерки и рассказы писатели, ставшие впоследствии известными далеко за пределами нашего края - Иван Фролов, Николай Дворцов, Марк Юдалевич, Георгий Егоров, Леонид Мерзликин, Евгений Гушин, Владимир Башунов и многие другие. Немало страниц предоставил журнал своему великому земляку Василию Макаровичу Шукшину. Здесь неоднократно выступали Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Валентин Курбатов и другие именитые литераторы.

Журнал «Алтай» стал неотъемлемой частью культурной жизни края. На его страницах обсуждаются важнейшие проблемы страны - сохранение тысячелетнего культурного наследия, воспитание любви к отчей земле. Журнал постоянно дает слово ученым, публицистам, работникам образования, литературным критикам. По его публикациям, как по годовым кольцам, можно судить о жизни Алтайского края и всего нашего многонационального государства.

Одной из важнейших задач журнала является забота о молодых писателях, воспитание у них уважения к традициям, родному языку и национальной культуре. Творчески расти может лишь тот, кто опирается на достижения предшественников.

65 лет - важная дата в истории печатного органа. За эти годы писателями Алтая не только накоплен опыт, но и созданы книги, сделавшие наш край известным стране и миру. Многие произведения алтайских писателей переведены на иностранные языки, изданы в других странах. В этом - несомненная заслуга журнала, объединившего вокруг себя лучшие литературные силы региона.

Поздравляю сотрудников журнала, многочисленных авторов, публикующих свои работы на его страницах, с юбилеем. Желаю вам творческих успехов, вдумчивых читателей, счастья, здоровья и благополучия.

Губернатор Алтайского края А.Б. КАРИН

Дорогие друзья! Поздравляю вас с 65-летием литературно-художественного и общественно-политического журнала «Алтай»!

Очень символично, что ваш журнал не многим младше Алтайского края, давшего ему название. Цифра «65» - говорит о долгом пути, опыте краевого литературного движения и немалой роли издания в судьбе края.

Подборка номеров журнала «Алтай» давно стала признаком хорошего литературного вкуса, а лаконичная белая обложка с «Царицей ваз» - символом для литературной и гражданской элиты нашего края. Считаю, что любому грамотному уважающему себя жителю края, от сельского учителя до начальника производства или чиновника, будет полезно держать в качестве настольной книги свежий номер журнала «Алтай», чтобы в свободную минуту взглянуть глазами алтайских писателей на жизнь нашего региона во всех ее тонкостях, ее поэзии и красоте.

Первый выпуск литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Алтай», ставшего прародителем журнала, целиком был посвящен труженикам и жизни деревни в послевоенный период. Я думаю, очень важно, что и сегодня такое внимание сохраняется в произведениях алтайских писателей. Как выходец из села, я сам не раз с удовольствием читал на страницах вашего журнала о размеренной и в то же время яркой деревенской жизни.

Отрадно, что нынешнее время для журнала знаменательно и издательской работой. Сельские библиотеки края пополнены изданными «Алтаем» произведениями лучших мастеров слова нашего края, начиная с Георгия Гребенщикова и до сегодняшних молодых поэтов и прозаиков, которые растут и крепнут под сенью таланта мэтров журнала.

Благодаря тому, что на страницах вашего журнала стихи и проза органично сочетаются с публицистикой, он имеет особое значение в качестве зеркала нашего региона. Поэтому в день 65-летия журнала «Алтай» я желаю всем, кто его создает, чтобы это зеркало никогда не замутнело. Пусть муза всегда приходит к вашему письменному столу, а темы для творчества попадают только положительные. Желаю вам еще многие десятилетия быть в авангарде региональной литературы.

**Председатель Алтайского краевого
Законодательного собрания И.И. ЛООР**

Главному редактору журнала «Алтай»
С.В. Вторушину

Уважаемый Станислав Васильевич!

Правление Союза писателей России поздравляет коллектив журнала «Алтай», его авторов и читателей с 65-летием со дня рождения журнала.

Путь у издания большой. Много хороших сибирских писателей, и не только сибирских, были и являются сегодня авторами «Алтая». В особенности большая заслуга журнала в создании творческой атмосферы именно для писателей Алтайского края.

Журнал выстоял в трудные, почти невозможные для творчества 90-е годы. И даже потом, можно сказать, заметно прибавил. Чего стоит только книжная библиотека журнала «Алтай», тома которой пользуются спросом у читателей и специалистов в разных регионах России.

В наши дни заметно снизился интерес к печатному слову, особенно к художественному. Но мы верим, что это временное явление. Зато читатель явно интересуется мнением думающих людей о путях развития страны. На первый план выходит публицистика. И надо сказать, что «Алтай» в этом смысле работает вполне в духе времени.

Публицистика журнала очень интересная. И самое замечательное, что она не нигилистическая и не безысходная - она ищет выход из сложившейся в России ситуации, она опирается на здравые мысли русских философов, писателей и мыслителей прошлых веков. Опирается на глубинные ценности нашего народа. И при этом не забывает непосредственно про Алтай, про Сибирь, про Восток. В одной из статей «Алтая» есть характерный для журнала взгляд в будущее: «В России должны вновь пробудиться и ее исконный дух странничества, и вера в возможность изменения мира к лучшему. Есть даже совершенно четкий пространственно-демографический критерий этих положительных изменений: когда вектор движения российского народонаселения вновь сменится с западного на восточный, когда начнется новый великий «исход к Востоку» - за Урал и к Тихому океану».

Желаем «Алтаю» новых успехов, здоровья и творческих удач авторам журнала, доброго внимания читателей.

Председатель правления Союза писателей России В.Н. ГАНИЧЕВ

Дорогие коллеги, грузья, соратники!
Дорогие редакторы, авторы и читатели журнала
«Алтай»!

От всей души и с великой радостью спешу поздравить вас с 65-летним юбилеем вашего и нашего литературного журнала, существованию которого на протяжении столь значительного творческого периода весьма многим обязана и сибирская, и в целом российская поэзия, проза и публицистика. Одни лишь имена Мерзликина и Башунова чего стоят. Их поэзия и произведения прозаиков и публицистов Гущина, Вторушина, Кирилина, а в начале XX века - книги Георгия Гребенщикова, Потанина и Ядринцева, есть тот незыблемый фундамент, та несокрушимая основа, на которой и зиждется духовное здание литературного журнала под названием «Алтай».

Сегодняшнее призвание редакции и авторов - сохранить уровень достигнутого, пропагандировать уже созданное, написанное, опубликованное в среде молодых и начинающих литераторов, добиваться того, чтобы планка мастерства и таланта, по возможности, не падала с приходом в алтайскую литературу новых поколений писателей и поэтов. Эта наша общая задача. Мы стоим на плечах гигантов и мастеров. И давайте стараться соответствовать в нашем творчестве и в наших устремлениях высокому и святому имени - АЛТАЙ!

Главный редактор журнала «Сибирские огни» Владимир БЕРЯЗЕВ

Редколлегия «Огней Кузбасса» искренне поздравляет журнал-побратим «Алтай» с юбилеем!

65 лет ваше литературно-художественное периодическое издание отражает литературный процесс Алтайского края - южного соседа Кемеровской области.

Алтай и Кузбасс - некогда единое территориально-географическое образование России - имеют и сейчас тесные не только промышленные, но и культурные связи, в том числе и творческие. Ряд нынешних кузбасских писателей, таких, как Владимир Мазаев, Виталий Креков, Александр Ибрагимов, Владимир Соколов имеют либо алтайские корни, либо какое-то время жили и работали в вашем крае. В то же время некоторые ваши писатели: Иван Мордовин, Александр Родионов и другие были некогда причастны к земле кузнецкой.

Нашей дружбе и творческому обмену способствуют и совещания главных редакторов литературных журналов Сибири.

В недавние времена тотальной коммерциализации наши региональные журналы находились на грани выживания, значительно сократив тиражи, регулярность выхода и возможности распространения. И, тем не менее, они выстояли, сохранили своих авторов и читателей - благодаря преданности и активности их главных редакторов и редакционных коллегий!

Ваш журнал «Алтай» остается и сегодня востребованным и читаемым, можно сказать сибирским лидером, о чем свидетельствуют и последние тиражи - более 1600 экземпляров. Читается он и у нас, в Кемеровской области, попадая регулярно в Дом литераторов Кузбасса, а также по индивидуальным подпискам. «Алтай» давно известен всей читающей России. В нем печатаются многие прозаики, поэты и публицисты не только Сибири, но и других городов всей страны - от Калининграда и до Владивостока.

Благодаря журналу «Алтай» нам известны такие замечательные поэты и прозаики вашего края: Владимир Башунов, Леонид Мерзликин, Николай Черкасов, Станислав Вторушин, Александр Родионов, Сергей Филатов, Анатолий Кирилин, Иван Мордовин и многие другие. Среди авторов «Алтая» прописались и наши прозаики и поэты. Взаимопроникновение писателей Алтая и Кузбасса через наши журналы, бесспорно, делает их богаче. От этого - лишь польза: и самим журналам, и их авторам, и тем, ради кого мы издаемся - нашим читателям!

Дорогой Станислав Васильевич, дорогие коллеги, всех вам благ! Талантливых авторов, умных и доброжелательных читателей и творческого долгожительства!

Сергей ДОНБАЙ, главный редактор журнала «Огни Кузбасса»

«АЛТАЙ» И ПАВЛОВСК

Тесно прижавшись друг к другу, стоят на книжной полке номера журналов «Алтай» разных лет. Как воины... Бывалые, молодые. Время потрепало их внешний вид. Изменилось наше отношение к содержанию многих материалов. Но дороги сердцу лучшие вещи. Как, скажем, для нас, родных и близких И.Л. Шумилова, - его ранние рассказы. Так, во втором номере за 1948 год журнал «Алтай» печатает рассказ Ивана Леонтьевича «Балаш». Командир одного партизанского отряда в Белоруссии (И.Л. Шумилов) пишет о командире другого отряда.

В 1949 году «Алтай» печатает рассказ моего тестя «Шахматы».

Последовали отзывы в краевой прессе, в основном положительные, которые помогли недавнему офицеру, учителю сельской школы в алтайской глубинке продолжать творить, издавать первые, небольшие книжечки.

Выходит в журнале «Сибирские огни» повесть И.Л. Шумилова «В тылу врага». С «подачи» «Алтая» с творчеством писателя ознакомились и сибирские читатели.

В 1976 году, в четвертом номере «Алтай» печатает «Деревню Ивановку», одну из лучших книг писателя.

...В солнечный теплый день, 19 мая 1981 года большая группа писателей, поэтов Барнаула прибыла на похороны товарища по перу, прожившего всего 61 год... Павловск огромной толпой расставался с талантливым журналистом, писателем И.Л. Шумиловым, и в этой толпе, впереди ее, шли творческие люди Алтая.

Знаменательно, символично...

...В первом номере за 1983 год журнал печатает рассказ И.Л. Шумилова «Белка в колесе». Через 19 лет, в шестом номере - подборку рассказов писателя. В третьем номере - мое исследование о жизни и творчестве писателя - «Петушок» Ивана Шумилова».

Безусловно, «Алтай» посдействовал и организации Шумиловских чтений, их прошло уже десять. Конечно, и другие писатели Алтая, которые не состоят в редколлегии «Алтая», помогали нам. Дело общее делаем, и живущие в Верхнем Приобье люди «группируются» вокруг краевого центра.

Всего час езды от Барнаула до Павловска, сотрудники «Алтая» навещают Павловск регулярно. Особо памятными были встречи с поэтом Владимиром Мефодьевичем Башуновым, чье творчество популяризирует старший библиотекарь Павловской модельной межпоселенческой библиотеки имени И.Л. Шумилова Ирина Сливцова. Запомнились также встречи с писателем Юрием Козловым, поэтессой Татьяной Баймундузовой.

А в канун 65-летия журнала у нас побывали писатели С.В. Вторушин, главный редактор «Алтая», и А.В. Кирилин, руководитель краевой писательской организации.

Ценители прозы и поэзии задавали разные вопросы - гости откровенно на них отвечали. Доверительная, дружественная атмосфера царила в стенах читального зала. Когда узнали о том, что каждый из писателей работает одновременно над пятью-шестью произведениями, у нас поуменьшилась тревога и за будущее региональной литературы, и за будущее замечательного, оригинального главного журнала родного Алтая, заслуженно носящего такое же славное название...

Александр СИРОТИН, краевед, Павловск

Анатолий КИРИЛИН,
ответственный секретарь Алтайской
краевой писательской организации

И ВРЕМЯ НЕ ПОССОРИТ

В свое время было принято переводить произведенную тем или иным предприятием продукцию в некие соизмеримые величины, чтобы подчеркнуть значимость и масштабы сделанного. К примеру, когда говорили о тканях, произведенных Барнаульским хлопчатобумажным комбинатом за какой-то период времени, утверждали, что этими тканями можно было обернуть Землю в несколько слоев по экватору. Воспользуемся этим методом сравнения и сегодня. Если составить библиографический перечень (название материала и имя автора, уместающиеся в одну строку) публикаций журнала «Алтай» за шестьдесят пять лет его существования, получится книжка страниц этак в сто. И если за каждым метром выпущенной ткани труд тысяч людей, то за каждым именем и названием - история, страница эпохи.

Корни современной журнальной жизни Алтая восходят к концу XIX века, когда появлялись произведения литераторов, живших и работавших тогда на Алтае, либо связанных с ним. Можно назвать Ивана Кущевского с его очерком «Не столь отдаленные места Сибири», Степана Исакова, редактора журнала «Алтайский крестьянин», на основе которого был создан первый на Алтае толстый литературно-художественный журнал «Сибирский рассвет», Александра Черкасова, посвятившего Алтаю свои лучшие произведения - «Записки городского головы», «На Алтае», тонкого лирика Александра Пиотровского, Арсения Жилиякова, Петра Тачалова, которого высоко оценил М. Горький. Наверно, в особом ряду стоит Георгий Гребенщиков, один из самых ярких представителей сибирской литературы. Весной Гребенщиков переезжает в Барнаул и становится редактором газеты «Жизнь Алтая», вокруг которой группируются молодые литераторы. Затем на средства барнаульского купца В.М. Вершинина Георгий Гребенщиков выпускает «Алтайский альманах», в котором печатается сам, публикует произведения В. Шишкова, С. Исакова и других.

Отмечая бурное развитие сибирской литературы того периода, критик Н. Яновский подчеркивал, что сибирские литераторы отнюдь не варились в собственном соку, а имели выход в большую литературу, поддерживали постоянную связь с центром, были осведомлены о всех литературных событиях и течениях, «испытывая при этом огромное влияние критического реализма, - уточняет Н. Яновский. - Сибирская периодика, - пишет он, - систематически рецензировала лучшие журналы страны, перепечатывала новые произведения Л. Толстого, Л. Андреева, М. Горького, В. Короленко, А. Куприна, И. Бунина, А. Толстого.

Литературная жизнь отдельного региона не бывает одинаково наполненной во всякое время, случаются взлеты и падения. Случилось затишье и на творческой ниве Алтая. Новое оживление пришло с окончанием Великой Отечественной войны. Вскоре и появился первый номер альманаха «Алтай».

Журнал «Алтай» на четыре года старше краевой писательской организации, то есть он был создан, когда еще писательские штывы Алтая не

были объединены. Сравнение с оружием считаю вполне уместным, потому что литераторы того времени были, в основном, фронтовиками, совсем недавно вернувшимися с войны. С другой стороны, объединение писателей, создание из них организации сегодня воспринимается почти смешотворно, а тогда... Тогда художнику, творцу необходимо было почувствовать себя частью сообщества, частью большого дела, которое в то время было одно на всех - надо было поднимать страну из военной разрухи.

Писательская организация росла, крепла, и вместе с ней укреплял свои позиции альманах «Алтай» (тогда статус сегодняшнего журнала был именно такой - альманах). Сначала издателем альманаха было краевой книжное издательство, был редактор, редколлегия, вбиравшая в себя практически всех пишущих на Алтае профессионально. Но редакции, как таковой не было. Думаю, не лишним будет сегодня вспомнить редакторов альманаха, а затем - журнала «Алтай». В разные годы ими были Александр Тресков, Александр Баздырев, Лев Квин, Марк Юдалевич, Иван Кудинов, Игорь Пантюхов, Виктор Горн, Владимир Башунов, Станислав Вторушин - нынешний главный редактор. Первые книжки «Алтая», который выходил один раз в год, были действительно книгами, как мы привыкли их представлять - в твердой обложке, в привычном книжном формате.

А теперь обратимся к самому важному, содержательной части, к тому, о чем мы уже упомянули, в чем видели смысл и цель своей работы, своего существования послевоенные литераторы, авторы издания, отмечающего нынче свое шестидесятилетие. Возьмем наугад один из прошлых номеров альманаха - вот восьмой номер за 1954 год. Тогда номера считались от первого, то есть от 1947-го года. Очевидно, нам в руки попал так называемый пилотный номер, на его обложке несколько штампов. Первый: «Читано для выпуска в свет. Ответственный редактор». Дата, подпись. Второй: «В свет - разрешается. Цензор такой-то». Подпись, дата. Крайлит. И третий: «Соответствие разрешенному к печати крайлитом. Директор типографии» Подпись.

Открывается номер стихотворением Бориса Каурова. Нетрудно догадаться о теме, стоит только еще раз взглянуть на дату. Совершенно верно - стихи о целине. А что тогда было более важным на Алтае?!

*Она легла на карту островами,
Размежевав широкие поля,
Продутая шальными степняками
Целинная алтайская земля.*

Это самое начало стихотворения, которое называется «На переднем крае». А вот два последних четверостишья.

*Дни пролетят, и непременно станет
Такою вековая целина,
Какой она - пока что нынче в плане -
С высот Кремля московского видна.*

*Трудом своим мы с карты снимем пятна,
И на земле целинной широко
Повеет свежим, хлебным, ароматным
Дыханием алтайских степняков.*

Наивно - согласен, но бесспорно присутствует пламень сердца и вера автора в то, что его слова найдут понимание, отклик, убежденность целинников: они тратят свои силы, молодость не в пустую. Не станем здесь начинать

разговор о самодостаточности поэтического слова, о ненужности идеологических подпорок в искусстве. Оставим в покое и Владимира Маяковского с его «я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...» Просто вспомним о том, что устами поэта говорит эпоха. Деятельное начало писательского слова - не сразу ответишь на вопрос - хорошо это или плохо? Сравнивая эпохи, - всего-то шестьдесят лет прошло! - могу сказать с уверенностью: мы лучше не стали. Мы изрядно подрастеряли сыновнюю привязанность к родине, мы в меньшей степени стали ощущать себя гражданами своей страны, мы подзабыли святую силу слова, его евангелическую суть... Резко изменилось наше отношение к книге, как к учебнику - независимо оттого, являет она собой художественную литературу или специальную. И вместе с тем мы стали менее внимательны друг к другу, добрососедские отношения поменяли на безразличие к человеческому окружению. Связано ли все это между собой? Нам предстоит ответить на этот вопрос, и, думаю, никому не уйти от ответа.

Самое крупное произведение этого номера - повесть Николая Дворцова «Наше счастье». Повесть о мальчике, потерявшем в войну отца, о становлении характера, о его матери, о нелегкой вдовьей судьбе. Повесть густо населена, здесь и школьные учителя, и работники совхоза, и геодезисты. Главное в повести - непростой выбор между материнским долгом и женским счастьем, выбор, который должна сделать молодая вдова. Интересно отметить, что фронтовик, узник фашистского лагеря Николай Дворцов к этому времени еще не написал свой главный «военный» роман «Море бьется о скалы».

Раздел публицистики включает в себя два очерка - один о земледелии на Алтае, опять же - о целине, другой - о начале большой лесозащитной кампании в крае. Темы близкие, пересекающиеся, но в одном случае очерк написан в живой манере, напоминающей художественную прозу, с обилием описаний, диалогов. Другой очерк больше напоминает историческое исследование. Одно объединяет оба материала - глубокое проникновение авторов в тему, широта взгляда, наконец, воздух, без которого внутри любого текста ощущается теснота. Сразу скажу, нынешним очеркистам неплохо бы с большим вниманием отнестись к опыту прежних авторов.

В этом же разделе статья А. Лариной «Навеки вместе» - к трехсотлетию воссоединения Украины с Россией. «Всемирно-исторические успехи Советского Союза и его составной части - Украины - вызывают чувство величайшей гордости и глубокого восхищения всего прогрессивного человечества». Увы, нет уже ни великого Советского Союза, ни, разумеется, его составной части, есть два отдельных государства, у которых нынче не всегда (опять же - увы!) получается договориться. Время идет, и то, как изменился за полвека мир, мы сами, отодвигает то, о чем рассказывал журнал в пятидесятых годах прошлого века, в далекое прошлое, для многих совсем не известное. Однако, как ни судить прошлое, как не перетолковывать, это - наша история, наша память. И, в конце концов, - не мы судьи.

О поэзии мы уже упоминали, но можно дополнить, что многие стихи тех времен (а журнал или альманах, как периодическое издание, - есть отражение того, что сейчас происходит в мире, в том числе - литературном) наполнены живым оптимизмом, какой-то светлой игрой, когда взрослые забывают о взрослости. Давайте напомним себе, что от вселенской катастрофы, от тяжелейшей войны наш народ только-только стал отходить, и всем без исключения, как никогда, хотелось жить, творить, любить, обустроиваться...

Насыщенность журнала просто поражает. Впрочем, это объяснимо: всего раз в год издание выходит к читателям, создателям его хочется рассказать

обо всем, что волнует - радует, беспокоит. Здесь и подробный материал о климате на Алтае, и отчет об альпинистском восхождении, и репортаж с рыбалки... И, конечно же, критика и библиография. Написал новую пьесу местный драматург - вот и отзыв уже готов. Интересно же, у нас случилось, не где-нибудь в Москве! Пишу об этом и не перестаю думать о потере вот этого самого интереса, замешанного на гордости - у нас! Ну, почему, почему затухло в нас любопытство, почему пропал интерес к тому, что происходит у нас дома, что, в конце концов, является нашим общим достоянием?

Я закрываю журнал, думаю о тех, кто писал для него, кто отбирал и составлял материалы. Это наши коллеги, это старатели на ниве просвещения. Сегодня содержимое журнала, вполне вероятно, назвали бы новым учительским термином - региональный компонент. А наши предшественники с гордостью говорили: это - достояние края. Подчеркну. В те, не столь далекие времена немногочисленных писателей Алтая, их произведения, книги действительно считали достоянием, гордостью, если хотите - богатством общества, государства.

Девятый номер альманаха «Алтай», то есть следующий за тем, о котором шел разговор выше, открывается обращением Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ко второму Всесоюзному съезду советских писателей. Для того времени (1955 год) - явление нормальное, сегодня руководство страны вряд ли обратит внимание на подобное событие. В обращении сказано, например: «Постоянной заботой Союза писателей должно быть то, чтобы наши писатели всегда жили жизнью народа, его интересами и чаяниями, были активными участниками созидания, видели и знали наших современников, реальных героев - строителей коммунизма». Насчет строителей коммунизма писатели того времени сильно не забивали себе голову, но герой-гражданин, труженик, созидатель, сын своего народа в литературе жил. И - как во все времена - помимо созидания, любил, ненавидел, страдал, мучил себя и побеждал.

Что касается авторов - в пятидесятые-шестидесятые почти все, кто сочинял прозу или поэзию, печатались в альманахе. Иван Кожевников, Николай Павлов, Борис Кауров, Евгений Каширский, Лев Квин, Иван Кудинов, Игорь Пантюхов, Виктор Сидоров, Николай Черкасов, Виктор Попов, Павел Маштак, Николай Дворцов, Петр Бородин... Не так уж и мало, если учесть, что я назвал едва половину пишущей братии той поры. Равными среди равных были ведущие журналисты Алтая, большинство из которых работало в краевой газете «Алтайская правда» и на краевом радио. Алексей Воейков, Василий Разливинский, Вячеслав Чиликин, Владимир Гусельников, Леонид Зверев, Павел Никольский, Анатолий Доболев, Юрий Майоров, Марат Кашников...

Нынешний главный редактор журнала «Алтай» Станислав Вторушин назвал одну из своих книг «Золотые годы». Эта книга воспоминаний и публицистики посвящена тем самым шестидесятым, семидесятым, которые для современников Вторушина и многих из тех, кого мы сегодня вспоминаем как авторов журнала того времени, действительно были золотыми. Нисколько не сомневаюсь, всякое время прекрасно для людей, чьи цели определены, задачи понятны, дни наполнены трудами, будущее ясно. Нынешнее - сложное, путаное, во многом ущербное - в том числе. Но слишком многое изменилось с тех пор, слишком многое. Слово - публицистическое, общественное, учительское, художественное - хотим мы того или нет, отражает эти изменения и новым наполнением словаря, и экспрессивной окраской, и перетеканием профессионализмов в обыденную речь, и изме-

нением стиля повествования и еще массой новшеств. Сегодняшний читатель с улыбкой встретит многие тексты повестей, рассказов, стихотворений полувековой давности, но пускай эта улыбка не будет злой. Напомню, что большинство из авторов постигали писательскую науку на ходу, многие еще ощущали плечами тяжесть военной шинели.

Еще раз вынужден просить прощение у читателя этих строк за неупомнутые имена, всех прозаиков, поэтов, публицистов, сотрудничавших с «Алтаем», отметить, думаю, ни один человек попросту не в силах.

Хотел, было, отметить, что среди авторов альманаха были сплошь писатели и журналисты, живущие на Алтае, но тут же наткнулся на рецензию по поводу стихотворений одного из наших поэтов. И чью бы вы думали? Михаила Исаковского! Одного из лучших советских поэтов, автора прекрасных песен: «Дан приказ ему - на запад...», «В прифронтовом лесу», «Ой, туманы...», «Катюша», «Враги сожгли родную хату...», «Лучше нету того цветку...» Выходит, и тогда редакция не замыкалась в некоем обуженном географическом пространстве, хотя, разумеется, преимущество всегда было у писателей с Алтая.

Мы еще коснемся темы авторской прописки. А пока вернемся к тому времени, когда на Алтае появилась писательская организация, а через некоторое время альманах «Алтай» начал выходить четыре раза в год.

Технологически работа над журналом выглядела следующим образом. Главный редактор подбирал материалы - прозу, поэтические подборки, очерки, рецензии, к печати же их готовил коллектив краевого книжного издательства. Он нес ответственность за верстку, корректуру, печать. Это уже впоследствии появилась отдельная редакция альманаха (журнала), отделы - прозы, поэзии, публицистики.

Надо сказать, трудности с финансированием «Алтая» начались вскоре после того, как он получил статус именно журнала и стал выходить шесть раз в год. Это время совпало с началом перестройки, с резким падением читательского интереса в стране, с удорожанием всего и вся и с падением спроса на интеллектуально-художественный продукт. Были сбои с периодичностью, иногда приходилось сдавать номера. Между прочим, по стране насчитываются десятки и даже сотни журналов и других изданий, которые с тех пор не дожили до нынешнего дня. «Алтай» устоял. После череды редакторов, кто верой и правдой бился за сохранение его, наконец-то, наступила стабильность, и вот уже пятнадцать лет пост главного редактора «Алтая» занимает Станислав Вторушин. Коллектив редакции тоже, в основном, постоянен. К великой гордости ее, в журнале работает единственный профессиональный технический редактор, оставшийся со времен Алтайского государственного книжного издательства. Для неосведомленных - техред - это, прежде всего, культура любого издания, внешний вид от страницы до обложки, чистота и опрятность строки. Галина Васильевна Заркова, технический редактор, она же и корректор издания, человек, который по обязанности и по своему душевному устройству читает тексты так вдумчиво и внимательно, как не станет читать их ни один сегодняшний специалист. Замечательным наследием государственного издательства с великолепной производственной школой также стала для журнала наборщик и верстальщик Наталья Алексеева. Рядом с опытным редактором отдела прозы Ольгой Гришко работают молодые - Евгения Клинк и Константин Филатов.

Кстати, внимание к творчеству молодых, начинающих литераторов - всегда было одной из добрых традиций журнала. В самое тяжелое для отечественной (и региональной в том числе) культуры время середины 1990-х гг.

редакция даже предоставляла страницы своего издания для спецвыпусков «Беловодья» - журнала в журнале, который редактировали и печатались в котором многие молодые авторы. Целый ряд тех начинающих прозаиков и поэтов сегодня прочно заняли свое место в краевой литературе, публикуются в Москве и Санкт-Петербурге.

Одно из самых крупных достижений журнала «Алтай» не только за последнее время, но и, пожалуй, за всю его историю - издание собственной книжной библиотеки. Вот здесь и вспомнились, всплыли имена, уже упомянутые нами в этом очерке. Были заново изданы «Записки городского головы» Александра Черкасова, «Егоркина жизнь» и четырехтомный роман Георгия Гребенщикова «Чураевы». К сожалению, лихие изгибы перестроечного времени дошли и до двухтысячных, и издание библиотеки вопреки протестам библиотекарей, кому, прежде всего, приходилось иметь дело с нашими книгами, было прекращено. Николай Черкасов, Владимир Башунов, Леонид Мерзликин, Евгений Гуцин и еще несколько писателей, ушедших от нас не так давно, стали авторами книг библиотеки. Повезло и некоторым ныне живущим писателям. Еще раз подчеркну: по оценкам специалистов, библиотека журнала «Алтай» по своему наполнению и техническому качеству - один из лучших среди подобных проектов за всю историю издательского дела Алтая.

Несколько слов о творческих принципах, которыми руководствуется редакция журнала на протяжении всех лет своего существования, продолжая традиции русского реализма. Если к данному случаю применить литературоведческую терминологию, то речь идет о критическом реализме, который получил развитие в 19-20 столетиях и успешно прижился в лучших произведениях наших писателей на протяжении всего советского периода и до наших дней. Придуманное литературное течение «социалистический реализм» так и осталось придумкой ангажированных филологов, зато критический реализм прочно врос как в теорию литературоведения, так и в ткань лучших произведений современности. Вряд ли было бы уместным затевать здесь разговор на филологические темы, но не смолкает вечный спор о месте традиционных форм литературы в современной жизни, о необходимости революционных преобразований, о новаторстве и традициях. Причем градус агрессивности в этих спорах зачастую переходит все допустимые пределы. Иногда осколки этой агрессии долетают до журнала. Но напомним: нам шестьдесят пять, и мы пережили времена, когда постмодернизм и прочие новомодные течения считались андеграундными направлениями, и когда, наоборот, реализм уходил в разряд андеграунда. Все уже было на нашей памяти, но, оценивая ту или иную рукопись, редакция старается, как и десятилетие, как и полвека назад, прежде всего, обращать внимание на творческую состоятельность авторов.

По-настоящему талантливая рукопись - редкость, и это нормально, ибо иначе само явление, называемое литературой, было бы обесценено. Тем не менее, множество талантливых авторов - прозаиков, поэтов, публицистов - начали свой литературный путь со страниц журнала «Алтай». Многие состоявшиеся писатели опубликовали у нас свои лучшие произведения. Они - наше общее богатство, наш вклад в литературу. Время скоротечно и переменчиво, но оно не отменит нашу работу, которую, по мере сил и возможностей, мы отдаем служению его величеству СЛОВУ. Не поссорит журнал с истинными ценителями поэзии, прозы и публицистики.

Юрий КОЗЛОВ

Юрий Козлов, член Союза писателей России, лауреат премии МВД СССР, автор книг: «Есть над Чудей-рекою дорога», «Белый Бом», «Кайнок», «Обыденка», «Суждено быть», «Железная гарантия», «Челюсти преисподней», «Ищите и обрящите», «Заказной роман», «Рацея старого ворона» (2 тома) и др.

Живет в Барнауле.

ГЛУМ

Повесть

I

В тот вечер мы хорошо набрались, домой я приплелся около полуночи. Последним моим ощущением было: на месте! И «автопилот», поднявший меня на третий этаж, тотчас выключился. Без него я не смог добраться до дивана и замертво опустился в коридорчике на рифленый резиновый коврик у порога.

Под утро, едва начало светать за окнами, я почувствовал неудобство ложа, перевернулся на спину, потом на другой бок. Кажется, я уже начал понимать свое падение, когда вдруг увидел, что у него есть живой свидетель. Это был нестарых лет мужчина, может и совсем молодой, светловолосый, стриженный под горшок. У него были красивые умные глаза, и весь он показался мне близким знакомым.

В один миг испытал я несколько смен контрастного душа: от нестерпимого жара на щеках до холодных мурашек на спине.

Кто это, крутоплечий и явно при воловьей силе?

- Э, - сказал или только подумал я, не помню теперь точно. - Чего надо? Красть у меня нечего.

Он чуть отшатнулся, услышав или разглядев, что я пробудился. В его взгляде не было страха, а скорее сочувствие и осуждение.

- Кто ты, красавец, и откуда взялся?

Он встал с корточек, распрямился и оказался того великолепного роста, который приписывают богатырям. Лицо его немного потерялось в темноте коридорчика, как теряются в облаках вершины гор.

- Мне повторить вопросы? - построжел я.

Чуть помедлив, будто решая для себя что-то, незнакомец бесшумно попятился в глубину коридора. Длинная, ниже колен, рубаха, не иначе ночнушка, трепыхнулась, будто на ветру, и потерялась за кухонным окном.

«Он что, выпрыгнул с третьего этажа? Я ведь даже не попугал его», - подумал я расстроено и все еще не в силах осознать, что сделал он это каким-то очень уж необычным способом: не поднимаясь на подоконник и не распахнув створки. Р-раз - и нету!

«Докалкался», - с горечью подумал я и провалился в приятное забытие.

Близко к обеду я узнал, что проспал ночь с открытыми дверными замками. И сразу вспомнил потомка Адама с густой копной светлых волос и небольшой бородкой от виска до виска. «Он вошел через дверь, - догадался я. - Через нее и вышел, увидев, что я проснулся. А кухонное окно... Чего не примерещится с глубокого бодуна».

Я осмотрел имущество. Оно оставалось на местах. Похоже, все-таки я вспугнул воришку.

Но почему мне показалась знакомой его физиономия? Я был готов спорить с кем угодно и на что угодно, что мы, если не общались прежде, то каким-то образом лицеизрекли один другого. Иначе чего бы он убежал? В узнавании таилась опасность для него.

Уж не граф ли это Сен-Жермен? Недавно я разглядывал репродукцию с его прижизненного портрета: молодежавое лицо, светлые волосы или парик... Самый фантастический долгожитель земли, если не считать библейских старцев с тысячелетиями за спиной... По его собственным осторожным уверениям и по воспоминаниям свидетелей, загадочный граф «наследил» в трех веках и потерялся в самом конце восемнадцатого, чтоб в третьей четверти двадцатого появиться на людях вновь под именем Ришара Шанфрея, признавшегося в камере телевидения, что он и есть граф Сен-Жермен. Его не закидали тазиками в бане, потому что граф и прежде имел множество имен. В России - генерал Вельдан, в Голландии - граф Стормант, в Германии - принц Ракоци.

Если передо мной мелькнула легенда всех плутней, то чем я приглянулся ему? Что у меня общего с ним, какие нетленные привязанности привели его ко мне?

Наконец, мой гость совсем не похож на рисованного с натуры графа. Мой проще, он откровенный русак и не из тех, кто прожигал жизнь, а, скорее, делал ее, закладывая историю.

День, другой, третий... Я уже забывать стал необыкновенное приключение, решив, что виной тому все-таки были глюки от передозировки спиртным. И тогда он появился вторично, незадолго до рассвета, как и в прошлый раз.

Будто чтоб досадить ему, накануне вечером мы шестером кутнули в моей холостяцкой однокомнатной берлоге - не то чтоб шумно, не то чтоб до спотыкача и потери памяти, но одно милое создание, предмет моих давних вожелений, Рена, Реня, Рина, Регина Порошина, позвонила маме, предупредила, что остается у подруги до утра. «Ты ведь не хочешь, чтоб меня обидели на темной пустынной улице?» Мама не хотела своей единственной даже комариных домогательств.

Пришлось мне уступить очаровашке половину единственного у меня дивана. И во всем остальном. Рина оказалась решительной и дерзкой, как всякая неумеха.

Проснулся я от жаркого дыхания в шею и от липкой тяжести девичьего тельца. Будто опасаясь, что я вознесусь на небо от счастья, она обвила меня руками, прижала согнутой в колене ножкой. Клетчатый плед, извлеченный из шкафа ночью в угоду целомудрию, валялся на полу, свитый в жгут. А таинственный блондин, стриженный под горшок, сидел перед нами на корточ-

ках и понимающе качал головой. На нем была та же льняная рубашка навыпуск без пояса, он сошел бы за само терпение, хотя взгляд его распахнутых глаз выражал уже знакомое мне сожаление.

Нам бы с Реней следовало стореть со стыда, но она спала, а я прятался под нею, как жертва случайного обстоятельства, как невольник, и тем оправдывался перед собой и гостем.

Почему я так отчетливо видел его в предрассветном мраке? Или он был с внутренней подсветкой, как глубоководный живоглот, или мои люмены от пресыщения отражались от него?

- Э! - подумал я, обращаясь к гостю. Мне было жалко будить Регину и лишать себя удовольствия чувствовать ее. Неизвестный вздохнул, как вздыхают люди, расстроенные непризнанием старыми знакомыми, поднялся во весь свой завидный рост и неслышно направился к балконной двери.

- Послушай, - уже голосом окликнул его я. - Ты кого ищешь?

Чудно, но любопытство напрочь вытеснило самую малость страха от того, что по дому бродит чужой человек.

- погоди. Задержишься на минутку.

Он растаял за перилами балкона, без усилия пропустив их сквозь себя. Я прислушался: ведь он должен приземлиться, должен издать тот звук, который сопровождает столкновение падающего тела с... с газоном под окнами. И ничего не услышал. Значит, незнакомец живет в моем воображении. Но откуда у меня ощущение, что мы раньше, еще до первого визита, встречались, и я помнил его, помнил, как близкого мне человека?

Но, может, это всего лишь ложная память? С юных лет я дважды замечал, что видел уже, как наяву, картинки из текущего времени. Помню, как я пытался угадать, чем закончатся они в действительности, но ни разу не увидел окончания. Да и были те видения мгновенны, как щелчок по носу.

Незнакомец приходил еще несколько раз и всегда неудачно для себя: то после обильной вечеринки, то когда Регина вдруг пугалась темноты. Гость разглядывал меня, сокрушался и растворялся в утренней синеве неба.

Все в божьей воле, оправдывал себя я. Если нужно, чтоб я надирался до положения риз, то прежде всего это нужно моему верховному поводырю, и не он ли навещает меня перед утренней зорькой, желая убедиться, что я по-прежнему исправен и готов к следующему эксперименту?

Но я вижу лицо, вижу выражение глаз незнакомца, совсем людское осуждение и сочувствие. А Господа не видел никто, если не считать Моисея, да и то с его слов.

А если я первый? Если мне оказана честь за доблести, которые еще впереди? Никто не знает, какие кому выпадут испытания под занавес жизни.

Я ерничал, и ерничал как щегол, привычно упражняясь в словесах, нежели думал и пытался проникнуть в суть происходящего. Мое детство пришлось на пору, когда не поощрялись мистика и нерукотворные чудеса. А натура формируется в юную пору.

Несколько рассветов я встречал как поезда дальнего следования. Не очень верил, но надеялся на удачу. На встречу, которая прояснит приключение. А незнакомец не приходил. Не отказался ли он от меня? Не сменил ли адрес, и кто-то другой, благоразумный и строгий, общается с ним?

Ну и пусть, по-бабьи взбрыкнул я и пустился во все тяжкие - как только выдерживало сердце. Но однажды, когда наша «споенная» веселая компания начала обсуждать, где, с кем и под какую дозу проведет вечер и ночь, когда жаркая, трепетная Рина обхватила меня сзади за плечи и легла грудью

на мою спину, я вдруг испытал отвращение к предстоящему. Даже почувствовал позывы рвоты при одном упоминании о выпивке.

Я сказал, что не могу сегодня, что завалил работу и что необходимо подтянуть ее. Мне не поверили, подняли на смех.

- От работы кони дохнут, - предостерегли значительно.
- У меня нет денег, - краснея, соврал я.
- Мы берем тебя на содержание.
- Я плохо себя чувствую.
- Подлечим.
- Я не хочу.

Наступившая тишина, по старым приметам, указывала на рождение нового человека.

- Ты... это... серьезно? - не сразу обрела дар речи «компашка». - Однако бить будем...

Перед утром, когда я, блаженно-свеженький, зачем-то продрал глаза, незнакомец предстал мне в прежнем облики и снова сидящим надо мной. Мне показалось, что он сомневается, туда ли попал.

- Опять ты?

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се аз грешный худый бедный раб Божий, сын Сафония, внук Екима Таруты прасын Юрки Жука што есть Аристовского села святой Богородицы дому, - напористо, как первый ученик в классе представился он, но при этом губы его оставались чуть разомкнутыми и без движения. Певучий многотембровый голос поднимался из глубины рослого тела, похоже, от живота.

Мать моя - девочка! Я встречался с эстрадными фокусниками, с некоторыми пил водку, пронюхал несколько их секретов, но... Но чтоб вот так, без видимых усилий, без артикуляции... Да еще бесплатно!..

- Как ты сказал? - пролепетал я отемяшенно и напряг слух и зрение.
- Аз Боги мому кланяю и слоужу. Аминь!

Теперь мне почудилось, что он не говорил, а пел... Пел речитативом, как это слышал я в церкви во время поминания родителей. За протяжными звуками речи чувствовалась неторопливая мелодия ликующего пространства. Бесконечности!

Во мне, наверное, пробудилась память о той далекой поре. Я без труда распутал вензеля допотопной речи, будто всю жизнь тем и занимался. И если б не вообразил поделиться приключением с современным читателем, - потом я узнаю о таком желании гостя, - сохранил бы в диалогах прелесть мягкого, чуть певучего говора, ну, и утомил бы кого на третьей, кого на пятой странице.

Сам случай и пугал и бодрил меня, будоража любознательность, то ослаблял мою волю, то мобилизовал ее, как перед броском в атаку на строящиеся пулеметы.

Да что ж происходит, Господи?

Не дух ли самого Ваттемара навестил меня? Я читал о великом актере, который восхищал Пушкина необыкновенным даром чревовещания и многочисленной трансформацией образов. С появлением радио и звукорежиссеров, умеющих из тележного скрипа сложить торжественную увертюру или колыбельную, гении сцены выродились. За ненадобностью. Нынешние актеры играют самих себя, не умеют перевоплотиться из добряка в злыдня, из киски в кошку. А гений штучный товар. Лишь через сто лет после Ваттемара появится на свет Уго Уччелини и его неповторимый театр. Не покидая

сцены, на глазах публики, он умел показать свыше тридцати самых разнообразных человеческих типов. С мгновенным переодеванием.

Но какое отношение имеют ко мне Ваттемар и Уччелини? Они подсмотрели какую-то мою черту не типичную для их времени? Как это поднимет или уронит мое достоинство? Чем объяснить настойчивость свиданий со мной? Настойчивость налогового инспектора.

Вразуми, Боже!

- Как ты проникаешь в дом? - Ничего умнее мне не приходило в голову. Он пожал плечами, мол, спроси что-нибудь другое. Тогда я попытался поймать гостя руками за шею, приобнять, ощутить его. Он ловко уклонился, отпрянул ровно настолько, чтоб я промахнулся.

- Не балуй, - сказал негромко. - Руки дадены мужу орало або меч держати.

Я помотал головой, думая, что все еще сплю. Спросил:

- Ты умеешь лопотать не глаголицей?

Он вопросительно уставился мне в рот, ожидая каких-то разъяснений. Ответил бойко:

- Бонжур, шер ами¹.

- Ты еще и француз?

- И саксонец, и германец... За тысячу лет я изучил почти все языки, которыми богата земля. - На чистом современном русском сообщил он и уточнил. - Языки, у которых есть азбука и де письменность. А началось все с польского и не по моей вине.

- Ну, это естественно. В польском славянская основа. Тут и к бабке ходить не надо. Но мне слышалось - за тысячу лет. Это фигурально или в каком-то новом исчислении?

- Нет ничего нового под солнцем.

- Но ведь и твое явление не назовешь будничным.

Он понял, кивнул согласно:

- Знач, мы договоримся. Аминь!

- А нам непременно нужно договориться? - Я все еще пребывал в состоянии невесомости, щипал себя за ляжку, чувствовал боль, но видение не проходило и делалось реальностью. - О чем нам надо договориться, и непременно в ранний час суток, когда спят дипломаты, да солнышко спит? И вообще, все странно... - Нужные слова, как мухи, разлетелись по комнате, сели на стены и потолок. Я их чувствовал, но не мог собрать, и выглядел круглым истуканом.

- Понимаю твою печаль, - сказал гость. - Понимаю и даже сочувствую. Пусть же сердце твое перестанет разрываться в догадках. Если б я задумал дурное, я не стал бы де добиваться твоего пробуждения.

- Спасибо, конечно. Но я не о себе. Ты выбрал для визита время домушников. Спросонья я мог запустить в тебя чем-нибудь тяжелым.

- Ты просто разбудил бы соседей. - И я вспомнил, как он выходил от меня облачком невесомым, прозрачным для препятствий. Как я забыл эту его достопримечательность? И... и... Господи, придумай же для меня что-нибудь мне понятное.

А, может, это все-таки мои друзья развлекаются? И меня разыгрывают: не хотел быть в компании, так получи загадку в две руки. Благоразумие всегда подвергается испытаниям, а я поступил накануне как праведник, чем и расстроил, - я это почувствовал, - расстроил постоянных наперсников. Но ни один кореш из моих названных братьев не похож на блондина, стриженного

¹ *Бонжур, шер ами (франц.)* - доброе утро, дорогой друг.

под скобку, с мягкой бородкой от виска до виска. Наконец, незнакомец не первый раз предстает передо мной, я отлично запомнил его. Никто из моих «близких» не тянул на гений неизвестного лицедея.

Однако... Однако, лицедея могли нанять за неохальную плату. У нас в городе есть университет культуры. Там учат и на актера. Студент еще не развращен деньгами, много не запросит. Он и за так, ради хохмы и практики, согласится поморочить мне голову... Да, но как он уходит на моих глазах?.. Как говорит! Если меня разыгрывают, то делает это большой мастер. Уровня шевалье Пинетти или Торрини, которые незаметно проходили сквозь строй инструктированной охраны, исчезали из запертых дворцов, не потревожив дверных замков. А если...

А, может, это стерео-кинотрюк. Но откуда он ведется?

Тогда... Тогда что происходит? Моя слабая «крыша» отправилась в незнакомые виртуальные миры? Или все-таки есть то, что мы отрицаем, освобождая себя для жизни бездумной. Услужливая часть памяти тут же предложила несколько невероятных историй полтергейства, случаев аномальных явлений от НЛО до «чуди белоглазой», привидений, вурдалаков, парадов покойников. О них с упоением писали частные газеты и журналы, и были те публикации напичканы страшилками.

- Приятель, - сказал я, - ты так и не назвал, что я задолжал тебе? Я застаю тебя в доме третий или четвертый раз. Ты, наверное, видишь меня чаще. Однако мы пока не перекинулись и парой слов. Не принимаешь ли ты меня за кого-то другого? Не посланец ли ты от Харона, чтоб проводить меня к нему, но всякий раз я бываю неподъемным, и тебе становится лень нести меня на себе?

В глазах незнакомца мелькнул живой интерес, чем и выдал он, что ему не чужды шутки, прибаутки, колючесть мысли, беззлобная задиристость, которая живет в каждом здоровом теле.

- Готов ли был ты слушать меня в сенях, лежа на полу? - чуть заметно усмехнулся он. - Потом всякий раз у тебя была катуна.

- Ты хочешь сказать - путана?

- Не путана. Катуна - твоя любимая, хозяйка в твоём доме, мать твоих чад.

- Надеюсь, ты не один из них?

- Я твой пращур.

Мне показалось, что я ослышался.

- Не понял. Это такая шутка?

- Я всегда не любил штильманов¹.

- Да... Но... Повтори, что ты сказал пару мгновений назад.

- Я твой пращур, - построжел он. - Аминь!

У меня, наверное, подпрыгнуло давление: запыхлала щеки, будто по ним провели кухонной теркой, в ушах зазвенели колокола, в висках застучали молоты.

- По какой же линии ты приходишься мне? - Не слыша себя, шамкнул я, чтоб не молчать истуканом, не выдать своего смятения. Фраза оказалась тяжеловатой. - По отцу? По матери? - подсказал я.

Он живо и почти радостно уразумел, чего я жду от него, ответил, повторив мое слово:

- По линии Михаила.

- Это ж мой отец!

- Да. Он был военным пилотом и погиб пассажиром на местном «кукурузнике».

¹ Штильман (др. русск.) - скоморох.

Пращур называл факт, который часто представлялся мне: у Ан-2 на высоте отвалилось то ли крыло, то ли элерон, и мой лихой реактивщик оказался бес- сильным пособить экипажу. Все произошло мгновенно: самолет завалился на бок и начал кувыряться к земле. В ту перестроечную пору «еропланы» сы- пались с неба, как мухи, угодившие в ядовитое облако дихлофоса. Либо они так протестовали против спешных реформ, или торопились очистить небо от своего присутствия, чтоб уважить иностранные авиакомпании.

- Слушай, предок, с какого времени ты наведлся ко мне?

- От великого князя киевского Володимира и его сынов, - ответил он как по-писаному.

- Извини, это которого Владимира? - Я не верил ушам своим и чуть не впал в беспамятство, будто явление со времен Петра Великого или Николая Первого было бы естественным и будничным, как сентябрьский дождь. На- ходчивый и быстрый на слова с современниками, я окончательно размяк до киселя, и голова моя сделалась сродни перезрелой дыне. Я даже ощутил, как из нее вытекают последние живые соки.

- Слышал ли ты о годе шесть тысяч четыреста девяносто шестом от со- творения земли? - спросил пращур.

- Я слышал о девятьсот восемьдесят восьмом, - уклончиво ответил я. - Уж не хочешь ли ты сказать?..

- Именно это я и хочу сказать. Князь Володимир Красное Солнышко.

- Ничего себе - Солнышко! Глянь в летописи. Современники сравнивали Владимира с Соломоном за блуд. Его многочисленные жены, около тысячи наложниц на содержании, замужние женщины, прошедшие через его опочивальню, растленные девочки... - Я вдруг беспричинно закашлялся. Гость тут же воспользовался окончанием моей прокурорской речи.

- Прислушайся де к себе: не ты ли недавно защищал в диспуте русского грузина, публично говоря, что о великих людях нужно судить по деяниям их, а не по ошибкам и слабостям. Князь Володимир сделал Русь православной, что и стало началом российского государства.

- Но до этого пройдет го-го сколько лет! Почти четыреста, - не уступал я, освоившись наконец с приключением. - Прежде чем ты скажешь мне, какая нужда привела тебя ко мне через тысячу лет, скажи, как тебе удалось материализоваться.

- Я не очень понимаю тебя, - подумав, проговорил он.

- Извини, как удалось одеться в обличие, принадлежащее тебе десять ве- ков назад?

- Разве в ваши времена не осталось явлений, которые де нельзя разже- вать? Как, например, объяснить дыхание человека? Аминь!

- Ну, этим занимались большие ученые умы: француз Лаплас, швед Неор- гард, англичанин Пэтл. Они даже вывели математическую формулу дыхания.

- Виноват. Но сегодня мы не на ученом совете. И не члены его. Аминь! Как я могу пролить свет на то, что в человеке де естественно? И происходит если не само по себе, то по воле Господа.

- Выходит, ты здесь по воле Господа?

- Я слуга его. Раб! Аминь!

- И у тебя есть привилегия... Да, привилегия опускаться на землю?

Его вдруг осенило:

- Именно так! После жизни земной я был наречен людьми святым мучени- ком, вписан в скрижали де русской православной церкви, приближен к престо- лу. У святых есть возможность навещать мирян, напоминать им Слово Божие.

- Как ты сказал?

Он повторил слово в слово, будто заученную легенду.

Та-ак! Моими ближайшими предками были летчик и домохозяйка, как это водится в семьях военных. Деды писались служащими, прадеды мещанином и мельником, прапрадеды пребывали в обедневших саратовских дворянах и зажиточных крестьянах. Кто-то из их родителей «баловался» книгочейством, и мне досталась от него древняя Библия на старославянском языке. И вот, оказывается, в моем роду есть иерарх в загробной жизни.

- Ты один такой в нашем роду? - спросил я.

- Второго встретить не довелось. Я пролистнул все двести пятьдесят шесть поколений нашего рода. Из тысячи восьмисот двадцати семи душ лишь треть вкусили Божьей благодати. Остальных соблазнил лукавый. В твоём роду были люди знатные и голытьба, умные и немощные головой, сильные и квелые... Тебе надо бы знать имена двух бояр думских - Паисия и Зоила, двух воевод славных - Иуния и Фотина... Мои потомки и твои предки были моряками, купцами, судьями, пахали землю, скоморошничали, бунтовали, ходили по этапу. В Сибирь.

Он посчитал, что убедил меня. А я метался от чуда к подвоху моих приятелей, и все у меня не складывалось, требовало филигранной ясности.

- Ты прости меня, - сказала я. - Прости, если можешь. Как мне, которому с пеленок внушали, что мир материален и не более, как мне уложить в голове то, что видят глаза мои сегодня? Что нужно еще сделать, чтоб поверить в тебя? Твое существование, твое исключительное положение...

- Надо съездить на Псковщину, - быстро отпел он, будто мы уже в десятый раз репетировали сцену. - Там в церкви мужского монастыря есть большая фреска. Она де с тех давних времен, когда мастера вдохновлялись свыше... На той фреске есть несколько ликов безымянных святых. Один из них писан с меня.

На доказательство это не тянуло даже в неправедном суде. Мало ли похожих людей ковыляет по земле милой. Особенно в наше время видно их, когда позволено зарабатывать умом и руками, кому-то телом молодым и крепким, а кому и портретным сходством с общеизвестными личностями, протипуировать историю и культуру и намазывать при этом толстый слой масла на пухленький ломтик белого хлеба...

Однако мне начинало глянуться, как без раздумий и косноязычия, суеты и недовольства отвечал на мои не совсем добродушные вопросы назвавшийся предком. Он уже нравился мне и статью бравой, и незаносчивым характером, и чувство, что мы знакомы с ним едва ли не тысячу лет, зарождалось в моей беспутной голове.

- Почему ты ни разу загодя не предупредил, что придешь? - спросил я. - Предупредил бы и не увидел моих безобразий, неловких сцен.

- Бог видит все, хотя и не ходит по домам своих подданных. Мы помогаем ему в этом. Ты только подумал, а мы уже знаем.

- Да? И что же вы знаете?

- Что твоя последняя... Рыженькая! Послана тебе небом. Береги ее, как зеницу ока. И пуще того.

- Рыженькая... Это которая Регина?

Он подумал, будто порывлся в книге или конспекте, кивнул.

- Да. Именно она. Ты оцени вкус Господа нашего. Твоя Регина красавица и вообще хороша собой. Она умна, терпелива и толковая мастерица, как моя Милена. - Воспалался пращур.

- Спасибо за добрые слова.

- Добро не нуждается в благодарности.

Помолчали... Я подумал, что вкус Господа, пославшего мне Регину, очень совпадает с моим. И чтоб не гнать хулу, перевел разговор.

- Зачем ты проделал немислимый путь с метаморфозами, явился мне? - спросил я. - Ведь ничего не бывает просто так. И твое появление не объяснимо просто фантазией.

Ответ предполагал небольшой монолог. Но едва прашур приоткрыл рот, в рассветной синеве двора сработала автосигнализация: фить-фить-фить! Гость оглянулся на звук, увидел, как прозрачнеет ночь, спохватился:

- Мне пора.

- Это не честно. Стоило ли забор городить.

- Мы познакомились. Разве этого мало? Мое впечатление о тебе помягчело.

Осенив меня размашистым крестом, он попятился к балконной двери. Я не находил нужных слов, бормотал вслед ему голимую невнятицу:

- Но как же?.. Как? Э... погоди... Я начал верить в тебя, и вот - извольте.

- Я приду еще.

- Когда?

Как и в прошлый раз, он бесшумно пропустил сквозь себя перила и листы шифера. Я напряг слух, ожидая шлепка приземления. Но вместо него мужской зычный голос из дома напротив окликнул кого-то недружелюбным тоном и рассыпал в нежной предутренней тиши брань, которой можно было бы заколачивать бетонные сваи в каменистый грунт.

- Ама акта эст, - не напрягая ума повторил я за Юлием Цезарем. - Жребий брошен.

II

Боясь заспать предутреннее приключение, я вышел на балкон. Было свежо, как водится у нас в середине августа. На дикой парковке посреди двора тускло поблескивали кузова легковых автомобилей. Они напоминали музейную коллекцию жуков на булавах. Между ними шустрили две особи мужского пола. Поняв, что их застукали, вору прикинулись хулиганами. Сквозь угрозы и мат с пятого этажа дома напротив слышались звуки, которые нельзя было бы спутать с другими. Охальники колотили полированные бока иномарок заурядной фомкой, сработанной в сельской кузне умельцем из числа вечно начинающих. Теперь они выражали отношение к «жирным бобрам» и тем рядились в доспехи нетерпимых борцов за справедливость...

И вдруг чей-то старческий, с присвистом голос, будто рой пуль, пустил по двору:

- Кто-нибудь милицию вызвал? Нет?

- О, пал-ла, ухо-горло-нос, - стонал автовладелец с пятого этажа дома напротив. Он, наверное, не попадал ногами в штанины и терял время. - Са-ам найду, грабки выдергаю, спички вставлю...

Я возвратился с балкона в дом, машинально заглянул в холодильник. Там никогда в утренний час не водилось ничего путного. Включил чайник, насыпал в бокал две ложки кофе.

Так что же со мной происходит? Не нуждаюсь ли в услугах специалистов из психушки? Я сделал глоток кофе, другой. Почти не почувствовал вкуса, оставил белую под фарфор чашку.

Спать, спать, спать.

Но уснуть не смог. Перед глазами возникал прашур или тот, кто так здорово разыгрывал меня. В ушах все еще не улегся его утробный голос, и

редкая манера говорить животом вызывала изумление, будто током пронизывала каждую мою клеточку.

Надо было записать... Да, записать на диктофон... Иначе мне никто не поверит... Как же я не сообразил установить его и включить незаметно... Надо исправить ошибку в следующий раз...

За окном совсем светло стало, а вскоре оранжевый луч солнца наложил заплату на угол дома напротив, высветив балкон на пятом этаже.

На глаза попал телефон. Я обрадовался ему, набрал номер Регины. Она не взяла трубку даже после десятого звонка... Ясно!.. Я забыл, как накануне «компашка» уговаривала меня кутнуть... Кажется, речь шла о природе... Значит, Рина укатила за город, а ее мама ковыряется в грядках на даче, скопированной с хижины дяди Тома. Рена не любила рыться в земле, и мама прощала ей эту слабость. Что поделаешь, если большинство русских мам грешат чрезмерной любовью к чадам. Не на пользу им.

Та-ак, Риночка, пока я рискую быть раздавленным в разломе времен, ты «палишь» жизнь, которая уже никогда не вернется. Благоразумно ли это? И кто нынче помогает тебе в этом богопротивном деле?..

Стоп! Это что-то совсем новое для меня. Прежде я легко знакомился с девчонками, без слез расставался. Я точно знал, кому, когда и с кем навесил рога, знал и о своих украшениях на темени. Дорожа свободой, я не оставлял юным теткам надежд, и они мстили мне тем же.

Но Рена... Нет, позвольте, что значит - где и с кем? Ты ревнуешь? Твоя кровь начинает пениться при общем твоём состоянии побитого меланхолика. Это противоестественно вообще, а в моем случае столь же нереально, как... Как приход пращура...

Острый коготок хищной птицы царапнул сердце. Правильный образ жизни, оказывается, имеет и недостатки. Мысленно я перебрал всех Регининых поклонников. Их оказалось не меньше, чем у Клеопатры. И были среди них особи крупные, самоуверенные, да и яркие, будто назло мне.

Что-то совсем новенькое. Никогда прежде не становился я на цыпочки, чтоб сравняться с современным Давидом. Кажется, я «завис» на Рине и понял, что «завис», когда плёвый случай развел нас на время по разным углам.

Я чувствовал, что чернею лицом, превращаясь в ревнивого мавра. И тут телефон разлился негромкой руладой и заполнил все углы комнаты. Я взял трубку, услышал Ренин голос:

- Ты звонил мне?
 - И очень настойчиво. Где ты?
 - Дома, у аппарата, как говорили в кино. Что-то случилось?
 - Ты одна?
 - С кем же мне быть, если ты у себя дома?
 - Но ты не ответила на мой звонок.
 - Я слышала его из ванной.
 - Почему ты не поехала с нашими? - Мне уже втемяшилось в голову, что «компашка» собиралась убить время на природе.
 - Так никто не поехал. Из-за тебя, между прочим.
 - И ты не позвонила мне, - упрекнул я.
 - Ты же сказал, что собираешься поработать. Я и не рискнула.
 - Рень, твой риск был минимален. Я всегда рад слышать тебя.
- Она сделала маленькую паузу.
- Ты объяснился мне? - сказала она, явно улыбаясь.
 - Считаю, что это лишь начало.

- Может, ты повторишь свои слова мне прямо в лицо?
- Нет-нет, моя хорошая. В другой раз.
- Ты не один? - Знакомый мне коготок царапнул мембрану Рениного телефона.
- Что ты такое говоришь. Ты у меня одна, словно в ночи луна, - напел я. - Клянусь всеми... пращурами своими.
- Почему же не хочешь видеть меня немедленно?
- Хочу! Хочу, но... немного прихворал.
- Еще минут пятнадцать я доказывал, что болезнь моя пустяковая, скорее, очередная возрастная грань, что нужно малость времени, чтоб она отошла совсем.
- Просто надо прийти в себя после... необычной ночи, - сбрыцал я, и все опять запутал.
- Повтори-ка.
- После кошмарной ночи. Меня одолел... бред... Жуткий сон... Я потом расскажу тебе подробно. Но пока... Пока мне надо прийти в себя.
- Маловато для диагноза, - сказала она раздумчиво. - Ладно, доживем до понедельника.

Регина закончила медколледж и теперь четвертый год парилась в мед-университете. После лекций она забегала к нам в контору, интересовалась нашим здоровьем, измеряла давление. Она была миловидна, несмотря на некоторую этническую курносость и полное несходство с голливудскими красотками. У нее был неплохой художественный вкус, и прическа, которую она придумала сама, отличала ее от остальных очаровашек планеты: правое ее ухо было немного пригоялено, лишь густой локон спадал по виску до уровня кончика носа, а левое скрывалось под густой волнистой копной, ниспадающей до плеча и ниже. Начальник явно «положил на нее глаз» и охотно выплачивал ей полставки фельдшера, чтоб не упустить случая хоть мысленно пофлиртовать с ней. Современные начальники много сил и энергии тратят на сотрудниц, явно в ущерб главному делу. Наш остерегался меня. Я был удачливым работником и физически превосходил его. Как Эверест превосходит любой из Московских или Римских холмов.

Психика - психикой, а голод - не тетка. Несколько глотков кофе разбредили желудок и тот напомнил мне, что его совсем не занимают мои душевные волнения. Я глянул на часы. Ближайший магазин в конце двора уже открылся. Сбежав на грешную землю, я зашагал вдоль ночной парковки машин. Несколько мужиков, чуть не вода носом по полировке, искали на кузовах, капотах, крыльях следы предутреннего разбоя. Я живо вспомнил характерный звук тампанов. И свернул с пешеходной дорожки.

Первым меня встретил рыхлый от злоупотребления жратвой и пивом мужик, тот, кто с балкона пятого этажа дома напротив крутым матом боролся за порядок в родном городе. Он был в зеленой клетчатой рубашке навывпуск, в широких бежевых шортах до колена, синих кроссовках на белой литой подошве. Его сходство с Тартареном из Тараскона¹ дополняло ружье, которое он держал на ремне. За несколько рассветных часов переживаний он приобрел синдром неусыпной боевой готовности.

Мужик подозрительно оглядел меня. Наверное, с юных лет он усвоил милицейскую байку, будто преступник непременно придет на место преступления, и с ее помощью надеялся опознать ночных варваров.

¹ Тартарен - герой повести А. Додэ.

- Сильно изуродовали? - спросил я.

- Да х... их поймет! Ты слышал, как барабанили?

- Я проснулся от грохота.

- Во-во! Именно грохота. Но ведь не осталось ни хрена. Ни царапины нет. А? Как так? Не верю я в забугорное качество. Цены у них - до звезд, а жестянка с пластмассой от встречного ветра прогибаются... Но ведь ни единой царапины не осталось. Менты приехали, оглядели: «Ну-ка дыхни», - говорят. Че, говорю, крайнего нашли? Весь двор слышал. Ну, т-твою... Еле отвертелся. «Мы тя в трезвяк оформим...» А я виноват?

- Может они по дну колотили?

- На хрена им - по дну. Ломают, чтоб хозяин слезой умылся, а по дну - че, какой кайф?

- Ну, извини.

В нескольких шагах от нас группировались трое, с интересом слушали четвертого - высокого худого старикана с одухотворенным лицом Жака Паганеля¹. Я приблизился к ним тенью. Услышал:

- Шренк Нотцинг доказал это практически. Спириутализм и материализация духов после него стали самостоятельной наукой. Не чертовщиной, как принято у нас считать, а именно наукой. Его опыты повторили неоднократно Ломброзо, Уильям Крукс, Рише Цолльнер. Ах да, извините, но поверьте на слово... Им удавалось неоднократно материализовать дух ушедших и, заметьте, - публично. Знаменитые физики Максвелл и Эдисон вполне допускали такие опыты и относили их на счет электромагнетизма.

Во шпарит! Без конспекта и суфлеров. А мужики-то, мужики губу развесили, уши - варениками...

- Английский писатель Конан Дойль среди ночи разглядел в доме силуэт человека. И узнал в нем брата жены, который погиб на Первой мировой войне месяц назад. Привидение что-то писало, склонившись над столом. Утром Конан Дойль увидел листок с номером ячейки камеры хранения на Лондонском вокзале. Час спустя, писатель с женой были там, открыли ячейку без труда. В ней стоял саквояж убитого с документами на собственность, и с деньгами... Это единственный известный случай, чтоб пришелец оставил вещдок.

- Единственный, - вцепился в слово сухонький старикан с юношеской челочкой на лбу и лишайными проплешинами на коротко остриженном затылке. - А как доказать, что тот вещдок не был написан до отъезда на войну.

- Но ведь Конан Дойль видел призрак своими глазами! Видел, как он писал.

- Можно ли верить писателям? - не поддавался старикан с проплешинами. - Они же все врут в своих книгах. Один три часа говорил со мной, в газете напечатал три строчки: это же подтверждает Петр Анисимович Павлов... Павлов - это я. А вот то, что будто бы подтверждал я с чужих слов переврано, не дай бог о себе услышать. Ни слова правды. Даже близко.

Паганель потускнел. Но его поддержали двое из слушателей, шикнув на неверующего Фому.

- Еще-то были эти... привидения?

- Великое множество, - воспрял Паганель. - Спиритизм, столоврашение были любимым занятием царской семьи. А вслед за ними вся сытая Россия развлекалась, вызывая духи предков, заклятых врагов, чтоб смело высказать им, что о них думают. Особенно доставалось Наполеону. И Кэти Кинг. Это была известная аппарация. Она более десяти раз отзывалась на приглашения, вспоминала,

¹ Паганель - герой романа Жюль Верна.

что жила при дворе Карла Первого, что ее зарезали солдаты Кромвеля и что звали ее тогда Анни Морган... Она даже показывала шрам на боку. Но не оставила ни царапины на стене в память о своем пребывании среди людей. Таков закон. Так что, отсутствие следов - вмятин, царапин на машинах, - он величаво оглядел парковку, - отсутствие царапин и вмятин лишь подтверждает неземное происхождение, как вы говорите, бандитов и хулиганов.

- О, мало тут своих, так Господь сверху подбросил, - сказал с веселой горчинкой бесцветный дедок из соседнего со мной подъезда.

- Наверное, мы вступили в пору Великого медиума, - продолжал похожий на Паганеля. - Он поднимает из небытия сотни образов и явлений. В гробнице Тутанхамона найдены изображения планеров. Близ нее обнаружена терракотовая модель летательного аппарата с известными нам фюзеляжем, крыльями, хвостовым оперением. Это дает повод уверенно думать, что на земле не первая цивилизация.

Для двора он был оскорбительно осведомленным человеком. Я увидел, как остро чувствовал и переживал это благородного вида старикан с густой шевелюрой белоснежных волос и черными, как крыло ворона, бровями.

- Чего усложнять всякий чих? - сказал он. - Мы научились дальше носа ничего не видеть, остальное придумываем, как Бог на душу положил... Полста лет назад, в конце пятидесятых, служил я близ Москвы на точке пэ-вэ-о. Летом внезапно на экранах локатора появилась цель на высоте километра. Сыграли тревогу. Свободные от несения службы с автоматами построились. Глядим, заходит прямо на нас, как для стрельбы, летательная штукovina с круглым крылом. А под ним кабина подвешена, как достоинство жеребца племенного. Заходит, зараза, и снижается, будто для атаки. Нам велели разойтись, рассредоточиться, чтоб не подставиться под бомбу или пулемет... А штукovina эта бесшумно спланировала над нами и скользнула за лес, что был в полустах метрах от точки. Взрыва не помню. Видать, улетела дальше. Что это было? Энлэо? Или другой дьявол какой?

- Думаю, это был «дископлан» инженера Суханова из новосибирского ДОСААФа.

- Но ведь Москва же!

- К сожалению, только на виду у всей Москвы можно прочно «засветить» изобретение.

Как всегда в жизни, на самом интересном послышалось сопение, и отважный победитель всех львов Тартарен из Тараскона вывернул из-за моего плеча, нелюбезно задев его.

- Ну, ты, твою мать... продолжаешь умничать, - сказал, обращаясь к ученому Паганелю. Они были шапочно знакомы.

- Когда ты станешь изъясняться прилично?

- Да по мне хоть так, хоть растак...

Разговор делался будничным и по правилам тартаренов. Я поплелся в магазин, вдруг опять почувствовав, как кишка кишке кукиш кажется.

III

Слово спиритуализм оказалось во всех словарях двадцатого столетия, и я вынужденно признал свое невежество. Правда, все издания с тридцатых по девяностые годы утверждали, что интересующий меня предмет враждебен научному миропониманию, реакционен и служит идеалистической философии, признающей лидерство духовного над материальным началом вселенной. Но Паганель, вслед за чредой великолепных ученых, назвал спиритуализм наукой. Я впервые подумал, что, следуя логике наших словарей, нужно пре-

дать анафеме всех алхимиков прошлого и настоящего времени, усомниться в гении многих признанных имен за их творения в кельях монастырей.

Я сварил две сардельки, густо смазал их горчицей и съел, не замечая обжигающей горечи. Потом я снова вытянулся на диване, но сон не приходил. Помаявшись на правом и левом боку, я позвонил Регине.

- Ты знаешь, что такое спиритуализм?

Она оказалась не готовой к таким вопросам, почувствовала подвох.

- Повтори слово.

Я повторил по слогам.

- Намекни от чего происходит: от спирта или спиритизма?

- От второго.

- С тобой не соскучишься. Зачем это тебе?

- Да так... Что-то стукнуло в голову...

В полдень я включил телевизор. Вообще я отношусь к нему если не критически, то с равнодушием взрослого к претензиям юнца на панибратство. Я перерос большинство его программ. Они вызывают у меня скуку или протест, потому что часто возводят ложь ведущего в абсолют истины. Но в тот полдень я не знал, куда себя деть, и схватился за пульт. Столица вещала новости: заказное убийство в центре Москвы - лужица крови на асфальте; столкновение в океане - картинка запечатлела миг, когда гигант-танкер пытается проглотить малотоннажный сухогруз; потоки раскаленной лавы сносят деревню на скате вулкана - люди обречены, потому что отрезаны от мира и остаются на задымленном островке склона; туристический автобус падает в пропасть с пятидесятиметровой высоты - куча металла и несколько баулов с барахлишком, как напоминание о неизбежных жертвах; угон самолета с заложниками - сцена штурма по всем правилам и без них; взрыв бытового газа - разваленный угол дома; жертвы полового маньяка - веер фотографий девочек до и после... Кто-то философски считает нужным показать, что остается от нежных созданий после того, как с ними «поработал» изверг.

Я переключил канал: тэвэзники совсем не понимают, что подбор информации выдает их людоедские наклонности? А может в стране не происходит ничего толкового, дельного?

Впрочем, осенило меня, кто-то очень влиятельный велит приучать нас к обыденности смерти. Смерть изображают в литературе, в кино, на ТВ, и чем натуралистичней, тем выше оплата. Нам, «сырым», надлежит привыкнуть к картинкам насилия, убийств, перестать переживать в каждом конкретном случае и вообще, а соответственно, не очень негодовать в адрес убийц. Нам преподнесли кино, где герой в самом конце ленты ухайдакал несколько мужиков, потом тут же извлек из закутка блондинку и показал крупно, что с ней надо делать. Трупы вокруг еще не остыли, а между ними зарождалась новая жизнь. Привычка к насильственной смерти снижает остроту осуждения за кровавое деяние и вроде бы исключает гнев международных трибуналов. В будущем.

Экран расплылся кирпатовой рожицей мальчишки: «Мои зубы будут крепкими, как у дедушки...» - сообщил рекламный ролик. «Ваш желудочный и кишечный тракт нуждаются...» «Естественный цвет волос...» «Ярко-красное, как новое...» «Найди купон и получи деньги...»

Сорочинская ярмарка! Колхозный рынок из старых добрых фильмов. Но те можно понять и вытерпеть без труда. Они вписывались в сюжет и дополняли его, не были навязчивы и, толкуя о достижениях системы, не вызывали оскомины. Там присутствовало искусство, а искусство будто аптека исцеляет от множества заболеваний. И депрессии тоже.

Я снова поменял канал. «Дай пальцам оттянуться...» «Ма-альчики, отвернитесь, мы забыли дома купальники». «Э-э, это вы удачно их забыли...»

Да что ж это такое?

Ага! Потолки, стены с дорогими картинами. Какое-то действо за кадром справа. С придыханьем и ыканьем, которое обычно сопровождает колку суковатых дров. Так и есть. Тот самый коверкот шерстью наружу. С невероятной откровенностью сильный бьет слабого. Тот катается с этажа на этаж нехилого дома, считает ступеньки ребрами и чем придется еще, но победитель не спешит праздновать успех. Напротив, он еще внушительней закрепляет его, наслаждаясь болью поверженного. Мне показалось вдруг, что режиссер расправляется не с персонажем фильма, а с кем-то лично ему ненавистным: так тебе, гадина, так! левой, правой, под дых, между ног и, наконец, носом в несмытый унитаз. Непременно носом и непременно в несмытый... Режиссерская кровь пенится от избытка адреналина. Она брызжет из глаз и ушей. А тот, кого киношник медленно и с наслаждением бьет, сидит у экрана и не подозревает, что он только что уничтожен, и думает неторопливо о режиссере: тебе бы, парень, свиней пасти, а ты клепаешь живые картинки, преподносишь как образец нового искусства, а на самом деле льешь жидкий дымок в незрелую неискушенную душу людей.

Никогда раньше я не утруждал себя подробным анализом того, что нам «кажут» с экранов, похихикивал над наивностью кинодеятелей и комментаторов, а тут разнесло вдруг, будто я повзрослел на сто лет и попал на ученый совет, где Лессинг, Толстой, Достоевский, Стасов, Рерих единодушно вынесли приговор: натурализм живет в душах маленьких, паучьих, не ведающих, что и как надо творить; что мизерам свыше отказано в мастерстве. Но именно бездарь необыкновенно энергична и прет на Олимп солдатской цепью.

Попробуй останови! Перед нею бессилен сам Зевс.

С чего бы это я? Откуда такая пронизательность, нетерпимость к халтуре? Уж не по причине ли, из-за которой отказался я от беззаботного пикника на природе в милой компании, где меня хорошо принимают? Сдается, пращур вправляет мне мозги, смахивая с них налет безоглядности и глупости, и я начинаю обнаруживать на месте серого вещества еще живой, не тронутый тлением разум.

Я выключил «ящик», в сто первый раз поняв, что работает он на какую-то другую страну, где принципы и мораль не дружат с нашими.

Тучи надвинулись на город, улеглись на крышах домов, соединив их общим одеялом. Сделалось не по времени мрачно. Я начал готовиться к встрече с пращуром. Проверил исправность диктофона, настроил его на запись. Осталось только в нужный момент давнуть кнопку включения. Для маскировки я обставил его вазочкой с искусственными цветами, парой книг, стаканом воды. Придвинув журнальный столик к изголовью дивана, я, как мудрый старый пескарь, возгордился своей находчивостью. Теперь нужно заставить себя уснуть пораньше, чтоб перед рассветом быть выпавшимся.

Оказалось, что я даже не мизинчик Гагарина, который накануне первого в мире полета человека в космос проспал ночь безмятежно и сладко. Ближе к полуночи я даже обрадовался, когда расслышал на лестничной площадке какое-то шевеление. Он! Он понимает, что много времени уходит на изумление, «анкету», пустой треп, а цель знакомства так и остается непроясненной. Впрочем, разве мимо двери не проходят жильцы подъезда?

Я прислушался и сообразил, что движение замешкалось аккуратно против меня. Ну-ну!

Я выглянул в глазок. На площадке вошкался незнакомый мужик грязно-линялого цвета. Он делал постель из ковриков, собранных на этажах, и делал прилежно, будто собирался прописаться у нас надолго.

Не испытывая осторожности и сомнения, я вышел к нему:

- Э, ты чего тут?

- Нельзя, что ли? Дождь собирается.

- По весне такой вот невольник нагадил прямо где спал.

- Я тут ни при чем. Я всего второй месяц божую.

Судя по его лицу, к тем двум месяцам он готовился долго, разрушая себя распространенным способом - бормотухой и паленкой. Мне вдруг - именно вдруг! - сделалось жаль его, и подкрепились та жалость невесть откуда взявшейся боязнью увидеть себя в таком вот положении. И без участия людей.

И это было почти ново для моей беспечной, неоглядной души, как внезапный дар искусствоведа, как острый коготок ревности, наконец, отказ кутнуть где-нибудь на природе в веселой компании.

И тут меня будто дьявол дернул за язык:

- Это он подослал тебя?

- Говорю ж, не несу я чужую вину... Весной я еще спал в двухкомнатной квартире.

- Я говорю о блондине с бородкой.

Он вытянул лицо в недоумении, пожал плечами.

А я понял, что опасно богохульствую против всех заповедей, нам завещанных. И спешно сменил тему.

- Слышь, у тебя вши есть?

- Не-е... Я себя соблюдаю.

- Почти молодец. - Меня прокружило на месте, как между полюсами магнита. - Ты это... Заходи в дом. Чего соседей пугать?

Я говорил так, испытывая легкую брезгливость к небритому дитяти человечества. Но ведь говорил, и будто утешение вспомнил вдруг, как Иисус Христос собственноручно помыл ноги своим ученикам, не испытав при этом ни брезгливости, ни ложного унижения, чего так боимся мы нынче.

- Ты че? - спросил бож недовверчиво.

- Без дураков. Заходи, располагайся, а то, кто-нибудь тебе спящему оттопчет ноги, руки. Или вызовет милицию.

Последнее напугало его больше, чем перспектива остаться без конечностей. Его немного оплывшее лицо отобразило работу мысли.

- Ты че? - спросил снова, никак не врубаясь в разговор. - Зачем это тебе?

- Не мне, а тебе. Заходи, не торгуйся. - Я не понимал себя и то, что творю. Казалось бы, какое мне дело... Всех не обогрею, причину бродяжничества не устраню. Тут бы государству напрячься следовало. Народным избранникам.

На всякий случай бож заглянул в квартиру с порога, потом переступил его.

- Я согласен, - сказал чуть сипловато, видать, расчувствовавшись. - Но только вот здесь, - указал он на коврик, на котором я недавно провел ночь и с которого увидел впервые прашура.

Поспорив немного, я уступил. Какая разница, в каком углу спать на полу. У меня нет резервной кровати.

Я поманил божка за собой на кухню, указал на табурет, включил чайник. И тут вдруг почувствовал, как смердит мой нечаянный гость всеми запахами тления.

«А ты не очень тщательно соблюдаешь себя», - подумал я, чуть не раскаинаясь в своей щедрости и гостеприимстве.

Будто разгадав мое напряжение, визитер заговорил бодро, как на корпоративной вечеринке.

- Я не родился бомжом. Я хорошо учился в школе. Особенно по-французски. Сколь лет прошло, а помню много слов: ла кафе, ла телефон, ла трактуар, ла карта... Пальто, монто... Мат!

Во! Еще один полиглот! Забавно!

Бедная Русь, с таким образованием ты еще лопочешь о каком-то благословенном будущем.

- Ну, мат, скорее исконно русское, - усомнился я.

- Мат - это в шахматах.

- Извини, не сообразил. Этот мат редок в обычной жизни.

А бомж уже вошел во вкус.

- Прошлый год взял я кредит. Решил пирожковую открыть. Любил я пирожки с ливером. А баба моя ловко их делала. Она у меня ля маленькая росточком, крепенькая: тут - во, тут - тоже. И - вообще. Такие мужикам нравятся. И не отказывают, потому что знают, как нравятся, не могут не нравиться... Ну, да я о чем? Ах, о моей ля, бабе... Договорились мы: я днем по базару бегаю с ящиком-термосом - «Пирожки с ливером, пирожки, пирожки!» А жена новую партию готовит. Вроде зажили при деле, ля. На бутылку каждый день выкраивали. Вспомнишь теперь - слеза прошибает. В январе нынче, помнишь? - морозище жмет, весь базар водку хлещет, чтоб не околеть, пирожки нарасхват идут. И вдруг тискают меня в уголок двое: «С чем, говоришь, пирожки?» «С ливером, ля!» «А почему ливер с ногтями?» Вижу надкусан пирожок, а из начинки, ля - ногтище торчит. Ногтище от большого пальца ноги. Здоровенный, толстый, не иначе как год, ля, растили его. А потом состригли ножницами по металлу. «Извините, - говорю, - а у меня ли вы покупали?» «У тебя, чертило, у тебя». Вижу бить собрались. Сунул я им два червонца - вернул деньги, ля, и бегом от кулаков привычных. Выяснение делать. Прихожу домой, жена на кухне вся румяная, разопревшая, а в зале на диване - жлоб почище Бармалея. На пять кило ливера не меньше. Оказывается, ейный деревенский дружок. Они в первый и во второй класс вместе ходили. Потом он в армию загудел, из армии завербовался на север и вот приехал - обрыдли морозы. А у нас будто Килиманджаро, ля. В январе особенно. А моя-то, моя в коротеньком халатике до колен - жарко ей, в тесном - того и жди по швам лопнет, нижняя пуговка против пупа, верхняя на ладонь выше. Во, ля. Вся наружу. «Почему посторонний в цехе? - ору. - Потом ногти в пирогах попадаются». Моя-то чуть в небо мне не вцепилась: «Дурак и нахал, нахал и дурак». Слово за слово и я хлопнул дверью снаружи. Оставил ей двушку и кредит.

Во враль! Куда до него Мюнхгаузену и современным политикам. Январский морозище был более полугода назад. А он бомжует второй месяц. Впрочем, мог попить кровушку у какой-нибудь вдовушки. Иначе альфонсы ничем не рискуют. Это становится почетной профессией.

- А как с банком разошлись?

- Просто. Месяц, другой крепился банк. И, наконец, ля, прислал трех братков: «Где мужик твой?» Такой разговор получился. «Тогда ты плати». Продали квартиру.

- Братки на службе у банка?

- Да везде они у нас! Ты будто не слыхал. А вы еще на что-то надеетесь.

- А ты?

- Я на краю. Мне терять нечего.

Верно сказано. Сколько их, непримиримых бывших начальников прикормились при новой власти! Им терять есть что, и они не высовываются со своими намерениями, пересмотрели идеи, цель жизни.

- Ладно, друган, - сказал я. - Пора и на боковую. Время к утру близится.

Я запер дверь на внутренний замок. Теперь если в незнакомце проявится склонность известных олигархов, он не сможет тайно покинуть дом. А сигануть с третьего этажа он не готов по причине одутловатости фигуры и отсутствия преимущества обитателей загробного царства.

Квартирант провалился к Морфею мгновенно, находившись за день в поисках пропитания. Я же еще долго таращился в темноту ночи, прислушивался к далеким громам. Где-то баловалась гроза. Наконец и я опустил в глубокие тартарары.

Я редко вижу сны. А тут увидел рубленную из тесаных лесин церковь с тремя конусообразными куполами. Она возникла передо мной из-за высокой ограды, занавесом отделившей чистенький ухоженный дворик от дремучей долины, поросшей бурьяном, дичками яблонь, груш и терновником. Окна храма сияли яркими огнями. Сполохи света тянулись в высь и к земле, как бы соединяя мир духовный и материальный.

Еще не продрав глаза я начал рассуждать в полудреме: откуда это очаровательное виденье и к чему бы-то... Храм, опоясанный высоким забором, чистенький дворик... Уж не модель ли это моей родины, той, в которой я ступил в шумный мир.

Застенало, заныло сердце.

Проснулся я затемно, растревоженный виденьем. За окном ровно, как автомобильные шины по идеальному асфальту, шуршал дождь. Тучи, днем зацепившиеся за крышу дома напротив, истекли частыми строчками. Крупные капли с балкона верхнего этажа с громким шлепком разбивались о дощатое крашенное покрытие моего. Под такой дождик спится хорошо. Но прашур сидел на корточках в локте от дивана, и было бы неучтиво с моей стороны предаться безволию и лени, подчиняясь колыбельной мокрой стихии.

А как же он?..

Свободная рубаша, волосы и борода были сухи, будто не проделали долгий путь и не окунулись в хляби над нашим двором.

Значит прашур никуда не девался накануне... Значит, он прижился в моей голове или еще где, в тайнике, где обустроилась карма, тот самый мотор, который определяет длину жизненного пути и его благополучия на разных уровнях бытия.

Я напрягся. Карма, карма... Она следует «закону возмездия» за дурные поступки и даже намерения, за стремление возвыситься над Природой и ее Создателем. Все это водится за мной. Выходит, прашур должен озвучить мне приговор за моральную распушенность, непоследовательность действий и поступков, за бессмысленное растраниживание времени и знаний, полученных в двух вузах.

Красиво и убедительно складывается, - подумал я. И главное, правдоподобно, не какие-то там аппариции и прочая чертовщина... Но при чем тут карма из учений индийских религий?

- Я приветствую тебя, мой настойчивый, самый непоседливый предок мой, - разразился я, забыв о диктофоне.

- Божией милостью Господа нашего Иисуса Христа и боголепного его преображения и Пречистые его Матери, честного и славного ее успения

прими и ты мои благословения. Аминь! - Он опять демонстрировал чревовещание, голос его был низок, а манера слагать фразы опять прочитывалась мною, мысленно я переводил его речь синхронно. Видимо, так хотел он, и с помощью перечисленных лиц прибавил мне сообразительности.

- Тебя не остановил дождь? - Я протянул руку, намерясь коснуться его плеча и тем убедиться - мокрое оно или сухое. Пращур легко уклонился и рука моя повисла в воздухе. Я растерялся немного, но вспомнил о карме, ухватился за нее, как утопающий за спасательный круг.

- Скажи, были в нашем роду буддисты?

Пращур свел брови, как минутой раньше делал это я, вспоминая, что мне известно о карме.

- Ты говоришь о мунгитах¹?

- Об индусах.

- Это гарипы²?

- Я говорю о религии, которая старше христианской на полторы тысячи лет. Очень распространенной в мире... Так были в нашем роду буддисты?

- На моей де памяти не было, - отозвался он негромко. - Но могу ли я поручиться за моих предков? Они растворились в мире язычников и я не встречал их в Эдеме... Хотя, надо признаться, у древних славян было принято сжигать тела умерших, не придавая их земле. А это ведь похоже на буддийский обычай.

- Откуда знаешь?

- Да уж поверь - знаю, - значительно отозвался он. Я вспомню его тон некоторое время спустя. А пока в моей памяти засвербило имя... Имя Ахмета... Нет, Ахмеда ибн... Не выговоришь сразу. Это был путешественник из арабского мира. Он разъезжал по землям, прилегающим к Верхней Волге, делал записи. До меня они дошли в пересказе современных ученых... Ахмед ибн-... Забыл напрочь. Так вот тот Ахмед был свидетелем языческого погребения огнем у славян... Умершего сожгли, как это делают до сих пор в Индии.

Не родственными, так историческими, этнографическими путями повязаны люди всей земли.

И вдруг я понял, что запустил волынку, а время-то тоже не стоит.

Как осененный Архимед возгласом: «эврика!» известил человечество о новом гидростатическом законе, так и я, будто подброшенный батутом, живо сел на диване, поставил ноги на пол, всем видом и суетой отвлекая внимание пращура, и незаметно нажал кнопку на диктофоне.

Фу-у! Полдела позади. Если, конечно, пращур не понял моей хитрости и не озадачит своей проницательностью.

Он ничего не заподозрил, даже если обратил внимание на мою руку, опершуюся о столик. Я догадался о том, потому как он заговорил на тему гостя, дрыхнувшего в коридоре.

- Кто это в сенях заместо де пса дворового?

- Бездомный. Не ты ли подослал его?

- Зачем мне это надо?

- Испытать далекого потомка.

- Бога деле³. Какой мне корм с того?

- Ну, ты просто современен. Сегодня каждый сговор начинается с вопроса: что буду иметь?

¹ Мунгиты - монголы.

² Гарипы (др. русск.) - иноземцы.

³ Бога деле (др. русск.) - ради Бога.

- Углекоп лезет в преисподнюю, чтоб иметь де больше, чем продавец кваса.
- Не скажи. Уже лет двадцать я знаю байку: гидроэлектростанции строят на речной воде, дачи - на газированной.

- Такая дача не на воде, а на воровстве делается.

- Ну ты, пращур, просто молодец, быстро освоил расклад современной жизни.

- Я общался с людьми сто, двести, триста, пятьсот лет назад. Не за один день освоил де понятный тебе язык. Я видел, как меняются мои потомки внешне и душою. Тринадцать поколений назад твой прапрапрадед воевал в ватаге Емельки. А его родненький братец в солдатском каре бил того самого Емельку.

- Почему ты так неуважителен к Пугачеву? Он насолил лично тебе?

- Он все же младше меня на семьсот лет. И поболее. Почему ж я должен навеличивать его. А главное, крови пустил он много, а сам не понимал, чего хочет и как переделает Россию. Думаю, он сродный брат нынешним радетелям державы. Они тешили нездоровые души, наотмашь круша великую страну, едва ли не первую в мире, учинили ей разруху, которую не мог сделать одержимый огнем и кровью фашистский фюрер. А теперь не понимают, куда править, не знают, как вывести из беденьства народ. Можно и нужно простить князя Володимира за то, что он поделил великое княжество на несколько вотчин. У него не было опыта отцов. Но у вас-то есть! Надо не пиво лакать с профессорами, не ради отметки в нотате ходить на занятия, а слушать урок и запоминать тот самый опыт проб, ошибок и побед. Аминь!

- Сильно сказано. Тебя заносит на политику?

- Вы решили жить без политики. Как овцы. А мир давно де, еще с моей поры и раньше, превратился в большую скотобойню. Вы трусливо зажмуриваетесь, чтоб не видеть занесенной над вами булавы в руке забойщика, не понимаете, что он де выполняет работу, и в его сердце не осталось места сочувствию к жертве. Овец не щадят, и уважают лишь в приготовленном виде. За столом. Под заморскими пряностями.

И тут, как во всякой подлой жизни, на потолке раздался грохот. Это сосед с этажа надо мной, мучаясь после тяжелого «шафе», долбанулся с дивана всей длиной немалого костлявого тела.

Пращур закатил глаза под лоб, пытаясь разглядеть, что произошло над головой и машинально попятился к балконной двери.

- Стой! - вскричал я. - Это сосед... За ним это водится после сильных возлияний. Шибко гордый, он стесняется спать на коврик у двери, лезет на диван и периодически падает с него, пробуждая жильцов крыла дома... Стой же! Тут нет ничего военного. Ну, не рассчитал товарищ.

- И все же мне пора уходить, - сказал пращур, приблизившись к балконной двери.

- Да погоди же ты? Погоди!.. Чем измеряется время, которым располагаешь ты для свидания со мной? Кто его контролирует? И чем тебе грозит опоздание, если не вернешься вовремя?

Он не ответил и так же молча, как прошлый раз, но уже спиной преодолел ограждения на балконе, пропал бесшумно в предрассветной синеве.

Я досадно хлопнул себя ладонями по коленям: ну что поделаешь, если пращур упертый, как и я. Той же волной, которая пробуждала меня перед рассветом, я вдруг почувствовал, что не один в доме. Оглянулся по сторонам - не шутит ли пращур, не вернулся ли из-под дождя, но включил торшер и увидел бомжа, который стоял в дверном проеме из коридора в комнату.

- Ты чего подхватился, - почти рявкнул я, вкладывая в вопрос всю досаду за преждевременный уход родственника. Не-ет, не сосед над головой

побудил его к отступлению, а этот вот, то ли Гоша, то ли Вася, - в полночь он машинально присвоил два имени, рассказывая свою трагикомичную историю. - Чего тебе не спится, не лежит тихо в сухом, спокойном месте? - продолжал я раздраженно. Именно этот Говася насторожил прашура. В его правиле не входит говорить на митинге перед толпой. Хотя бы из двух душ.

- Так тут кто-то громыхнул... Потом ты говорил, - оправдывался бомж. - Да и пора мне. Пока другие стекло не собрали.

- Какое стекло?

- Бутылки.

- Эва!.. Кто ж их разбросал. Всю ночь дождь поливает.

- Дурное дело не хитрое.

Он держал перед собой большой черный пакет - все имущество оставшееся от прошлой жизни - и демонстрировал намерение немедленно избавиться от своего присутствия.

- Может хоть чаю или кофейку на дорожку? - Я являл человечность, при том, что душа моя изводилась от нетерпения проверить диктофон.

- Нет... Чего ты пристал со своим... радушием! Я что-то не так...

- Ой, да иди ты, иди. Только никому не говори, что я до свету вытолкнул тебя под дождь.

Отыскал на столике ключ, повернул внутренний замок, открыл французский и задвижку, распахнул двери. Бомж заколебался, но колебание было короче случайного ика. Он энергично перешагнул порог и уже будучи одной ногой на лестничной площадке, громко выпустил облако омерзительного ветра. Отблагодарил, скотина. Отблагодарил сознательно, с вызовом и нескрываемым удовольствием, выразив отношение ко всему благополучному миру сердобольных людей.

Почему я не послал ему вдогонку кулак? Наверное, меня осенила важная мысль: в земной жизни, как и в загробной, есть праведники и нечестивцы. Перед утром они сошлись в моей берложке, и святой, несомненно мощный физически, поспешно удалился от общения с тавренным дьяволом, может быть, чтоб не обесчестить меня в глазах соседей и милиции.

IV

Если разочарование бывает тотальным, то я знаю, что это такое. Это состояние сродни крайнему отчаянию, подталкивающему людей к поступкам, после которых вырастает спрос на траурные венки и прочую утварь, предназначенную для пышных проводов тела на двухметровую глубину ниже уровня поверхности земли, где начинается бесконечный мир со своими кошмарами и радостями.

Закрыв за бомжем дверь, я бросился в комнату, махом отыскал диктофон. Он издал щелчок, чуть слышимые звуки, похожие на скрип ветряной мельницы - это подпрыгнул я, нажал кнопку «пуск» и продолжал устраиваться на диване удобней.

- Бездомный. Не ты ли подослал его? - Мой голос, который я узнаю из самого многолюдного хора.

Я напрягся, ожидая ответ. Но его не последовало. Я приложил диктофон к уху, услышал едва различимое шуршание, потрескивание.

Что за чудо?

И опять мой собственный голос, как с трибуны:

- Испытать далекого потомка.

И через короткую паузу:

- Ну, ты просто современен. Сегодня каждый сговор начинается с вопроса: что буду иметь.

Смелее!.. Смелей, мой отважный предок!

А он молчал, как партизан на допросе.

Все! Дохлый номер.

Я чуть не завыл от досады. Что происходит? Неподкупная, беспристрастная техника писала только меня. Чревовещатель не волновал мембрану или то, что сегодня составляет чуткую приемную деталь микрофона. Но позвольте, что ж тогда есть звук, если не колебания воздуха? Я воспринимал эти колебания, и бомж их воспринял. Тогда почему не среагировала электроника, призванная ловить каждый шорох на расстоянии десяти шагов?

(Насчет бомжа я заблуждался. Но потребуется время понять это.)

Прокрутив пленку до конца, я в пяти местах услышал себя. Потом наступала тишина, ненавистная мне. И диалог с Говасей. В нем звучали обе стороны, что уверило меня в исправности техники.

Та-ак... Что бы на это сказал дворовый Паганель? Он бы повторил, что никто из аппараций не оставил после себя следа, который можно было бы употребить как вещдок. Лишь родственник Конан Дойля отважился преступить закон, но там нужно было вывозить деньги, которые могли попасть в чужие руки. А деньги, как известно, выше веры. Наконец, он написал шесть цифр и докажи, что это сделал именно он и после гибели.

В моем же случае... Как вывод: связь времен индивидуальна - от сердца к сердцу. Она не терпит свидетельства третьих лиц. Даже хитрой техники.

И тут будто теплый душок пролился на мою голову: я же читал... Да, читал и перечитывал у известного богослова, что, стоя у подножия креста с телом Сына, Богоматерь вела с ним молчаливую беседу, содержание которой осталось неузнанным во всем мире. Такой способ молчаливого общения, оказывающегося, был известен с древних времен, и нынче я увидел и испытал его.

Невозможно! Мы привыкли к разной подслушивающей, говорящей, поющей технике и не задумываемся, что она с зачатия заложена в нас, но не развита, не «раскручена», уступает радиоэлектронике.

Как же я теперь докажу своим «друганам» о свиданиях с пращуром?

А мне непременно надо что-то кому-то доказывать? Мать и Сын, понимая скоротечность пребывания Его на земле, сохранили в тайне нечто сокровенное. Теперь я думаю, что именно тогда завещал Он Ей покровительствовать далеким славянам, чья слава расходилась по земле, как тепло от печи по углам избы.

Солнышко поднялось над горизонтом, но заплутало в тучах. На лестнице послышались голоса дачников, которые, как ранние птички, торопились на вокзал или в гараж. На верхних этажах они обнаружили отсутствие ковриков у дверей, потом разглядели стопку их на моем уровне. Обсудили это плевое событие раздраженно, как и в прошлое утро, на весь двор, назвали несколько известных имен, обвинив их во всех тяготах жизни.

В сердцах позвонили в мою дверь. Бойкая старушенция спросила, не слышал ли что-нибудь ночью. Я почувствовал в вопросе угрозу или упрек: если слышал, почему не возмутился, не потребовал, не призвал к порядку ненужное обществу дитя человеческое. Я уверил женщину, что дрях с вечера без задних ног, за что удостоился ее гримаски: такие и себя просят, понял я ее. Другими словами, виноват и только.

- Просто безобразие творится, - сказала она с вызовом семнадцатилетней кокетки.

- Я что-то должен сделать?

- Нет-нет. За каждым бомжом глаз не приставишь.

- Простите, но зачем мне с утра пораньше знать это?

Она не поняла моей дерзости. Ее собственное возмущение было на три головы выше и оправдывало безапелляционность по отношению ко мне. Покряхтывая и сопя, дачники выбрали из кучки свои коврики, бормоча неласковые слова, понесли на верхние этажи, без лишних дум предоставив соседям проделать то же самое время спустя.

Я вернулся в комнату и, напрягая слух, еще раз прокрутил пленку. В одном месте мне послышалась невнятная человеческая бормота. Тут же проверив это место, я лишний раз убедился, что желаемое и факт совсем не синонимы.

Озабоченная моей хворостью, Рина позвонила Косте, одному из нашей «бражки», пожаловалась на меня, мол, темнит что-то.

- Сказано - сделано, - воспрял Костя. - Вылечим, изгоним меланхолию. Людям вредно думать. Их испорченный образованием мозг не выдерживает потока информации, прессующей землю, и легко разлагается на разъединенные части в тягость ближним.

Он намекал на наши с Региной симпатии, и делал это так, будто ему известно больше, чем было на самом деле. Костя без усилий мог бы подменить на трибуне известного реформатора, произнося звучные, ничего не значащие фразы.

- Подходи к нему ровно в полдень, - продолжал он, теперь, видимо, раскручивая свернутый в винт мясорубки язык. - Я обзвоню наших, и мы создадим ему привычную рабочую обстановку.

Ровно в двенадцать, как старый курьерский поезд по расписанию, Костя с Лялей, Паша с Леной и Регина в роли пристяжной шумно ввалились ко мне, чуть не сбив с ног, не размазав по стенке.

- Живой? - выпалил Костя таким тоном, как если бы человечество уже оплакивало мою кончину. - Но поминки мы справим, не пропадать же добру из-за того, что ты непотопляем.

- Спасибо на добром слове, - ответил я, раздавленный внезапностью.

- Колись, что случилось! - нажал Паша. Его мощным голосом глушить бы чертей запечных, но не осталось в городских многоэтажках дровяных печек, и Паша использовал свой дар вхолостую. Он понимал это, случилось, краснел, напугав кого-нибудь, извинялся перед незнакомыми людьми, но оставался тем же, каким был вчера, позавчера и вообще каждый день. Первое время я подозревал его в тугоухости, но потом несколько раз замечал, что он слышит, как трава весной прорастает сквозь землю. Пашина особенность была от избытка энергии и эмоций по пустякам.

- Вы чего? - вытарачился я. - Нельзя на день сделать умную мину?

- Можно и нужно. Но ведь кто-то должен увидеть ее, - сказала Ляля, хорошенькая, высоконькая, длинноногая, как пушистый детеныш жирафа. Пару раз я сволочно думал, а не потискать ли мне ее в отсутствие Кости, - от нее ж не убудет! - но последние крохи совестливости перед приятелем укрощали мой животный позыв.

В руках Кости и Паши были увесистые пакеты, и я понял, что меня опять хотят совратить.

- Колись, сколько наработал, - надавил на ушные перепонки Паша. - Поди, на месяц вперед.

- Я только собирался.

- Может, мы не ко двору и нам следует вернуться туда, где нас подхватил веселый ветер и через магазин воткнул в конуру угрюмой личности? - Костя оставался верен своей манере.

- Да нет... Я даже рад... У меня будет оправдание безделию.

- Ну слава богу, не пришлось прибегать к силе.

Девчонки ушли на кухню мельчить содержимое пакетов на бутербродики, дольки, ломтики. Парни выдвинули на середину комнаты журнальный столик, подкатали к нему кресла. Хозяину отводился диван. Очаровательным юницам оставались широкие подлокотники кресел, откуда они после первой же рюмки скатывались на колени избранникам. Недостаток посадочных мест в доме оправдывал их сладкую распущенность.

А меня, как два дня назад, вдруг стало поташнивать при мысли о предстоящем питье. Наверное, прашур издавек нажимал какие-то кнопки в моей башке, и они вырабатывали антисивушные позывы.

- Ты в самом деле занемог или печешься о будущем здоровье и попутно о здоровье нации, наслушавшись разных ведунов с радио и теле? - спросил Костя, скрашивая ожидание праздничка.

- Я пока не могу... Поймите правильно. Мне сильно надавили на психику. Я пытаюсь разобраться.

- Колись. В споре мы отыщем истину. - Рывкнул Паша.

- Это очень личное. И безразмерное...

- Такими секретами бывают или тяжкие преступления, или... - Паша приложил ладонь ко рту, чтоб приглушить трубу Иерихона, - или когда на родной сестре ловят гостинец от Венеры.

- Мелко.

- Может, и мелко, но знаешь, сколько это нынче стоит?

Подошли с тарелками девчонки. Сервировали стол.

- Ма-альчики, бутылки открывайте и несите сами, - пропела Ленка с капризцей и обещающей доверительностью, как накануне в телевизоре: «ма-альчики, отвернитесь, мы забыли купальники».

Я заметил, что Регина сторонилась меня. Обычно изящно экспрессивная, быстрая, находчивая она выглядела до начала застолья отражением Луны на поверхности холодной стоячей воды в обрамлении черных скалистых берегов. Не прокатал ли Паша свое предположение в ее присутствии по пути ко мне? С него станется. Когда он только думает, округа сотрясается сотней децибел. Не слышат его разве что каменные изваяния экзотических животных, украсившие наш старый сибирский город.

Я поманил ее. Она продемонстрировала воспитанность и послушание, подошла, остановилась в шаге.

- Присядь, - я хлопнул ладонью по дивану справа от себя. Хлопок получился не властный, не задористый. Рина молча села, но не справа, а слева. Между мной и креслом Кости, который величественно удалился выполнять просьбу Пашиной Ленки.

- Ты вроде как бы сердисься на меня? - спросил я.

- Чего бы я тут делала тогда?

- Но ты обходишь меня даже взглядом.

- Ты не похож на себя. Похож и не похож.

- Это как?

- Тебе лучше знать.

- Я ж со стороны себя не вижу. Подурнел? Состарился?

- Повзрослел, что ли. Не такой, как еще в пятницу был. И вообще...

- Рин, - я не могу тебе сказать, потому что себе не умею объяснить того, что со мной происходит. Может, и правда повзрослел. Может... Нет, не могу озвучить всего. Но одно скажу: мне донесли, что ты послана мне небом. Каково?

- И тогда ты решил, куда она денется, если так... Если почти наручником пристегнута. И вообразил поморочить мне голову.

- Реги-на, поверь, ничего такого.

Я хотел приобнять ее, она нервно повела плечиком, как бы говоря, что ей это не нравится. Я убрал руку.

- Ну честное слово!.. Ты Пашки наслушалась?

- Его не переслушаешь. Просто... Какой бред? Какой приступ? Ты мне по телефону доложил. А от помощи отказался.

- Если я скажу, что со мной случилось, ты тотчас установишь диагноз. А он окажется ошибочным. Уверяю тебя.

- Все тайны мадридского двора, и в одной пилюле.

- Хорошо. Я намекну. Осторожно. Ты не торопись с выводом... - Я покосился на гостей. Девчонки были заняты досервировкой стола, ставя и переставляя тарелки с места на место, будто выкладывали мозаику, а Паша демонстрировал нетерпение вкусить все это. - Что бы ты делала, если б тебя проведаль твой давно покойный... дедушка? - Булькнул я и испугался.

- Ты, как всегда, на коне. Если б такое случилось со мною, я вызвала бы психбригаду. Глюки, слава богу, лечатся. Или загоняются глубоко, чтоб не путались под ногами и не путали...

Я сказал ей, что уже «проходил» и глюки, и раздвоение личности, и желание показаться врачам. Сказал, что без видимой причины вдруг испытал отвращение к спиртному. Она подняла на меня глаза. В них было сомнение. Увидишь, подумал я. И тут появился Костя, как тамада профессиональный, легко расправился с пробкой и поднял бутылку над головой, привлекая внимание.

- Напоминаю, мужикам первая - по двести. Вторая - кто сколько хочет. Девочкам настойка - оближешь пальчики. - Чистюля и «рафинад», он тяготел к театральной сцене. Его безоговорочное условие, - по стакану! - было подслушано у местного писателя, мужика с рабочими ручищами и рабочей хваткой. Не помню, что нас с Костей вывело на него. Он демонстрировал радушие и хлебосольство, и свое условие: если пить водку, то первый стакан наливать до краев и глушить до дна. Высокий ростом, крупнотелый Виктор Николаевич оказался редчайшим книгоцелем, толкователем литературы и при видимой откровенности в своих книгах не жаловался на трудности с цензурой.

Костя наполнил граненые стаканы водярой, разлил настоечку по фужерам, быстренько отзвонил с каждым и одним глотком пустил жгучий напиток в горло. Это была его «коронка», и хоть Костя не удостоился чести послужить на флотах, называл свой прием морским глотком.

- Дак а за что мы терпим? - громыхнул Паша.

- Каждый за свою, - ответил Костя, резко выдохнув часть спирта. - Громогласные тосты грешат лицемерием... Фу!.. Язык-то без костей, он и хулу произносит, и ложь, и... А утром бывает стыдно за трусость, лицемерие, подхалимаж, откровенный обман, ибо все добрые слова, произнесенные в адрес... Они противоположны тому, что мы держим в мыслях, которые мы накапливаем всю жизнь и похороним с собой, не выдав истинного отношения тостующего предмета.

Раньше я не замечал, что велеречивая речь Кости бывает откровенно неграмотна. Но раньше я тоже принимал «на грудь» первые двести граммов и потом кто сколько захочет.

- Из всего этого следует, - продолжал Костя.

Лялька затолкнула ему в рот маслину. Он принялся жевать, но по тому, как напряжен был взор его, нас ожидало продолжение речи, которая после стакана могла растянуться надолго.

- А ты чего? - Паша разглядел, что я не прикоснулся к питью.

- Мне нельзя.

- Значит, я угадал.

- Слушай, забудь эту глупость. Наделаешь беды.

Рина неуверенно крутила между пальцами ножку фужера, не решаясь пригубить из него. На ее глазах рушился привычный настрой компании. Она первая остро почувствовала это, будучи не развращенной, не утратившей способность контролировать себя, что-то соображать.

Залопотали враз и наперегонки, будто кто-то нас в шею подталкивал.

- Не говоря худого, - вещал Костя, и мы прикусили языки. Костя не любил, когда его слушают невнимательно, за этим он видел пренебрежение к его персоне. - Надо взглянуть правде в глаза и разглядеть там, - продолжал он, чуть покрепчав голосом, - разглядеть там, не вдаваясь в социальные аспекты времени, прежде всего, я имею в виду, переоценку человека, превращение его из бойца всех фронтов в особь с индивидуальными признаками и склонностями: с чувствами, желаниями, эстетическими нуждами... Эти состояния были завещаны нам свыше, но вытравлены... Вытравлены сиюминутными потребностями, которым не виделось конца. Сегодня в наш лексикон вернулось слово наслаждение...

«А ты, паря, демагог, - вдруг подумал я. - Эстетические нужды прорезались у тебя, как зубки у младенца... И я прожигаю время в его компании, уступаю лидерство и убеждаю себя, что другого окружения мне не надо».

- Не говори красиво, друг Аркадий, - сказал Паша, перефразировав Тургенева на свой лад. - Не пора ли дернуть еще столько, сколько просится внутрь?

Видимо, пока не зная, чем закончит монолог, Костя охотно потянулся к бутылке, налил Паше три «бульки», вопросительно уставился ему в глаза: еще? Паша кивнул, и Костя повторил дозу. Еще? Стакан наполнился почти до краев. И тогда Костя плеснул себе - на палец меньше, но вообще-то столько, после чего у меня начинают разбегаться глаза и видимость падает до кончика собственного носа.

- Тост! - выкрикнул Паша и вытаращился на меня.

- За трезвый образ жизни, - брякнул я.

- Ты становишься невыносим, - сказал Паша. - Но тост твой не затаскан по застольям. А нам все равно, за что...

- погодите, - скапризничал Костя. - Это ж кошунственно... За трезвый образ жизни - стаканами.

Он дотянулся до серванта, взял фужер, перелил содержимое из своего граненого и, довольный находкой, отправил водку в горло. Ляля и Лена «пригубили» до дна настойку, на этикетке которой значились те самые вкусенькие проценты - 40.

Выдохнули. Заговорили о том, что на язык попало. Я смотрел на них трезвыми глазами и, как Рина меня, не узнавал. Парни становились наглыми, девчонки - развязными. Сытые, неуроботанные, они искали выход энергии в естественных приключениях без правил и обязательств на завтра.

После третьей «кто сколько на душу примет» прошлись словом по родной конторе, ряд сослуживцев приговорили в нечистые, остальных выстроили между ними и собой. Пьяному скромности не занимать. Для разрядки сыпанули анекдотами. Реанимировали старую серию: и пошел солдат дальше. Вспоминали и радовались за ловкого и бесхитростного воина отечества времен царя Гороха. Получалось, что непобедим он, находчив и не очень-то разборчив, как в бою, так и в быту, на людях.

- Стучит солдат в избу: «Пусти, хозяйка, переночевать». - «Тебя пусти, ты и приставать начнешь». - «Ой, да уморенный я, три дня неевши», - вслед за Костей рокотал Паша. - Ну, пустила. Накормила. Бражки налила. Ожил солдат, усы расправил и говорит: «Кто-то тут насчет приставать намекал...» Утром солдат пошел дальше...

Отгоготались. Девчонки съехали с подлокотников на колени парней и, дурашливо балансируя на скрутках мышц под тонким покровом кожи, деловито принялись жевать маслины.

- Завидуешь, поди, - приставал ко мне Паша, заметив, что я разглядываю Ленкины коленки выше уровня стола. - Мы все равно совратим тебя. Как не надувайся, из себя не выпрыгнешь.

И тут Костя спохватился осененно. Глаза у него уже знакомо обесцветились спиртом, сделались бездонными, как проруби на Байкале. Но под белесой жиденькой шевелюрой еще билась, рвалась наружу готовая речь. Или идея. Из нас троих, Костя был носителем нестандартных решений.

- Как он сказал? - Костя обращался ко мне, имея в виду Пашу. - Не выпрыгнешь из себя. Этой поговорке в обед сто лет. Нет, тысяча. Да, тысяча. До нас дожил ее ироничный тон. Но в тона рядятся достоверные и недостоверные факты истории, чьей-то биографии, и что касается фактической стороны «выпрыгнуть», или «выйти из себя», оказывается, это можно, и можно делать регулярно. Я вот о чем... Тело человека - это сосуд, в котором хранится его духовная субстанция. - Костя взял со стола бутылку, повертел перед носом, разглядывая на свет. Поллитровка оказалась полной водки. - Вот вам модель человека. И цена ему - сто пятьдесят рублей. А вот пустая... Это оболочка... Стекло. И цена ей рубль, и то в специальных пунктах при особых торговых точках... Или на кладбище... И коль так, мы приходим к старому представлению, что человек имеет плоть и душу. Выйти из плоти - значит, отдать душу Богу. Умереть. Но, оказывается, не все так печально. Специалисты считают, что на земле из века в век есть больше десятка человек, которые могут отпускать свою душу на прогулку. Ложатся спать, а душа витает между небом и землей, как «печальный Демон, дух изгнания». К утру она приносит множество информации, которую невозможно разглядеть с поверхности земли. Да! Апостол Павел уверял, что знал человека, который побывал на Венере. Без герметичной кабины, реактивного двигателя и несчетных служб наведения. Побывал бестелесным, уразумев для себя, что именно тело мешало ему преодолеть земное притяжение. Я хотел бы верить апостолу потому, что, уличив его в малой неточности, можно развенчать все его божественные послания и само существование Всевышнего. А для этого требуется безоглядная смелость или растительное отсутствие ума.

«Куда он клонит? - насторожился я, почувствовав близкую мне заботу. - Неужели пращур и ему нашептал в ухо, как нужно вести себя в моем присутствии?»

А Костя вдруг вспомнил какого-то американца с фамилией Монро, перечислил его увлечения коммерцией, медициной, музыкой, драматургией, языками, назвал его озабоченность: а не влияют ли радио-телеволны на подсознание человека физически. Задав вопрос, как истый американец, он начал искать ответ на него, экспериментируя на себе. Каким-то путем, не иначе как с помощью мощных излучателей волн, он вогнал себя в состояние сильнейшей вибрации тела, которая сопровождалась тонким посвистом в ушах. Лежа на кушетке, он вдруг ощутил необыкновенную легкость и на расстоянии вытянутой руки разглядел потолок. Это было совсем незнакомое

состояние. Прикоснувшись к потолку, он невесомо перевернулся на живот и увидел под собой тело человека, лежащего без признаков жизни. Монро узнал в нем себя, но не испугался, загодя приготовившись к самым невероятным результатам. Он опустился на кушетку, слился с телом и вскоре встал на ноги. Спустя время он повторил свой опыт и на этот раз позволил себе вылететь из комнаты, оставив на кушетке оболочку. Или бутылку. Дав круг над домом, он вернулся и занял свое место в отведенном ему теле. Так проделывал он великое множество раз, будто дразня Создателя. А тот изумленно глядел на Богопротивные эксперименты и позволял тешиться дальше. Видимо, всеобщая образованность землян и атеизм вынудили Господа дать людям живого свидетеля существования загробного царства, жизни после смерти. Монро бесчисленное число раз проделал эксперимент, проникал во дворцы и подвалы противоположного света (он назвал их локалами - один, два, три), встречал души умерших родственников и друзей, присутствовал при вселении душ в тела новорожденных младенцев. Но как только он написал книгу о своих опытах, наблюдениях и издал ее, Бог вспомнил, что смертному надо бы и чур знать. И очередной опыт стал для Монро последним: он заплутал в бескрайних чертогах потустороннего царства, предоставив близким распорядиться хладным телом. Или сдать пустую бутылку.

- Костя, ты слышишь себя? Слышишь, что вещаешь нам безоглядно, как сказку о Курочке Рябе? - спросил я, все время ожидая поворота к явлению моего пращура. - Ты веришь в Бога?

- Не знаю, чему и кому верю я теперь. Моя мать, - она работала инструктором заводского парткома, - молилась на коммунизм. На светлое будущее человечества. Нынче коммунизм охаили, как опасную инфекцию, хотя и был он да и остается неизбежной формой будущего общества. Кто сказал, что капитализм есть вершина человеческого благосостояния? Капитализм пришел на смену феодализму, который в свое время смял рабовладение. А до рабовладения был первобытно-общинный строй. Человеческое общество объективно находится в движении, развитии, совер... совершенствовании... - Костя находился под сильным шафе, лицо его пламенело румянцем, зрачки глаз сделались почти прозрачными. Но он держал «марку» первого умника перед нами и Лялькой, говорил, как всегда длинно, но связно, и то, что он со второго раза выговорил слово «совершенствовании» лишь указывало на его старание. - Нынче принято за доблесть охаивать коммунизм, - продолжал он. - Его критики не понимают, что раздеваются до глупости, потому что отрицают движение общества, уверяют, что высшее благо, это притаиться на погосте, глядеть в голубое небо и ничем не утруждать свой куцый мозг... Живой организм не может существовать в трясине, если он классом выше лягушки и болотных гадов. Человек должен верить во что-то, в данном случае - в Бога. Это освежает, это родит надежду на хороший конец. Это осмысливает существование. Я не верю в Бога-старика, которого художники писали под куполами храмов. Но я верю в высший разум, который создал Вселенную, наше Солнышко, Землю, Человека. И миллион головоломок для его полезного времяпровождения.

- Чем мы сейчас и заняты, - ввернул я.

- Именно, - не понял язву Костя. - Мы рассуждаем о неповторимости Вселенной и ее Творца.

- Таким осторожным образом ты признаешься, что веришь в Бога? - не отставал я.

Прямодушный, как брусок, Паша был категоричней:

- О чем это ты? Какой вселенский разум? Где его офис?
- За чертой бесконечности, - не подумал Костя.
- У бесконечности нет черты, - срезал Паша и глянул в окно, - вдруг нари-совалась. В вопросах знаний он был шепетилен, как и всякий страдающий недостатком тех самых систематических знаний. - Ты лучше про американца гони.
- Я сказал о нем все.
- Ну, а если порассуждать о его состоянии.
- Рассуждения полны домыслов. - Теперь Костя держал «марку» перед Лялькой. Она и выручила его, вдруг тоже заговорив на тему «дьявольщины», вспомнив, как большинство реципиентов с чужими органами - сердце, почки, печень, приобретают душевные черты доноров. Она рассказала, как один сердечник-жизнелюб через десять лет после пересадки ему чужого сердца вдруг покончил с собой без видимой причины для того. Оказалось, что и его донор был самоубийцей. Стоило ли огород городить, если исцеленный, но зараженный бациллой суицида, наложил на себя руки... Или вот такой случай.
- Ты первый раскрути до конца, - гаркнул Паша. - Я читал эту блевотину... Твой реципиент после операции отыскал жену донора и женился на ней. Та-кая тут клубничка... А баба оказалась жуткой стервой, родной сестричкой Яги. И загнала она второго мужа в петлю... Вот, думаю, и вся тайна здесь.
- Да? - не согласилась Лялька. - Тогда объясни такой случай. Молоденькой маминной дочке вживили сердце начинающего барда. Через год с небольшим девушка начала сочинять стихи и музыку. Но самое удивительное в этой истории, - девушка вспомнила до последней строки песенку, которую написал бард перед гибелью и не успел никому показать.
- Этому нет объяснения, - сказал я, мысленно припоминая, как безуспешно пытался разгадать тайну появления пращура.
- Пока - нет, - опять не согласилась Лялька, делая ударение на «пока». - Думаю, тут есть над чем поработать психологам, физиологам... Возможно, память человека накапливается не только в головном мозге, но и в других органах - сердце, почках, печени... Не зря ж издавна говорят: ты у меня в селезенке или печени сидишь. Не исключено, что память накапливается в крови, а кровь омывает каждую клеточку организма. Ужасно интересно раскопать бы здесь что-нибудь таинственное.
- Сорвать бурные аплодисменты и утешиться, что не зря прожил отпу-щенное тебе, - заключил Паша, оглядел сервировку стола, явно испытывая потребность порушить ее вилкой. - При чем тут душа? - спросил не иначе, как у себя.
- Я разве сказала - душа? Я говорила о памяти, которая аккумулирует информацию о нас в самых неожиданных органах. Это интересней и куда более реальной, чем всякие вурдалаки.
- Костя вспыхнул, приняв камень в свой огород, но сдержался. Паша, как пожарная сигнализация живо отреагировал на его вспышку, бросился зали-вать огонек песняком из своего репертуара.
- Паня, - Костя тотчас поднял указательный палец. - Не надо хохмить. Для этого есть платные... кривые и прочие Юрмалы... Я правильно говорю? - перевел палец на меня.
- Как всегда, - заверил я.
- Довольный своим ответом, Костя потянулся к бутылке, свернул пробку, налил себе глоток водки, подумал, плеснул Паше полстакана. Я отрицатель-но покачал головой: мне не надо.

Без мучений на поиски тоста, парни опорожнили свои емкости, девчонки натолкали им в рот бутербродиков, маслин, овощей. Паша, как удав с громким бульком, проглотил свое, запил глотком минералки и выдал-таки частушку:

Моя милка - сто пудов.
Не боится верблюдов.
Как увидит верблюда
Убежит черти куда.

Он был несправедлив к Ленке, которая могла бы называть себя сестрой Дюймовочки. Огромный, как гризли, Паша питал слабость к крохотулькам.

Кажется, он остался доволен своим вокалом и принялся тискать Ленку. У той или швы на одежде затрещали или косточки.

Паша - это удивительное творение конца двадцатого века. Внешне здоровый крестьянский Микула Селянинович, он настойчиво учился без перерывов на каникулы, читал учебники и художественную литературу. У него была превосходная память, но всякий раз, поддав из бутылки, он опускался на исходный дремучий уровень и потом два дня не поднимал глаз, чтоб не увидеть осуждение товарищей. Как бы усвоить нам, что утраченное в раннем детстве не наверстать к старости.

Споенные компашки непрочны, как песчаные куличики. Скоро я почувствовал усталость, даже утомление, а чуть дальше - вопрос повисший в воздухе: кому бежать в магазин за добавкой. Поскольку самым устойчивым на ногах был я, то ответ напрашивался сам собой.

Пожалуй, впервые я понял, как невыносимо трезвому человеку общество пьяных и пожалел всех женщин, которым приходится терпеть кураж «податых» мужиков.

Я театрально спохватился: собирался же поработать, и не дав времени «компашке» начать разубеждать меня, потянулся к телефону.

- Диспетчерская? Такси на дом, пожалуйста. - Назвал адрес.
- Ты хочешь осиротить нас? - испугался Паша.
- Я провожаю вас.
- Но я еще не хочу...
- Всю водку не выпьешь.
- Но к этому надо стремиться.
- Не балдей. Я серьезно собираюсь поработать. Да ведь и такси уже спешит сюда.

Шутками-прибаутками, немного пособив коленом, я выпихнул Костю с Пашей и их подруг Регина плелась следом за моей спиной, у двери замешкалась. Умненькая, она сообразила, что для нее в машине нет места. Или вдруг решила с глазу на глаз попытать, какая муха укусила меня.

- Не торопись, - сказал я, выручая ее и тем беря на себя грех за умышленную медлительность.

Некоторое время мы поприслушивались к шаркающим шагам на лестнице. На уровне второго этажа они прекратились, и только Пашин голос вешал, как он не терпит уродливых чистоплюев, что как бревна метровой толщины лежат поперек дороги на пути свободных граждан.

- Не-не! Он че, думает, что умней...

На него шикали девчонки, мол, поднял на ноги весь подъезд, иди, иди, не висни на перилах.

- Не, ну как же?.. Друзей выпихнул... А Реньку оставил на развод. Оставил же? Да! Завтра я скажу ему это.

Костя молчал, понимая, что именно молчание оберегает человеческое достоинство. Или уже не мог пошевелить «мозгой».

- Паша выкрикивает свои обиды, будто они самые большие в мире, - сказала Реня. - Может мне позаимствовать у него немного рыка и пугнуть тебя?

- За что?

- За тайну, которую ты скрываешь.

- Нет у меня тайны. Есть что-то необъяснимое.

- Все необъяснимое и есть тайна.

- Да? Но я не знаю, моя ли та тайна. - Внизу отчаянно скрипнула входная дверь - выпустила моих друганов с подругами, и я сразу вспомнил пращура. Вспомнил тот момент, когда он сообщил мне о ниспослании мне Регины самим небом... Сделал он это доверительно, без оговорки - молчи, мол, до поры до времени. Просто сказал, как о явлении в погоде, буднично, хотя и с некоторой завистью человека, для которого земные радости в далеком прошлом. Если он позволил себе такое откровение, то почему я должен скрывать от нареченной Небом, - моей половинки, то, что происходит со мной.

- Скажи честно, я похож на суматика? - спросил я, приобнимая нареченную и увлекая ее от порога в комнату.

- Ты изменился... - она изящно повела плечиком, освобождаясь. - В тебе появилось что-то такое... Как на... портрете... римского деятеля.

- Муссолини? Гарибальди?

- Нет-нет! Я имею в виду древних римлян. Вчера от нечего делать я полистала несколько книжек. И в одной увидела галерею скульптурных портретов. Ты очень похож на императора начала новой эры - Марка Аврелия... Аврелия Бассинан.

- Надеюсь, не урод? - искренне испугался я, конечно же, вымогая комплимент.

- Вполне приличный мужчина. - Она изящно вскинула сложенные лодочкой ладони: какой вопрос! Умела она дополнить речь движением рук и становилась неотразимой, так это у нее здорово получалось, с блеском. - Я бы сказала... - продолжала она, - привлекательный: широкий лоб, нахмуренные брови, крепкий подбородок, стиснутые губы.

- Реня, это же мой портрет! - вслед за Курочкиным¹, пошутил я. - Не хочешь ли ты сказать, что мои более глубокие корни остались в Риме?

Она широко улыбнулась, будто я выдал невесть какую остроту.

- Уточни, что значит - более глубокие корни.

- Это значит... Ты сегодня услышишь все. Но давай закончим с римлянином. Чем же он знаменит, кроме приблизительного сходства со мной?

Я откладывал главное, не решаясь сказать.

- Его называли Каракаллой. За то, что он ввел в моду гальский плащ, подражая Александру Македонскому... Извини, ты спросил, я ответила...

Она сделала паузу. Но я терпеливо ждал продолжения. Регина дотошна и, если принялась разглядывать что-то, непременно увидит чуть больше, чем кому-то хотелось бы.

- В портрете юного Каракаллы видны подробности... Расстройство психики. Но это у юного. В пору... созревания. Так бывает... Зрелый мужчина, лет сорока возрастом, выглядит уравновешенной... И вообще, чего ты хочешь от меня? Мой взгляд не замечает половину твоих недостатков... Даже пороков. Но это взгляд равнодушной женщины.

¹ *Курочкин* - герой пьесы Н. Дьяконова «Свадьба с приданым».

- Спасибо тебе. Ты, моя хорошая, - гений. Я ни сном ни духом не знал о том римляине.

- Не прими на свой счет. Каракалла прославился жестокостью и необдуманной политикой. - Чуть помедлив продолжала Реня. - Он приказал убить своего брата и его жену. Он истребил всех близких их дому людей. При нем опустилось классическое искусство до ремесленных поделок. Наконец, он распорядился давать римское гражданство всем желающим... Что-то похожее мы видим сейчас у нас... Правление Каракаллы так поколебало положение Рима, что он после не мог набрать былой силы.

- Моя ты хорошая. Не повторяй Эзопа. Скажи прямо, по-русски: ты, мамый, копия древнего кретина, вот и думай сам: суматик или не суматик.

- Я ж не знаю, откуда твой вопрос.

Молодец Реня! Она около года существует блестящим приложением ко мне, как золотая булавка с бриллиантом для галстука, часто отмалчивается в наших веселых беззаботных «компашках», а ведь как гладенько вернула пустой разговор к главному: что со мной дееется? Не настаивая, без ногтей, обид, упреков.

И я понял, что пришел миг, когда я просто обязан... Четко, внятно, без дураков...

Я усадил Регину на диван. В ее глазах мелькнуло беспокойство.

- Ты не сказал чего-то главного, - напомнила она деликатно.

- Да, я непременно скажу. Но ты выслушаешь меня сидя, потому что моя новость сродни стенобитной машине. Можно не устоять на ногах. Да-да! Вот уже три утра, до света, ко мне приходит мой пращур... Именно пращур. Именно, до света и именно пращур. Или предок, как говорим мы теперь. Из десятого века. От князя Владимира Красное Солнышко... - Реня протестующе вскинула ладонь на уровень моего рта: отгородилась. - Ты понимаешь необычность такого явления? - бросало меня. - Я могу пересказать мельчайшие подробности визитов, но не могу объяснить, как это получается. Сначала я подозревал, что меня разыгрывают. Но он проходит через оконное стекло, пропускает через себя шифер на балконе и приземляется неслышно. Как комар или мошка на грибника. Я хотел прикоснуться к нему - он не дался, уклонившись неуловимым движением... Я хотел записать его голос на диктофон. Но голос не пишется, хотя я слышу его и отмечаю десятипальый аккорд. Буквально красоту неповторимую, легкую певучесть... Так вот! Против закона физики, те аккорды - звуки ведь! - не вызывают колебания воздуха. Недавно один отставной ученый убеждал мужиков во дворе, что души умерших не оставляют вещдоков во время посещения земных уголков. Их можно увидеть, но доказать это невозможно...

Пока я гудел свою несуразицу, Рина чуть не свернулась жгутом в нетерпении услышать что-то более определенное. Дважды или трижды она прорывалась уточнить подробности, но не решалась перебить меня.

А меня несло, как на помеле. Я напомнил о сегодняшних разговорах за столом, предположил, что это пращур, используя свое особое положение, направляет наши мысли в страну чудес, чтобы сломать стереотипы о земном бытие.

В Рининых глазах мелькнул испуг и тут же сменился недоверием.

- Зачем это ему?

- Не ради простого знакомства. Мне надо преодолеть ошеломление и попытаться спокойно понять цель его приходов. Поскольку он житель времен глубоких, его представление о цене человеческой особи сто крат выше нынешней. Скорее всего, его беспокоят потери в рядах православных, коим и он является. Атаки остальных религий и двоюродных братцев - католиков,

протестантов, лютеран, расколы в собственных рядах и сотни доморощенных сект не несут блага. Двадцатый век был для православных так же ужасен, как Варфоломеевская ночь для гугенотов. Но если во Франции та ночь закончилась тридцатью тысячами трупов, в России за последние сто лет изменилось мировоззрение нескольких поколений людей. А это похуже, чем кровавые лужи... Сдается, мое предположение верно.

- Надо прямо спросить у него, - посоветовала Рина.

- Я спросил, но тут сработала во дворе автосигнализация и толпа мужиков заголосила с балконов. Второй раз я только рот раскрыл - бомж нарисовался... А это не входит в намерение предка говорить как на митинге. Вот и кумекай, не ходит ли мой прапрапра... в сопровождении, кого-то ортодокса, хранящего его целомудрие, едва мы приближаемся к чему-то очень запретному. Хотя я не дергал его за язык, не просил характеризовать тебя. Это был порыв с его стороны.

- Понимаю. Он видел меня? Где?

- Здесь. В то утро. Ты спала сном младенца. Он сидел и разглядывал нас.

- Вот стыдоба-то! - Она смутилась, запунцевала. - Он видел меня в чем мама родила?

- Извини, но другого на тебе не было. Прошу тебя - не отчаивайся и не мучайся стеснениями. Мой костюм отличался от твоего... легким волосяным покрывом на груди, руках и на ногах. Да, конечно... А у него была возможность разглядеть тебя и оценить, без сомнения. Наверное, он был восторжен тобой и потому объявил о твоем назначении для меня. А так как я - сирота на целом свете, он единственный из родственников одобрил мой выбор. Как говорили раньше - благословил.

Регина вдруг засмеялась.

- Ну ты ловко это придумал. Для того, чтобы присвоить меня? Но разве тебе мало моих гарантий?

Вляпался! Вляпался, не зная, как обставить свою необычную историю. Мозги на раскоряку.

- Рин, я ничего не придумал. Я в полной растерянности, как если б увидел «в музее плачущего большевика». То, что свалилось на меня страшно своей необъяснимостью.

- И когда он - первый раз?

- После презентации. Я добрал до квартиры и силы оставили меня на пороге. Перед утром я увидел незнакомца. На кого-то похожего. Он почувствовал, что говорить со мной - время и слова терять. И ушел через кухонное окно.

- Помню, накануне ты набрался выше головы. Меня это даже сильно удивило.

- Виной тому... Виноват-то я сам, но все же, кто не искал виновных на стороне? Так вот, виной тому оказалась очаровательная настойка. Ее можно принимать без закуски. Здесь-то и скрыт подвох: на этикетке ж стоят классические сорок процентов. Ну я и нализался вкусенького.

Мы еще час попереживали из пустого в порожнее. Мне было приятно видеть Регину - стройную и крепенькую, с личиком античной богини, не иначе, как одной из дочерей царя Даная. За неземную красоту, изящность, привязанность к близким, их преследовал флот египетского царя... Дай-то Бог, чтоб Рина наследовала сердечность Гиперминестры, единственной из пятидесяти сестер, не зарезавшей в брачную ночь нелюбимого мужа... Интересно, она тоже несет наказание в царстве Аида, тоже пытается наполнить водой бак без дна? Но за что?

А вообще, они были дурами и лахудрами, очаровательные данаиды. Переспав с нелюбимыми мужьями брачную ночь, по наущению родного батюшки, они на заре прирезали их пошлым образом. Спящими. И освободились, чтоб стать олимпийскими призами. Да, если верить легенде, их вручали победителям. Любопытно, как в этих случаях менялось их достоинство: золото, серебро, бронза и были ли те призы переходящими?

- Подведем итог, - перебила мой экскурс в Древнюю Грецию нареченная. - Настойка на фруктах без закуски, приятное изнеможение на пороге. И на верняка - высокое давление.

- Не уверен, что пойло было на фруктах. Сегодня их заменяет химия.

- О! - Рина вскинула три пальца, сделала это молниеносно. - Если не фрукты, а химия, то тут могут быть неожиданности. Что ты чувствовал, пробудившись на коврике?

- Что мне жестко, а ребра резины впились в тело.

- Это снаружи. А внутри?

- Помнится, у меня пылали щеки. И было трудно дышать. А голова грозила развалиться от давления изнутри. Но не болела при этом... Или я уже подзабыл...

Регина вскинулась, будто на большой скорости наехала на жесткую кочку.

- Погоди-ка! Погоди... Я ушла, увидев, как тебя обложили крашенная блондинка и натуральная брюнетка. Они чирикали тебе какие-то приятности, хватили за руки, за плечи, будто ты был героем презентации. Я разлилась, взбрыкнула и удалилась домой. Что было потом не видела. Со слов Паши, ты быстро набрался, стал примеряться, где бы прилечь. Не был ли ты обласкан опытной клофелинщицей и не прибавил ли к сорока процентам спирта добротную стопку клофелина?

- Кому и зачем это надо?

- Ты здорово выступил в официальной части, обратил на себя внимание, и завистники решили вывалить тебя в грязь. Сегодня не умеют работать, творить, радоваться чужим успехам, но обгадить носителя неожиданной мысли - сколько угодно. Большевики, - ты напомнил о них час назад, - так вот, большевики провозгласили равенство людей и за уши тащили обычную личность на верхушку Земли, в космос. Сегодняшнее равенство не выше щиколотки во всех уровнях власти, науки, производства. Успевшие оседлать кабинеты опасаются звездных молодцев и если не отстреливают, то поливают их смердячими помоями чуть не с колыбели, чтоб не выросли они лидерами толпы, не возомнили из себя...

- Ты возносишь меня незаслуженно.

- Да? Я вижу рядом с собой только такого мужчину. Мы поговорим об этом позже!

- Хоть до утра!

- Не сегодня, - не расслышав мои восклицательные знаки, продолжала Рина. - Сегодня главное - понять природу... Природу твоего пращура. Не горячечный ли то бред был?

- Я видел его трижды. Нет, четырежды. Разговаривал... И был при этом трезвый, как стеклышко.

- Со мной ты был матовым стеклышком. Ты хоть помнишь?..

- Рин, забыть тебя - равно забыть небо, землю, родную природу. Забыть, что бывает счастье.

- Не мылся, я сейчас еду домой. Надо осмыслить, что мы тут нагородили. Теперь я понимаю, дрожь в твоём голосе по телефону, неумелое вранье. Ты был непохож на себя.

Я вызвонил такси. Диспетчер назвала марку машины, номер, цвет и время: выходить через десять минут. Она дала нам те десять минут, как глоток воздуха утопающему. За это время я должен сделать что-то очень важное. Но что? Что?!

Будто приучая себя к роли нареченной, Реня живенько освободила столик от остатков провизии и посуды. Мне подумалось, что она смахнула их со столешницы полотенцем - кыш, кыш. Такова была ловкость ее быстрых рук. Как по мановению волшебной палочки, она собрала в целлофановые мешочки бутербродики, хлеб, пиццу. Чтоб не обветривались, не сохли до времени на открытом воздухе. Я обычно выбрасывал все остатки в мусоропровод, ленясь возиться с их упаковкой.

Из комнаты я услышал тонкий посвист кухонного крана. И голос Регины спросил:

- У тебя есть горячая?

- Была.

Крученая струя колотила по эмалированной раковине. Я расставил по местам кресла, столик, восстановил маскировку диктофона, направился пособить нареченной. Вода уже потеплела и Реня энергично работала губкой.

- Понимаешь? - сказала она, почувствовав меня рядом. - В коммунальном хозяйстве города числятся десятки дипломированных специалистов. А мы ежедневно сливаем через счетчик - заметь, через счетчик! - сливаем в канализацию тонны воды, чтоб дожидаться горяченькой. Счетчик исправно крутится при этом, мы платим по тарифам, и под строгими взглядами - ай-яй-яй, - вознаграждаем чье-то несоответствие занимаемой должности. Мы разбазариваем ценность, которой уже не хватает в Европе.

- Ну, если б только воду... Так ведь и лес, и газ, и сырую нефть. Мы сегодня повторяем печальную историю Африки шестнадцатого, девятнадцатого веков.

Я стиснул Ренькины плечи ладонями, мол, не робей, все образуется. Она приобмякла немного, будто в бессилии. Пояснила:

- Ты перегрузил меня сегодня. Я не вижу ответа на твою загадку.

- Теперь ты... переживаешь мое состояние. Но нас стало двое и мне делалось легче.

Тыльной стороной кисти левой руки она убрала со лба прядь волос. Сказала:

- Но объяснение должно быть. Должно. Известно, что Гете мог вызвать в своем мозгу разные картины. Он сам признавался в том, вспоминая, как, закрыв глаза и низко опустив голову, он вызывает виденье цветов. Они растут, сменяют один другого. До тех пор, пока поэт не скажет им: хватит. А немецкий доктор, - Реня задумалась, затруднившись с ходу назвать фамилию. - Если что-то не так, пусть простит он мне. Сделает скидку на девичью память... Так вот... Доктор Брозиус или что-то похожее, доктор Брозиус часто видел перед собой двойника и пугался до сильного сердцебиения... Как и ты... Ведь пращур очень похож на тебя.

- Очень. И ростом, и шириной плеч, пожалуй, и весом. У него почти мое лицо. Только он блондин, а я шатен. Так что, мираж не проходит. Да и голос необыкновенный. И речь...

- Чудеса сопровождают человека по жизни, - раздумчиво сказала Реги-на. - Хотя многие из них придуманы хитрецами. Я читала о монастыре в Испании. Там стояло распятие, и у страдающего Христа будто бы быстро отрастали волосы. Монахи стригли их, толпы верующих раскупали за дурные деньги. Но тут столкнулись предприимчивость одних и сверхдоверие

других. Монахи сбывали свои волосы. Как видишь, объяснение просто комично. Должно быть объяснение и твоему феномену.

- Посоветуйся со своими преподавателями. Один ум - хорошо, полтора - лучше.

- Если после этого меня не выгонят из института.

Кто свиданничал в молодости, тот знает, что время встреч несется на зависть всем космическим скоростям. Солнце сделало положенный ему круг и покатилося к закату. Реня спохватилась:

- Мне пора.

- Но может тебе остаться? Интересно, как прашур отреагирует на тебя.

- А если он увидит, что ты не один и молча уйдет, как прошлый раз?

- Уйдет и придет на другой день.

- Удобно ли испытывать терпение... старшего годами?..

И тут заскурлыкал телефон. Он у меня дрессирован: начинает шуметь осторожно, а потом орет истошно.

- Вы заказывали такси? - спросил недовольный голос диспетчера. - Машина стоит у подъезда.

Забыл! Столько всякого неожиданного пронеслось в голове за десять минут, что она пошла в отруб.

- Я провожу тебя, Рень.

- Только до машины. Я не могу сосредоточиться в твоём присутствии, Каракала. - Она прощально взмахнула кистью руки, давая понять, что возражения бессмысленны и не принимаются. Регина - дипломат с очень быстрой реакцией.

Мы уже были на пороге, когда меня осенило.

- Мне дали десять минут собраться с мужеством, принять и озвучить важное решение. Рень, выходи за меня замуж. Я хоть и тютя немного, но у меня большое и доброе сердце.

- Не скромничай. Тютя ты большой. Просто огромный. Самое торжественное и самое важное ты озвучил в дверях. Будто походя.

- Видит Бог - не хотел... Без умысла!.. Я бывал на свадьбах, но при сговоре - никогда. Поверь, я не хотел ничего такого...

- Знаю, что не хотел.

- У меня нет опыта в таких делах.

- У меня - тоже. Но, как говорится, каков поп, таков и приход. Не одолеет ли нас твоя тютя потом?

Меня кинуло в жар. С этой минуты мы будем либо сближаться, либо зад в зад и поплывем в поисках новой доли. Я позволил себе непростительную глупость, переоценил свое влияние на Регину.

Крах наподобие всемирного потопа виделся мне. Но как же тогда понимать прашура и его заявление, что Реня послана мне самим Небом. Выходит и там царит безответственность и неразбериха!

Нареченная улыбнулась виновато, почувствовав мои переживания. Сказала:

- Можно мне подумать, поговорить с мамой. Я сегодня же позвоню и сообщу о решении.

- Похоже на отлуп.

- Почему? - испугалась она.

- По телефону это проще сделать.

- Не кажи гоп. - Она улыбалась широко и призывно. Щеки запылали, как вишенки. И я понял... Понял, что пока меня не отвергают.

Мы спустились на первый этаж. Услышали за входной дверью несколько взвинченных женских голосов, как на митинге или пикете перед зданием

администрации. Реня шла впереди и не смогла распахнуть коричневое чудо плотницкого мастерства.

- Не прашур ли шалит? - спросила оборачиваясь ко мне.

- А зачем ему это надо?

- Чтоб не пустить к тебе веселую компанию. Он всерьез решил оградить тебя от всех пороков нашего века.

За дверью голоса притихли. Люди расслышали нас.

Я толкнул в среднюю филенку. Дверь продемонстрировала надежность капитальной стены. Я отстранил нареченную, подвинул на безопасное расстояние и массой тела с ходу резко налег на шероховатую поверхность из вагонной рейки и дээспе. Дверь издала живой визг и освободилась от тесного проема. Под бетонным козырьком над входом стояли несколько дачниц с пакетами и рюкзаками.

- Безобразие! - сказала глядя мне в глаза старушенция, что накануне говорила за то, что я сплю ночами без задних ног и не слышу, что делается на моей лестничной площадке.

Больше она ничего не добавила и резво побежала по лестнице, дав понять, что терпенье человеческое имеет свой предел. Даже у закаленных бойцов.

- У нас никогда так плотно не прикрывалась дверь, - сказал я, разглядывая место сцепа с дверным проемом. - Она явно не из рамы, что досталась ей при строительстве. Или разбухла. Кто-то чуть-чуть подтесал краешек, чтоб ветер не распахивал ее. А тут... Чудно.

Дачницы плотной компанией зачастили ногами по лестнице. Реня пропустила их молча и когда они поднялись до второго этажа, не могли слышать ее, сказала негромко:

- Это Пашина шуточка. Ты его сегодня сильно озадачил. Вот он и припечатал дверь задом: мол, ноги моей здесь больше не будет.

- Паша? С него станется. Но ведь и старушки-дачницы не хилого десятка. - Я показал глазами на дверную ручку, которую оторвали и повесили на один шуруп, чтоб не потерялась.

На закате воздух сделался прохладным, но не настолько, чтоб парализовать комаров. Они густо заселили цветочные клумбы, кусты шиповника по бокам от подъезда, встречали и провожали всяк входящего и выходящего в предвечерний час.

Не успел я подумать о бабушках-дачницах, которые часа два раздражали кровососов своим вынужденным стоянием, как нас окликнула светленькая иномарка с известным мне номером. Я усадил Регину на заднее сиденье, стал огибать багажник, чтоб прижаться к ней с другой стороны, но машина беззвучно тронулась с места и на двух метрах пути набрала нереальную скорость. Реня убежала от меня на вороных, - и я почувствовал себя обиденным и ненужным на людском празднике.

V

Регина не позвонила до полуночи. Я подождал еще час и, рискуя выдать нетерпение маньяка, набрал номер ее телефона. Меня уже раздирали сомнения - доехала она до дома или... Или что-то случилось? Почему таксист рванул машину с места, как ускоренную форсажем или катапультной. Что из этого следует?

Нареченная отозвалась после второго гудка вызова.

- Привет тебе, - сказал я, успокаиваясь: дома, ничего непоправимого не приключилось. Последние годы газеты пестрят заметками о хищении де-

виц, насиловании их и продаже в бордели, которых на карте страны гуще, чем заводов и фабрик.

- Ой, привет! - обрадованно отозвалась она, но в голосе слышалась и вина.

- Ты так быстро сбежала, что я извелся сомнениями и худшими предположениями. - Таким образом я объяснил свое нетерпение заботой о ее здоровье.

- Шофер был на взводе. Он долго стоял перед домом. Как только я втиснулась на сиденье, он нажал на газ. А ты ведь знаешь, иномарки, как боевые ракеты, срываются с места.

- Ты бы хотя позвонила: так, мол, и так, я дома.

- Ой, ты ж меня озадачил выше головы. Я вся во власти твоих проблем.

- Ладно, Рень, проехали. Мы оставим этот сюжет на будущее. А теперь позволь узнать, каковы мои успехи.

- Я же сказала тебе, что не против. А мама решила ночевать на даче.

- Вопрос остается открытым.

- Но... Как говорят, каков вопрос, таков и ответ. Ты сделал предложение на пороге. Как локомотив, который коротко трубит, поравнявшись со встречным. Так велит инструкция. Давайждемся маму. Ты приедешь к нам с Пашей и Костей, и официально сосватаете меня. Громко, внятно, за рюмкой чая. Спроси у пращура, как это делалось на Руси. Ритуал сватовства вроде как залог долгой совместной жизни. Или ты думаешь иначе?

- На века, Рень, только на века. На меньшее я не согласен.

Она помолчала и с лукавинкой сказала:

- Через полвека я буду старенькая и ты станешь ругать себя за сегодняшнюю поспешность.

- Через полвека и я, слава богу, превращусь в развалину. К тому времени ты не раз подумаешь, что дала маху, согласившись с моим предложением.

Она засмеялась.

- Значит, мы квиты. Надеюсь, так не будет. Теперь, что касается твоего пращура. У тебя я не могла собрать мысли в горсть. Но в родных стенах вспомнила... Вспомнила, что где-то читала, будто в мире есть несколько - до десяти, непознаваемых явлений. Это и энлэо, и снежный человек, и привидения, которых все чаще стали замечать на земле, и давно вымершие чудища, наподобие лохнесской Несси... Твой пращур, похоже, из ряда неразрешимых историй. Боюсь как-то объяснить этот феномен. Он может скрываться в экстрасенсорике, которая открылась в тебе. Как же тут понятно сказать?.. Обладатель этих особенностей может видеть людей, события на другом полушарии, распознать их недуги, путешествовать во времени. Вот эта подробность особенно важна в нашем случае. Может быть не он, а ты мысленно ходишь к нему.

- Если можно ходить не поднимаясь с дивана, то я готов обойти земной шарик и все двадцать тысяч лет разумного человечества.

- Позволь предостеречь тебя: нельзя заморачиваться на явлении. Оно может источить психику, нервы, вызвать глубокую депрессию с осложнениями на сердце, сосуды, желудок.

- Но как не видеть того, кто стоит перед глазами? Человеческий разум не потерпит такого.

- Не принимай историю близко. И глубоко. Общайся с пращуром, будто с соседом, которому ты ничего не должен.

- Рень, вспомни, как Ходжа Насреддин проучил злого Джафара. Он добровольно вызвался излечить ростовщика от горба и других уродств, поса-

дил в мешок, завязал сверху и запретил думать о белой обезьяне. Джафар никогда не думал о белой обезьяне, как и вообще об обезьянах. Но, услышав предостережение Насреддина, тут же стал думать, что это за красота редкая, как она выглядит, как уживается с людьми, и сколько за нее можно выручить в базарный день. Только поэтому Насреддину не удалось излечить несчастного... И сохранить свое лицо... Я как тот Джафар. Скажи, как можно не думать о прашуре, если это неслыханно редкий случай. Если не единственный. А для меня - явление личного порядка.

- Он придет сегодня?

- Не знаю. Он никогда не обременяет себя обещаниями.

- Однако, я напрасно отказалась остаться у тебя.

- Я вызову такси прямо сейчас.

- Ой, не надо. Я уже одомашнилась. И скоро усну.

И правда, по растяжке некоторых слов я догадался, что она позевывает. Я пожелал ей доброго сна, она не воспротивилась моей поспешности.

Стрелки часов указывали на два. Не вылезая из спортивного костюма, я с облегчением поработавшего влать лесопильщика или землекопа завалился на диван, раскрыл книгу о японских детективах. Это был обстоятельный пересказ событий человеком, который никогда не слыл японцем, не умел по их чувствовать, понимать, думать. Уже на пятой странице я выключил торшер.

Спать... И провалился на дно сонного царства. А когда всплыл на поверхность, прашур сидел передо мной в привычной позе - на корточках. Лицо его светилось радостью маленькой победы. Он видел дневное нашествие «компашки», мое неучастие в застолье и был доволен результатом своих усилий.

- Благословением Бога и Отца и споспешением Сына и содейством Святого Духа в Троицы Пречистые и при благословении Владычицы наша Богородицы и великих чудотворцев молитвами прими повеление с новым солнцем и всякие блага под ним, - ответил он чуть возвышенно, как с амвона.

- Божиею милостью и пречистые Богоматери, - в тон ему отозвался я на языке начала средневековья. Он зашевелился, брагой заходил во мне.

Прашур улыбнулся коротко. У них там, в десятом веке, улыбаться было дурным тоном. Мужик должен быть собран, готов к резким движениям.

- Мы видимся четвертый раз... Я знаю, как звали твоего отца - Сафоний, деда - Еким Тарута и его отца - Юрка Жук. Но я пока не слышал твоего имени. Оно есть у тебя? - спросил я.

Прашур подумал. Ответил уклончиво:

- В мое время мы не очень называли свое имя. Оно могло попасть к злым волхвам и те, по чьей-то прихоти, умели навести де порчу на человека, чье имя назвали им... Имя считалось такой же частью человека, как рука или нога. Именем можно было поменяться с кем-то или продать его. И родителями нареченный, но потерявший имя свое, обязан был следовать за своим именем. Хоть в гребцы на галеры, хоть в рабство при усадьбе.

- Я-то чем опасен тебе. Мертвые души скупал Чичиков, но теперь он где-то в мире ином. Кому я могу продать тебя? И за сколько?

- Я не о цене говорю. Какая разница, за сколько гривен тебя спустили. Думаю, чем дороже, тем хуже рабу. Он должен де отработать затраты на него быстро. А это значит, ему не позавидуешь.

Что за бадягу понес он? Тогда с какой целью приходит? Поморочить мне голову?

- Кое-что из того, что ты говоришь, уже знакомо мне, - сказал я, воспользовавшись тем, что он выговорился. - Я знаю наверняка, что у твоих современников и попозже, спустя двести и триста лет, было по два имени: одно давала церковь при крещении, другое приклеивали родители... Я читал о русском посольстве... не помню куда и с какой целью, и возглавлял его Иван-Волк Курицын.

- У меня тоже два имени. - Подхватил прашур. - При рождении отец нарек меня Жданом.

- Он долго ждал тебя и, наконец, дождался. Так?

Прашур изумленно распахнул глаза.

- Откуда знаешь? Мой отец Сафоний, сын Екима Таруты, прасын Юрки Жука за десять лет женатой жизни зачал семерых девок. То десятилетие мать всегда была на сносях - отец ждал сына и помощника себе, - но не получалось. И когда, наконец, родился я, отец воспользовался своим правом первого в доме. Так появился Ждан.

Действительно, откуда я знаю, что Ждан был долгожданным ребенком. Ах да!.. Имена с определенным значением: Волк, Любава... И Ждан в их черед.

- И как же церковь согласилась с таким именем?

- Я почти ровесник русской православной церкви... Она лишь де вращалась в народ и не очень настаивала на своем по мелочам. Чтоб не отвратить от веры. А вера принималась трудно. Ох трудно. Как ваши сегодняшние реформы. Русские вживаются в порядок предков, и против разума долго запрягают. А то, что едут потом быстро, от кучера зависит. Так и в ту далекую пору князя Володимира и его сынов. Не все вольные словени, поляне, древляни, вольняни, уличи¹ понимали веру и принимали ее безоговорочно. Они обожали веру отцов и чтили ее трепетно. И церковь делала послабление при наречении отроков, при проведении некоторых обрядов... Да церковь-то не имела нынешних храмов. Чаше она работала под открытым небом.

- Понятно. Какое ж твое второе имя?

- Моисей.

- Моисей? Но ведь это совсем не русское имя.

- Да, оно из Ветхого Завета, - невозмутимо пояснил он. - А почему ты так удивляешься? Церковные имена и имена святых де перенесли на Русь из Священного писания. А в нем много действующих лиц. Очень достойных и памяти вечной, и чтобы деяния их были известны людям в веках. Новгородский дьяк Григорий переписал первое евангелие уже после моей кончины, был возведен в сан святых под именем Иосиф.

- Я думал, святыми становятся мученики за правое дело. А переписка книги едва ли тянет на большую доблесть.

- Он дал многим людям знания. А знания организуют, объединяют, вооружают народ, снимают с него куриную слепоту. Дьяк Григорий (в миру Остромир) удостоился третьего прозвища после смерти. И заслуженно.

- А как твоя Милена узнала, что ты под другим именем? И узнала ли?

- Слухами земля полнится. Меня канонизировали через год де после кончины. Событие нечастое в те времена. И донесли люди Милене, что православный Ждан возведен в святые. Так мой сын не Ждановым стал, а Моисеевым. И его сын и его внук. Пока у внука не родились несколько дочерей. И Моисеевы закончились.

- Так передо мной сейчас сидит не Ждан, а Моисей?

¹ Славянские племена.

- Выходит, так! Когда ты учил историю, ты де не подозревал даже: святая княгиня Ольга после крещения прозывалась Еленой. А ее внук князь Володимир, крестивший Русь, получил от церкви имя Василий. Русские люди не захотели называть князя Василием. И те летописи, которые ты вспомнил прошлый раз, даже не упомянули его христианского имени. Русские де трудно расстаются со старым! Поверь, я это испытал на себе.

- Случилось что-то из рук вон?

- Не знаю, как сказать. Точно вспоминать, - потупился он.

- Ты видишь меня насквозь. Я ж не могу просветить тебя. Но надеюсь - сам расскажешь. Опыт предков учит потомков.

- Я понимаю... Но если ты де не будешь ржать жеребцом...

Я пообещал.

Он искал в углах комнаты иконку, уперся взглядом в портрет моего отца с полковничьими погонами, орденами и медалями за освоение новой техники, достижения в боевой и политической подготовке, за налет часов и великое множество тысяч километров. Его приглашали в испытатели. Он отвертелся, считая, что взлет - посадка, взлет - посадка не удовлетворит его кипучую натуру. Ему была нужна высота, где сходятся тропосфера со стратосферой... Рядом с портретом отца неброским лучиком красовалась моя мама. Тихая, умненькая, вся домашняя и нежная.

Прашур перекрестил их, сложил ладони книгой и, глядя в них, начал... читать: «От сна восстав, благодарю тя, Святая Троица, яко многие ради Твоей Благости и долготерпения не прогневался еси на мя, лениваго и грешнаго, ниже погубил мя еси со беззаконьми моими; почеловеколюествовал еси обычно и в нечаянии лежащаго воздвигал мя еси, во еже утревати и славословити державу Твою. И ныне просвети мои очи мысленныя, отверзи мои уста поучатися словесам Твоим, и разумети заповеди Твоя, и творити волю Твою и Пети Тя во исповедании сердечном и воспевати всесвятое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Опустил ладони, уставился мне в глаза; увидел в них удивление, смущение и вопрос. Не дожидаясь, когда я озвучу его, пояснил:

- Я известил Господа, что хочу говорить о себе. Испросил позволение.

- Я не слышал его ответа, - сбрязал я, забыв, что накануне едва не сломал голову, пытаясь объяснить феномен диктофона.

- Он не запретил, а значит, - позволил.

- У вас так строго на этот счет?

- Злейшее из всех зол напраслина, хвастовство, самолюбование. Не будь их на земле, мир развивался бы более счастливо.

Он волновался. Нет, нервничал.

- Уже после третьей моей сестрички, - продолжал негромко, - отец начал гнуть спину перед деревянным идолом Перуна, заискивать у ног Дажьдбога, унижаться, пав ниц перед Хорсом, дарить Мокошу¹, надеясь де разогреть в ней женские начала и через них выговорить для себя сына.

Тщета из тщет!

К тому дню, как князь Володимир привез де на Русь православную веру, отец уже переполнился сомнениями в силе древних поверий, но не умел пойти своим умом, что существует один Бог, и только ему подвластны Небо и Земля, Луна и Звезды, Горы и Моря, Люди и всякая скотина, попирающая твердь и воду. Когда в конце лета в отчину наехали конные мечники во главе

¹ Перун, Дажьдбог, Хорс, Мокошь - языческие божества.

с хмурым ипатом¹ и ерзах со священниками, о которых в ту пору де слыхом не слыхивали, когда бирич² от имени князя киевского повелел опрокинуть и сбросить в Днепр деревянные идолища, что торчали как пальцы дьявола из земли на обрядовой площади посеред куц и истопок³, после того, как грек Анастас рассказал о деяниях Господа нашего, историю человечества, открыл глаза на великую миссию Иисуса, его мученическую смерть, воскресение, доложил о неизбежном втором пришествии его в наш мир, чтоб возглавить праведный суд, отец де радостно и безвозвратно качнулся к нему.

После разговора длинного, знакомства с обрядами, песнопениями, когда уже устали все и начали разбредаться по углам своим, подошел он робко к Анастасу, спросил, не грешно ли приставать ко Всевышнему со своей нуждой о сыне желанном. «Надо верить и ждать семь лет. И сбудется», - отвечал ерзах убежденно, как это делает, по преданию, Галилей после официально-го отречения от ереси: «А все-таки она вертится».

И сбилось ровно через семь лет. Появился я в полночь де под грохот футрины⁴, но не было большей алафы⁵ моим старикам... Так родился Ждан.

- А Моисей? - ловко ввернул я.
- Моисей моложе Ждана на двадцать три года.
- Что ж такое случилось со Жданом?
- Не спрашивай... Грешно сказать. И умолчать грешно.
- Я возьму часть твоего греха на себя.
- У тебя своих - больше некуда.

- Мы притиснем их, как в трамвае или автобусе в час пик. Притиснем и втолкнем еще один. Да хоть и два, и три. Так что же случилось со Жданом?

- Вынуждаешь... Но уж прими небольшой урок истории. Из первых уст... Великий князь Володимир незадолго до кончины своей допустил промашку. Он поделил великое княжество на несколько удельных. Ты говорил о его женах, наложницах, но не знаешь, наверное, что было у него двенадцать сынов - наследников. Опасаясь распри после кончины, он властью своей отселил нескольких чад, де именовал их наместниками новгородскими, муромскими, древлянскими, полянскими, полоцкими, вышгородскими.

И случилось, что не все де желуды одного дуба дают благородное потомство. Особо бодлив оказался старший приемный сын Святополк, видевший в братьях соперников по дороге к единовластию. Он люто злился на них и, поджидал своего часа.

И час тот настал, де нет в природе ничего вечного, как не вечна и сама Колыбель наша. Почуяв старость и дряхлость отважного льва, Володимира, раздробленность княжества, которое допустил он по соображениям добрым и благородным, пошли на Киев ватаги печенегов. Володимир поручил девятому сыну, бывшему при нем, - Борису со дружиной - отогнать их.

Борис исполнил это поручение, и тем вызвал лютую злобу Святополка. Его шансы стать единоличным вождем сильно поубавились. А еще он ясно понял, что кроткий с виду, глубоко верующий брат стал очень опасным в претензии на власть в Киеве.

А Володимир угасал, и благая новость о победе над печенегами была де последней, что он услышал в земной жизни. Бывший при том Святополк

¹ *Ипат* (др. русск.) - военачальник.

² *Бирич* (др. русск.) - глашатай.

³ *Куц, истопка* (др. русск.) - виды жилищ.

⁴ *Футрина* (др. русск.) - буря.

⁵ *Алафа* (др. русск.) - праздник.

послал гонцов к Борису с горькой вестью. И под видом гонцов выехали из города четыре злыдня, один из которых назывался Торчином. Они приехали верхами в лагерь отважной дружины. Среди ночи проникли в походный шатер княжича и пролили кровь Бориса и его верного отрока Георгия.

Святополк провозгласил себя князем киевским и первым делом его стало де богопротивное преступление. Тех троих с Торчином во главе он отправил в Муром к молодому князю муромскому Глебу. И они умертвили его.

Свара в доме привлекает злых людей. И пошли на Русь де поляки да литовцы, нынче очень обиженные на всех, кроме себя. Пошли с огнем и плетьюми хлесткими. Грабили поселения, угоняли в полон людей. И тогда бросил клич третий сын Володимира - Ярослав: славяне, постойм за свою честь и отечество, данное нам Богом. Для начала он Святополка де привел в чувство. Тот на равных с иноземцами стал обижать то полян, то древлян... Зло, что двигало киевским самозванцем, - плохой помощник в сражениях. Ярость слепит глаза, тормозит ум. И погнал Ярослав Святополка с земли русской в Болгарию, где он скоро и преставился, лопнув от бессилия и досады.

А ляхи и литовцы продолжали разбойничать. Специальные вербовщики Ярослава разъехались де по землям киевским, новгородским, муромским. Собирали народ в дружины. А я только оженился. Моя Милена - я уже говорил - как две капли воды из одного родника похожа на твою красавицу, что видел я пару раз за последнее время. Повторюсь, взяв грех на душу: девица послана тебе Небом, береги ее, не упусти, второй такой быть не может в ближайшие тысячу лет. Когда я увидел ее с тобой, сердце мое захолонуло от воспоминаний.

Я хотел спросить, так значит, и сердце сейчас при нем, но сдержался.

- Я вспомнил день Ивана Купалы. Это старый, еще языческий праздник силы, ловкости, удачи, любви... Девчата пускали по течению Днепра венки, заманивали суженого. Среди них была и моя Милена, востроглазая красавица, небольшого росточка, крепенькая, как молодой грибок-боровичок... Да что я тебе описываю. Твоя Регина очень похожа на нее. Не отличить.

Каюсь, я подглядел, как хорош ее веночек, и когда девчата спустили на воду свои, я узнал Милену по букету, вкрапленному в зеленое объятие из трав и тоненькой лозы.

Течение уносило его от берега. Я бросился в реку и поплыл, как не плавал до того. Наверное, я не плыл, а скользил по поверхности реки, будто плоская галька пущенная сильной рукой. Вода бурлила вокруг, как кипяток, перекачивалась через голову, как на пороге через валун, мешающий течению... Я догнал веночек, надел на голову и теперь осторожно поплыл к берегу. Как победитель, я мог смело рассчитывать на согласие своей избранницы.

А она... Она испугалась нечаянного поворота судьбы, застеснялась. Спряталась за куст акации. Я разыскал ее, и мы пошли в отчину, к ее родителям. Я был горд. А она робела. Потом призналась, что боялась поверить счастьем своему. Она давно меня заприметила, да не решалась лезть в глаза.

Нет, ничто не меняется в любви: все та же осторожность и робость вспугнуть близкое счастье. Так было тысячу лет назад, так и сейчас, если любовь без лукавства и скотского вожделения.

Моисей перевел дыхание, сделал паузу, чтоб осмыслить уже сказанное и припомнить подробней события тысячелетней давности. Я быстренько отложил в голове его рывок за венком на речную стремнину и потом уверенное появление перед родителями Милены... Да здесь же целый ритуал, предшествующий сватовству!

- Взяли меня копейщиком, - продолжал пращур, - потому как не имелось в моем де имуществе меча булатного. Шлема тоже не оказалось. Давати мне щит из сплетенных ивовых прутьев, обшитый кожей, не выделанной до конца. Палицу я сам заготовил из молодого дубка с тяжелой булавой на конце. Длинный рожон¹ - заместо копья... Опалил ему заостренный конец на костре. Стал он крепким, как железо. Был я роста для той поры редкого. С медведем де тягался в девятнадцать лет, кабана мог свалить с ног и достать ножом. А в целом - какой вояка... И в первые же дни встретились мы де с дружиной польского воеводы. Торопился он к Киеву, прознав, что Ярослав занят изгнанием Святополка. Встретились мы в чистом поле. Сошлись грудь на грудь. Затрещали копья, засверкали мечи и сабли. Своим рожном я троих де упокоил, прости мя Господи, да перерубили его. Схватился я за палицу. И тут меня сзади чем-то тяжелым по затылку язвили. Весь белый свет собрался в горсть искр, что иглами вылетели из моих глаз... И темно стало, как в ненастную ночь в лесу. И того темней. Очнулся я к вечеру. Понял де, что после удара обхватил шею коня. Меня так и привязали к нему, и в полон повезли. Глянул я по сторонам: много наших шли в неволю. Не обучены были мы бою, вооружены - смех сказать. И вляпались в первой же драке. Хотя и вынудили поляков не идти на Киев. Повернуть назад. Не тащить же обузу, в виде пленных, с собой на дело подлое. Так началась для меня неволя. Ты не знаешь, что это такое. И не знай. Но для этого надо не позволить страну раздробить. Много иноземцев ждут для нее такой судьбы.

Десять дней вели нас чуть левее полярной денницы². На одиннадцатый показалось богатое поместье: де палаты каменные, ворота кованые. Провели нас через них, и в дальнем углу усадьбы затолкнули в каменный же поруб³. Какие-то люди в войлочных беретах, коротких камзолах приходили взглянуть на нас, показывали пальцем, переговаривались между собой: естэм росс, естэм росс... Прибегали девчухи-пигалицы, показывали язык. Дразнили де, как малых детей. Мы молчали, отходили от потрясений и ран, терпеливо принимали судьбу: кто не сумел победить на поле брани, тот обязан терпеть безропотно насмешки... И ждать своего часа. Не помню, как мы прознали, - были среди нас де шустрые отроки, - прознали на третий день, что пленил нас князь Сигизмунд Корячек, что было ему на ту пору за пятьдесят, и свой подвиг он совершил в честь очаровательной Витольды, юной красавицы. Она была не первой женой князя, но разве с годами не обманываются старцы, отогревая немеющие члены свои в огненных кудуках юных беспутниц?

И сам он пришел взглянуть на нас, посчитать, как барашков в загоне - один, три, семь, десять... Тусклый взгляд его был скучен, не сулил добра. Он что-то сказал сопровождающей шляхте и вышел поспешно, де давая понять нам, что представляли мы зрелище неприятное, не достойное его глаз. А шляхтичи принялись стегать нас плетьюми и пинать ногами, обутыми в жесткие сапоги со шпорами. Нам напомнили, кто мы родом, из каких мест и чего достойны... Русских не любят за то, что они лучше остальных, негромки и великодушны. Витольда пришла глянуть на нас следующим днем. Ее тоже сопровождали няньки да мамки, фрейлины с горничными. Она оказалась маленькой шупленькой девочкой с детской грудью и неприметной,

¹ Рожон (др. русск.) - заостренный кол.

² Денница (др. русск.) - Полярная звезда.

³ Поруб (др. русск.) - погреб, темница, тюрьма.

прости мя Господи, попкой. Рыжеватые волосы ее были уложены в высокую прическу, и только по прическе можно было догадаться, что молодуха не из тех, кто щи лаптем хлебает. Она обвела сухим надменным взглядом моих товарищей, и вдруг глаза ее вспыхнули дьявольским огнем. Она уставилась на меня. Я де сидел на соломке чуть в стороне, мысленно молился Господу нашему, просил научить, как быть дальше. Она что-то сказала своим нянькам-мамкам. Те закивали, соглашаясь, и даже с готовностью...

Назавтра она снова явилась, - продолжал он. - Но уже одна. Личико де острое, а в глазах восхищение. Такое я видел у Милены своей, когда за-сватал, когда гостинство три дня пело и плясало... Присела Витольда на закукры, спросила: «Як пана здраве?» Я трижды прокрутил мысленно вопрос, пока перевел его на понятный лад. Отмахнулся нехотя, мол, спрашиваешь огонька у утопленника. Она головой покачала: ай-яй-яй. И убежала. К вечеру пришла де служанка ее и сухонький, как кобылка, балий¹. Промыл мне раны на голове, на плече, присыпал порошком из просяного пепла, наложил подорожник. Умыли за кой день. А утром де опять хозяйюшка наведалься, присела возле. Пошто, говорю, другам моим не повязали раны? Мухи, говорю, жрут. Она напрягла свой умишко, построжела и, тут же забыв, что задело ее, провела пальцем по моим губам: «Добже варга». Засмеялась какой-то своей мысли и козочкой выбежала во двор. Только воня² сладкая осталась. Из цветов и трав душистых.

Заговорили други-кощей³, де приожили, как перед гульбищем. «Горе к князю в полон попасть, крат злей - к княгине». Ну, говорю, Бога побойтесь. Она ж латинской веры, не православная у нее душа. А ты, говорят, не в душу к ней, а снизу. Несыть верами играет, как кошка с мышкой. А один с плутоватой рожей богохульника говорит: «Завали ты ее здесь, может, и нам соломки перепадет». Извини за подробности, но разве не это ты хотел слышать?.. Не на поле брани, не на сече с недругом вооруженным заслужил я благодарность Господа. С дьяволом выпало мне столкнуться. С дьяволом в обличии молоденькой польки, одержимой де похотью и страстью плотской...

Краешком ума я скользнул по событиям дневной давности - как тормознул Пашу, как выпихнул Костю. Не об этом ли говорит прашур?

- Витольда совсем голову потеряла, - продолжал Моисей. - Чем упорней я, тем настырней она. Велела есть до отвала с домашнего стола. Потом перевела из полутемного каменного сарая в конюшню, где был теплый де закуток с широкой лавкой, крытой несколькими орьтьмами⁴. Я ухаживал за княжескими выездными лошадьми, обходился без охраны, хотя, конечно же, чванливые шляхтичи слонялись по двору, обнесенному каменной стеной наподобие кремля псковского, новгородского, и приглядывали за порядком... Отъевшись и оправившись окончательно от потрясения душевного, стал я подумывать, что пора де и честь знать, пора к дому пробиваться. Но стояла зима, было то слякотно, то снежно, то морозно, а одежды мои летние, да и поизносились маленько - калиги⁵ стоптаны и не держат воду и тепло. Днем, скрывшись на конюшне, примерял я орьтьмы. Запасся куском ужи пеньковой. Ждал весны и окончания распутицы, чтоб на княжеском коне - прости, Господи, грех красть, но ведь и сидеть сложа руки тоже грех! - на княжеском самом лучшем коне

¹ *Балий* (др. русск.) - врачеватель.

² *Воня* (др. русск.) - аромат.

³ *Кощей* (др. русск.) - невольник, раб.

⁴ *Орьтьмы* (др. русск.) - попоны.

⁵ *Калиги* (др. русск.) - сапоги.

вырваться за ворота и - лови ветра в поле. Мне были тягостны и жирный кусок мяса из рук панны, и ее откровенные заигрывания. Ночами я вспоминал свою Милену, и была она стократ краше, женственней, чувственней и откровенней всех остальных. Я был уверен, что, не слыша обо мне, она ждет только меня, ждет, отклоняя соблазны. А еще я вспоминал того, которого не успел увидеть, но которого уже чувствовала под сердцем Милена, носила и обещала к Дню Святой Троицы... Не правда ли, наивно и даже неправдоподобно - вспоминать того, кого не видел. Только есть душевные токи между близкими людьми, связь через Бога и ангелов... Ты никогда не чувствовал, что кто-то кружит над тобой, опекает тебя?

Я боялся раскрыть рот, чтоб не отвлечь рассказчика от главного - воспоминания, но он вынудил меня ввязаться в разговор, обращаясь ко мне с вопросом.

- Да, конечно, бывает. Я очень хорошо почувствовал их близость после того, как увидел над головой сову. Она совершенно беззвучно парила в метре от меня, я не слышал шума ее крыльев, но какая-то сила тянулась ко мне и вынудила глянуть вверх. С тех пор я часто вспоминаю ту ночь, тот случай и ощущение, что кто-то завис надо мной.

- Не знаю, как насчет сравнения с совой. - Он оглянулся на окно, будто торопился еще на одно свидание. - Но сила, как ты назвал, - это точно.

- Ты к кому-то торопишься? Нет ли в городе или на краю света моего родственника?

- Как появится, я непременно скажу.

- Спасибо. Но мы отвлеклись.

- Разве? Скажи, тебя когда-нибудь колотили? В школе, на улице?

- Ну... Так тебе все и доложи. Сам должен знать.

Я вспомнил, как лет в семь на загородной прогулке отошел от родителей и столкнулся с тремя мальчишками. По одежде, загару, по цыпкам на руках и по чумазым босым ногам в них угадывались деревенские ухари. Один из них был старше любого из нас - лет одиннадцати. Я отличался от них чистой и прибранностью одежды.

«Ты, глот, ходи сюда! - сказал самый младший из них, повторяя кого-то из взрослых. Он был детонатором в компании, но об этой роли я узнаю позже, наслушавшись всяких дурных историй. Они сбили меня с ног, прежде чем я успел предположить такой оборот дела, юзом протащили по прибрежной грязи, заволокли в воду покрытого ряской озера, макнули с головой и придержали у дна ровно столько, чтоб я мог отведать вкус загаженной гусями зеленой воды.

Кажется теперь я впервые рассказываю об этом. Но пращур-то...

Пращур должен был знать, и знал, о том - об унижительном случае.

- Не любишь вспоминать шишки? Тебе больше глянется звук труб и рожков в твою честь? - сказал Моисей.

- Что ж тут плохого. Я люблю вкалывать как иудейский осел, и хочу, чтоб это видели другие, оценили, похвалили.

- А говорят, синяки и шишки украшают мужчину, - сказал он.

- Это говорит тот, кто не получал ни того, ни другого. Так что было дальше?

- Дальше? Мне пора уходить, - он опять оглянулся на окно. - Да, пора.

- У тебя, как у солдата, увольнительная? «С» и «до»?

- Не буйствуй. До встречи. И будь молодцом.

Перекрестил меня.

VI

В то утро, как заметил я, приближаясь к чему-то важному, пращур стал оттягивать упоминание подробности, которая, как говорят сегодня, не украшает героев.

Что его смущало? Не устоял перед вероломной Витольдой, расстелил на пополах и потниках? Так по нашему понятию это более чем пристойный поступок. Был бы грех не уважить разогретую женщину.

Господи, как я груб и пошл, как обнажены мои мысли и как глубоко сидит во мне практицизм самца!

Он ушел, едва начало светать за окном. Ушел проторенной тропой, через балконную дверь. А я предался раздумьям бессвязным.

Ну какая мне разница - расстелил не расстелил. Нельзя в век общей образованности оставаться досужей кумушкой. Да и какой настоящий мужик похваляется тем, признается под пыткой.

Ты, паря, не в ту сторону клонишь интерес и совсем равнодушен к тому, что там есть, в другой жизни. Тебе предоставилась редчайшая возможность заглянуть туда, откуда не вернулся ни один свидетель, если не считать американца Монро. Все разговоры об аде и рае строятся общими фразами: горе и благодать. А где тот рай и тот ад? Что разделяет дороги туда? У людей нет опыта, как вести себя в первый момент пребывания Там. Наконец, как отличить чистого от нечистого, который может прикинуться кем угодно, чтоб увести доверчивого и неискушенного на дыбу, в огнище дьявольской кухни.

Все мудрецы света, всех времен и народов - хоть Иоанн Златоуст, хоть преподобный Макарий Великий, или святой старец Василий, или затворник Иоанн Семеновский и сам Нифонт Цареградский - не видели глазами своими того, что описывали за чертой загробной жизни. Мог ли художник Васнецов сделать с натуры рисунки сцен Страшного суда для Киево-Владимирского собора? Нет, не мог. Наше представление потустороннего мира строится на умозрении незаурядных, впечатлительных людей.

А не навещали ли и их, как меня, озабоченные предки?

Едва ли я первый счастливцев в роду человеческом. Откуда Данте узнал, как выглядит ад, чистилище, рай? Как ему удалось уверенно описать их, будто с натуры? Данте станет основоположником итальянского литературного языка, а его «Божественная комедия» в трех частях, ста песнях, четырнадцатипяти тысячах стихов вершина поэзии до наших дней.

Впрочем, чистилище, которому поэт посвятил треть сочинения, согласуется не с Библией, а с утверждением апологета Лиция Целия Фирмана Лактанция: «Пусть не думают, будто души предстают перед судом сразу же после смерти. Все души обитают в одном месте, где ждут испытания, которому они должны подвергнуться перед великим судьей. Тогда те, кто жил праведно, получают бессмертие, те, у кого обнаружатся грехи, не воскреснут, а будут повержены во прах и обречены на мучения...»

Эти теоретические выводы Лактанция, спустя две сотни лет, принесли клирикам превосходный корм. Шестидесять шестой Папа Римский Григорий уточнил общее положение: «Душам могут принести облегчение молитвы, которые будут произноситься, пока они пребывают в чистилище. А освободить их из чистилища можно с помощью обеден, которые служат специально с этой целью». Цена тех обеден от трех франков до одного луидора.

Теперь мне почти понятно упрямство моего пращура: «Она ж латинской веры». Мой Моисей не дожил до творения Данте. Но он мог быть наслышан

о Лактанции, о Римских папах. Ведь наверняка по миру прокатилась молва, как во время ремонта большого бассейна во дворе женского монастыря в Риме спустили воду. Дно бассейна было устлано тельцами новорожденных младенцев. Монастырь посещали с нравоучительной целью клирики мужского пола и «топтали» сестер по вере, пока они не опускались с облаков до земного предназначения. Сохраняя тайну отцовства, монахини шли на тяжкие преступления.

Я оборвал свое богохульство, упрекнул себя в недостатке скромности: еще чуток и ты, парень,образишь себя в ряду исключений божьих.

В волнении я поднялся с дивана, дал круг по комнате, вспомнил о диктофоне и опять услышал только себя. Пращур не хотел наследить на пленке и сделать общедоступной брешь в великой тайне. Досадуя на антагонизм времен, я отправился на кухню перекусить со стола вчерашних гулеванов.

В десять часов я позвонил начальнику, пожаловался на недомогание.

- Ты ж не гудел вчера, - продемонстрировал он свою осведомленность, видимо, на будущее. Я догадался, что Костя и Паша уже объяснились с ним чистосердечно.

- Потому и не гудел, - нашелся я. - Сердчишко скачет, давление прыгает.

- Ну-ну, - посочувствовал начальник. - Рано ты надорвался.

И дал отпуск на день, проведать врача.

Получив милостивое добро, я завалился на диван, и только успел ощутить, как он удобен и желанен мной, разодрало телефон.

Я снял трубку, но услышал лишь чье-то сипловатое дыхание. Ошиблись номером. Я вытянулся, скрестив ноги, надеясь подремать, успокоиться после предрассветных переживаний. Я все еще не привык к визитам пращура, и чувствовал себя лимоном после соковыжималки.

И опять мне не дали уснуть. На этот раз Регина.

- Что-то случилось? - спросила она.

- Хандра. Да и неловкость гнобит за вчерашнее.

- В чем же ты виноват?

- Я испортил богему, выгнал гостей... Как теперь в глаза буду глядеть?

- Твои гости ни шиша не помнят. Они еще добавили вчера в сквере за швейной фабрикой, и девчонки едва развели их по домам.

- Добавляя, они хорошо поклонялись моему имени. И мой поступок как заноза в их голове. - Мне хотелось услышать от Рени дополнительных утешений, но она ушла от подробностей вчерашней пьянки и решительно сказала:

- Ладно. Валяйся... Может, врача вызвать?

- Какого?

- Ну... Терапевта для начала.

- Толку от него. Выпишет кучу направлений на анализы в платные диспансер и диагностику... Оберут как липку и выяснят, что здоров, со сна ломом не упокоишь.

- И чудесненько. Тогда коси бесплатно.

По протяжности голоса я догадался, что она улыбается, и делает это так, как умеет только она: виновато, будто раскаиваясь за сорвавшееся слово «коси» и в ожидании грубости в ответ. В эти мгновения она бывает беззащитна и неотразима.

- Спасибо тебе, Рина, за беспокойство и заботу.

Я все же задремал и перед обедом, продрвав глаза, снова вспоминал рассказ пращура, но теперь уже более критично. Я вдруг разглядел, что он сознательно сопротивляется логике своего повествования, придумывает на ходу необязательные подробности: летние одежды, стоптанные калиги,

пеньковая ужа, - чтоб обойти одну очень важную, наверное, постыдную на его взгляд. Но что? Что смущает его? Минутная потеря бдительности, падение под напором энергичной латинянки? Я ж не дергал его за язык, когда он напирал на то обстоятельство, что веры греческая и римская служили основанием его твердости. Теперь он опасался упасть в моих глазах и поставить под сомнение целесообразность наших встреч?

Совестливы, щепетильны были наши предки.

Попив кофейку, я куда-то засобирался: побрился, «надушился», как перед желанным свиданием. Все, что делал я, делалось в полудреме, в состоянии пустоты и невесомости. Неужели пращур издалика руководил мной? Лишь завязав галстук, я понял, что иду в приличное заведение.

Ноги сами вынесли меня к центральной библиотеке. Когда-то я был здесь «своим» человеком, и потому без труда и волокиты преодолел три поста между входной дверью, абонементами, читальными залами и кабинетом директора. Секретарша бурно изумилась моему приходу, по громкой связи доложила о моем «явлении» и я прошел к руководителю.

Обменявшись формальными вопросами о здоровье, я рассказал, что привело меня.

- Нужно старое издание «Жития святых». Не правленое последующими редакторами.

- А последующих не было. Институт святых был закрыт вслед за анафемой церкви.

Она пригласила заведующую фондом редких книг, и через несколько минут, еще не придумав, как объяснить свой интерес к теме, я держал желтую от времени книгу, предназначенную для массового читателя - в мягкой недорогой обложке. Книга была благословлена к изданию Святейшим Синодом в 1894 году и открывалась рассказом о путешествии апостола Андрея по Днепру от моря Русского, о его изумлении крутым берегом выше речных порогов. «На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий и воздвигнет Бог много церквей», - скажет он спутникам. Поднявшись на кручу, поставит он крест рубленый, чтоб встречал тот каждый восход Солнца.

Андрей отправится против течения в земли новгородские, оттуда к варягам, от них - в Рим. Он оставил описание обычаев славян той поры. Они изумляли и восхищали его, как крутизна днепровского берега.

У того креста над Днепром, будто по зову его, появились три брата из рода полян - Кий, Щек и Хорев. Они и основали город, предреченный апостолом Андреем. Киев!

Старое предание оставляло без ответов много вопросов. Но древние авторы не мучились поисками научной достоверности. Они рассчитывали на веру человека.

Ага, есть! Первые русские православные святые. Они заимствованы у Византии и очень почитаемы на Руси - воины, замученные Диолектианом за отказ сменить веру. Это Дмитрий Солунский и Георгий. А вот и мои знакомые - Борис и Глеб, сыновья Владимира Красное Солнышко... Раз, два, три... Пять. Пять святых княжеского происхождения, среди них мудрая Ольга и три клирика - Антоний и Феодосий Печерские и новгородский епископ Никита. Где ж в этой очереди незнатного рода Ждан? Или... «После смерти нарекли Моисеем», - так говорил пращур. Значит, надо искать среди Моисеев.

Вот похожее: «Родился восьмым ребенком в семье пахаря и гончара». А дальше знакомые по воспоминаниям пращура вехи: вырос дылдой, помогал отцу, женился двадцати годочков неполных, в пору княжеской меж-

усобицы был призван в дружину, но по пути к Киеву эта ватага столкнулась с отрядом ляхов, возомнивших поживиться киевской казной. Плохо вооруженные, малоорганизованные, необученные бою дружинники бежали с поля боя, а кто и пал, сойдясь с недругом грудь на грудь. Ждан был пленен и связанным доставлен в имение польского князя. Там, очухавшись от раны, он произведет впечатление на жену вассала, но не примет ее заигрываний.

Так вот чем объясняется неловкость прашура. Он не знает, как сказать, что с ним сделали, опасается моей глупой, жеребьячьей реакции.

Оскорбленная холодностью русского кощея, Витольда потеряла разум окончательно. Она пожаловалась рогоносцу мужу, что несносный раб домогается ее чести через тело. Тот взлютовал и повелел каженить¹ нахала... Толпа шляхты связала Ждана, избила до полусмерти и выполнила распоряжение с удовольствием, присущим низменным существам.

Его выходили рабы. Среди них были толковые знахари, врачеватели, бабии, умельцы от рода людского.

Легко предположить неудачную стычку с поляками - было и не раз! Нетрудно представить историю посягательства молодой панны. В некотором роде это типичный случай самодурства и в наши дни. Но подробность, «родился восьмым», могла появиться со слов высшего хранителя или самого Ждана, чья душа легко откликается на обращение к ней. И в том, и другом случае, летописец имел доступ в иной мир.

Или все-таки, меня классно разыгрывают по содержанию этой самой книги? Но... Но тогда каким образом шутнику удастся обмануть диктофон? Чуткий и вполне исправный.

Ладно, что же там дальше.

А дальше - как в современном детективе. Среде лета взбунтовались рабы-кощеи, перебили, повязали чванливую шляхту, что приживалой слонялась по дому и усадьбе, очень даже уважили панну Витольду - отомстили за зло - после чего компаниями по пять, десять человек подались, кто восвосяи, кто на большую дорогу: групповщина делает людей безоглядно дерзкими.

Ждан уходил с тремя земляками родом из-под Киева. У стольного града увидели они несколько мужчин в черных одеяниях до земли (рясах), с черными же клобуками на голове. Они рыли в крутом берегу норы-кельи. Печерская лавра вскоре повторит их опыт, учтя ошибки и просчеты.

В книге более трехсот страниц. Мне не одолеть их за один день в кресле приемной, под любопытным оком секретарши. Да и нужно ли мне это? Я нашел искомое, догадался, откуда неловкость прашура. И мой интерес пропал к недосолненным очеркам на основе летописей, столь кратким и наивным, что в одной строке можно найти два-три несоответствия, противоречия, утверждения и отрицания одновременно. И все это под флером умиления. Именно умиление мешает восприятию реальных событий.

Я вернул книгу, поблагодарил и подался домой. Меня раздирало в несколько сторон. Я не мог ни на чем сосредоточиться. Наконец на глаза мне попал диктофон. Почему?... Почему колебания воздуха - звук - не воспринимаются микрофоном? Я проделал несколько опытов, мял и рвал бумагу, полосовал тряпку, ходил по полу на каблуках. Все это диктофон изловил, перенес на пленку.

И тут меня осенило: наши разговоры идут не по воздуху, а путем реинкарнации и телепатии. Третьему не суждено участвовать в них и даже слышать. Электроника не может настроиться на нашу волну.

¹ *Кажениць* - оскопить.

А бомж? А диктофон, который писал ясно? Выходит, я могу воспринимать чужую речь, а техника никнет.

Позвонил не обремененный моими заботами Паша.

- Ну ты, старик, наелся вчера, - сказал вкрадчиво, будто ожидая затрещину по телефону. - Всю компанию разогнал. - Спросил, подумав: - У тебя там ничего не осталось?

- Кусок колбасы, пицца.

- Пиццей пожар не зальешь.

- Ну, а керосин вы скушали еще вчера.

- А твой стакан?

- Я вылил его.

- Быть беде...

Остаток дня и вечер я читал «Сказание о русской земле» Александра Нечволодова. Восхитила информация, предварявшая текст: «Первая и вторая части одобрены и рекомендованы Августейшим Главнокомандующим Гвардии и петербургского военного округа и командующими войсками всех остальных Военных округов для выписки по всем полковым, ротным, эскадронным, сотенным, батарейным и др. библиотекам. Определением Святейшего Правительствующего Синода - для приобретения в фундаментальные и ученические библиотеки духовно-учебных заведений, а также в библиотеки при церквях Российской империи. Определением Училищного Совета при Святейшем Синоде - для библиотек школ церковно-учительских, а также для учительских библиотек церковно-приходских школ; Министерством Народного Просвещения - для преподавателей всех низких учебных заведений различных наименований, для внеклассного чтения учеников всех средних учебных заведений и для различного рода библиотек; Ведомством Учреждений Императрицы Марии, Министерствами Путей сообщения и Торговли и Промышленности, Главным управлением Землеустройства, Земледелия и Главным управлением Военно-Учебных заведений - для различного рода подведомственных библиотек, и Комитетом попечительства и Народной трезвости - для народных читален и библиотек».

Никогда прежде не ломал я глаза на посвящениях, сопроводительных и пояснительных вступлениях, а тут, будто кто под руку толкнул. И открылся мне безвозвратно утраченный старый мир, без комментаторов, толкующих на все лады историю. Вот, оказывается, как надо заботиться об образовании, просвещении народа. Не за счет автора (двести - пятьсот экземпляров), а за счет казны, которая тут же окупится с лихвой толковыми мастеровыми и отважными воями.

Потом я погрузился во времена Ивана Грозного и в смутное время после него и почти зрительно видел, как оно смахивает на наше.

«Рядом с Москвой и сидевшим в ней нелюбимым всеми «боярским царем» или «полуцарем» Василием Ивановичем Шуйским выросла другая столица, где царствовал «царик», как называли Вора, где было весело, шумно и пьяно... Многие ловкие люди начали устраиваться так, чтоб было хорошо на случай успеха Шуйского и на случай успеха Вора... Одними из первых преданных Вору были князя А.Ю. Сицкий и Д.М. Черкасский, за ними последовал видный князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой вместе с двоюродным братом Ю.Н. Трубецким, а позже князя С.П. Засекин и Ф.Н. Барятинский. Последнему, а также Д.Т. Трубецкому Вор пожаловал боярство...»

Бог мой! Какие-то щегольские, трескучие фамилии. Ни одного Иванова, Петрова, Сидорова. Ни одного Екима Таруты, ни одного Юрки Жука.

А Сицкий, Черкасский!.. Они может и были при рождении Тяпкиными, да посчитали, что негоже оставаться им в массе простолюдинов. Хотя вряд ли. Ивановы землю пахали от темна до темна, Петровы лес валили и трелевали в отведенное место. Им княжеский титул не светил. Власти отслеживали происхождение. А Трубецкие, Сицкие и остальные по списку воображали элиту, недурно кормились, спесиво поглядывали сверху вниз на пахарей и лесорубов, и двурушничали, заигрывая с подлым недругом, вместо того, чтобы шевельнуть мозгами, как вывести страну из провального состояния. Они были бесполезны для поля, лесосеки и во власти. И даже вредны.

Как же это знакомо нам. Только сегодня имена, титулы, должности другие.

Я уснул с раскрытой домиком книгой на лице. А пробудившись, сразу почувствовал, что не один в комнате.

Прашур сидел в привычной для него позе - на корточках. В первый миг я пережил сильную робость и даже страх.

- Слушай, Моисей, ты хоть голосом или что там у тебя - утробой - пробуждай меня издали, чтоб я мог известиться о твоём приходе, собраться немного. А то открываю глаза, и волосы поднимаются дыбом: кто надо мной? с какой целью?

- Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всемогущими мольбами отжений от мене, смиренного и окаянного раба Твоего, уныние, забвение, нерадение, и вся скверная, лукавая и хульная помышления от окаянного моего сердца... Как мне объяснить отроку, что будь на моем месте дурной человек или лютей зверь, он бы не просыпался, не испытывал бы страха. Он распрощался бы с жизнью не пробуждаясь.

При этом он распрямылся во весь свой великолепный рост, с высоты поздоровался витиевато, пожелал всяческих благ. Я ответил лаконично, свесил ноги с дивана.

- Есть какие-нибудь новости? - Я сменил гнев на милость.

- Есть. Твой американский дядя де предстал вчера на небе. Аминь!

- Я ничего не знаю об американском дяде. Просвети. Он ведь наш общий родственник.

- Он по линии твоего отца. Кажется, брат.

- У отца было три брата. Один, служа в армии, заболел туберкулезом, вернулся домой и помер на руках моего деда. Вторым, будучи пограничником, странным образом пропал на Дальнем Востоке... Третий... Я о нем ничего не знаю. Не знал и отец. Хотя однажды его вызвали в штаб армии и передали привет от брата. «От которого?» - спросил отец. Ему напомнили, что это лишнее знать. Пропавшего звали Алексеем, умершего Иваном, а третьего... Хоть порви на части - не вспомню. А ведь отец называл всех трех. - Я развел руками, мол, такой вот эгоист, бревно, нечуткое к родне. - Скажи-ка мне, как стало известно, что тот американец - мой дядя?

- Не объясню. Но ведь и тебя я нашел - без людской подсказки. Там, - он возвел глаза вверх, где должен хлопотать мир, отличный от нашего, - там нет сложной техники, но сильно де развиты естественные наклонности и чувства. Именно они помогают безошибочно понимать, кто есть кто и чего стоит. Аминь!

- И просто, и непостижимо отсюда. А не оставил ли мой неизвестный американский дядя наследство для меня?

- У него шестеро взрослых детей и уже восемь внуков. Они прямые наследники и своего не отдадут. Будешь упорствовать, они наймут отряд платных головорезов и пойдут войной на Россию.

- Такое большое наследство? Или ты заговорил образно?

- Есть и то, и то.

- Кем же он был?
- Он занимал четвертую-пятую строчку в цепи алмазных умельцев.
- От чего он умер?
- Его убили.
- Кто?!
- Этого я не имею права сказать. Даже если бы знал. Пусть у сыщиков болит голова. Аминь! - сказал пращур, заканчивая бесполезный разговор.
- Решено и забыто. Теперь я хочу дослушать твою Одиссею.
- Какую такую Одиссею?
- Про твой полон, пана Корячика и нетерпеливую панну Витольду.
- А не прочитал ли ты ее до последней буквы вчера днем?
- Он все видел, все знает! Я припомнил свое безмолвное состояние во время одевания, сборов, как машинально переставлял ноги в сторону библиотеки и, лишь представ перед ее работниками, избавился от гипнотического кокона. Выходит, пращур - не сам я, а именно он! - навел меня на мысль о книге и сопроводил до кабинета директора.
- Я пожал плечами, выказывая недоумение.
- Тебя смущает дикое надругательство князя и его толпы? Выходит, ты по-людски горд, а гордость указывает на тяжкий грех. Как же тебя канонизировали?
- Ты зубаст де шука, - усмехнулся пращур. - Что касается гордости: если она не мешает другим людям, то Господь лишь приветствует ее. Гордость - родная сестра достоинства. Если угодно, мета качества. Аминь! А канонизировали... Тут ты подталкиваешь меня к бахвальству, что принижает достоинство любого существа.
- Бог простит тебе невольное бахвальство, если оно случится. А я помогу избежать его вопросами наводящими. Например, дошел ли ты до дома родительского, видел ли Милену - мою полста раз прабабку - и своего первенца?
- Он потускнел немного, ответил:
- Кто-то из красных мудрецов прошлого века говорил, что особое рвение, - нет, он называл его инициативой, да, всякая инициатива наказуема.
- В армии была шутка - не подходи к телефону дневального, - подхватил я, - не подходи к телефону, ибо получишь приказ и побежишь выполнять его. Это почти то самое, о чем ты...
- Откуда ты знаешь, как говорят в армии? Ты ж не служил.
- У нас в институте была военная кафедра. И ты запомнил, чей я сын, и что с рождения жил в военных городках среди офицеров и солдат... Так почему ты вспомнил об инициативе?
- Оставим этот вопрос на потом. Сегодня мне пора уходить. Аминь!
- Что он имел в виду, говоря об инициативе и наказании? Отчего предостерегал?

VII

Лет пять-шесть назад в торце моего дома, через дорогу, поставили голубой металлический ларек. Рядом с ним огородили кирпичным бордюром высотой в метр площадку, застелили бетонными плитами пол. Готово! На этом напряжение ума иссякло, будто электроэнергия в землю. И как результат: предложив пивникам загон, забыли построить туалет. А пиво активизирует почки и всю ту систему, которая выводит наружу излишки жидкости из организма. Уже через три года угол квартала смердил щелочью и нечистотами, которые были растворены в ней. Но «комок» работал исправно,

как столичный крематорий. И круглосуточно. «Ужаленные» алкоголем особи утрачивали нюх и не имели ничего против аммиака, выедающего глаза. Взгромоздясь на высокий бордюр, они степенно сосали из полторашек пиво, лущили соленую вяленую рыбку, пополняя букет отхожих запахов ароматом копченостей и мускатного ореха.

Хозяином заведения был усатый, носатый хачик. Он не умел слесарить, добывать из-под земли уголь, варить сталь, плотничать, но умел делать деньги, перепродавая продукцию пивзавода. С началом новой эры из русского языка выпало и где-то заблудилось слово «спекуляция», некогда грозное, как пушка, из которой англичане расстреливали персонально индийских саибов. Привязывали к стволу на пути снаряда и - пли!

Нынче не жизнь, а малина.

Хозяин бывал в «комке» наездом. Забрать выручку. Измученный трудами - тому дай, тому дай и другому не забудь отстегнуть, - он выгонял из помещения одну из молодух, сутками торгующих питьем, и подолгу пересчитывал засаленные купюры. В итоге у продавщицы глаза делались влажными, на щеках выступали румяные яблочки, а губы складывались в виноватую улыбку. Иногда он приезжал с таким же усатым, носатым приятелем, а то и с двумя. Тогда приемка денег затягивалась на пару часов. Хозяин презирал обреченных русских баб и всячески унижал их. А куда им, бедным, податься, если весь рынок в руках заезжих кобелей, а диплом о законченном образовании не обеспечивал работой по специальности.

Через четыре года у «комка» сорганизовалась постоянная клиентура выпивох. Были и завсегдатаи, будто пристегнутые наручниками к толстой решетке перед стеклянной витриной. Один из них слыл местным недоумком, поди, зачатый в алкогольном угаре. Он был вял, сутул. Иногда казалось, что сквозь тонкую безжизненную кожу его лица можно разглядеть кости его черепа и безвольной челюсти. Он ходил к ларьку как на службу - к восьми утра, к обеду успевал набраться, но прежде чем прикорнуть под тополями, подметал территорию, собирал мусор - пробки, рыбы кости, обертки от плавленых сырков, огрызки огурцов и помидоров, выбрасывал их в коммозовский контейнер за углом общежития. Денег у него никогда не водилось. Поила и кормила его постоянная клиентура, отдавала ему пустые бутылки. Так складывался его прокорм и заработок.

Будто в насмешку над известным мифом, звали его Георгием, но все величили Жорой, намеренно желая уязвить немного. Но он с детства приспособился не обижаться, не противиться чужой дерзости, был покорен, как старый мул, хотя было ему лет двадцать с небольшим.

Я понимал, что Георгий безнадежно болен и никому-то не нужен, но уговорить его подлечиться не мог. Он уже несколько раз побывал в психушке и боялся ее как черт ладана.

В тот день мы с Пашей возвращались с работы и отклонились ко мне потому, что накануне впопыхах он забыл у меня кожаную жилетку. Теперь она могла стодиться в любой день. С утра. Погода у нас последнее время сделалась непостоянной: то пёкло, то холод, то дожди с ветрами.

Мы приблизились к углу, где грязно голубел киоск, и тотчас услышали знакомый акцент хозяина:

- Ты што тут. Пшел вон!

И я разглядел, как он стиснул пальцы на шее Георгия, как поволок его к гаражам. Жора не сопротивлялся. Он уже привык к тому, что не может стать украшением никакой компании людей. И тут я увидел приятеля хозяи-

на. Он вышел из «комка», деловито заправляя под брючной ремень рубаху. Не вдаваясь в детали дела, вмиг сбросив с плеча Амурчика, он подбежал к Георгию и сильно пнул его сбоку в колено. Тот охнул. У него подкосились ноги. Благодарный за щедрость и удовольствия, приятель хачика снова ударил ногой под живот. Лицо его сделалось искаженным, глаза вывалились из орбит, а челюсть завернулась вбок. Я вспомнил недавнее кино по телеку, где режиссер избивал кого-то конкретного. Так и эти усатые-носатые издевались не над безответным Георгием, а над русским вообще. Они презирали не только баб, но и всех нас.

Постоянная клиентура воробышками сидела на кирпичном бордюре, с равнодушием каменных кариатид наблюдала за истязанием беззащитного. Мы подошли к ним, поинтересовались, что дурного сделал убогий.

- Спроси что полегче, - ответил здоровенный рыхлый мордоворот из дома напротив моего.

- Без галстука появился, - чуть конкретней пояснил второй.

- Рылом не вышел, - разоткровенничался третий.

- И вы как в цирке наблюдаете? - удивился Паша. - Вы че, мужики. Этак какая-нибудь толпа туземцев завоеует и вас и страну.

- Уже завоевали, - ответил мордоворот, отхлебнул из горлышка бутылки.

Между тем «туземцы» под быстрый речитатив на своем языке с силой затолкнули жертву в щель между гаражами, немного потоптали, вбивая в мусор и пахучую грязь.

- Они ж его ухряпают! - воскликнул Паша.

- Они его уже похоронили. Вылезти на боку из той щели невозможно, - понял я. - Пойдем-ка с разборкой!

Паша, не уточняя, прибавил шагу. Ни слова, ни полслова, он схватил хозяина точно так же, как минутой раньше тот держал Георгия - за шею - и с силой ткнул мордой в стенку гаража. Ох как заверещал он, закудахтал что-то вроде: ворот кунем, ту де страхен моет хан... Развернулся к Паше лицом и увидел литого бойца на полторы головы выше ростом, раза в четыре мощней. Трубный рев луженой глотки прибил его к земле, едва не выключил сознание и остойчивость на ногах.

- Ты что сделал, чурка?

Я потянулся к приятелю торгаша, но тот обнаружил редкие данные танцовщика, прокрутился юлой и оторвался от меня на несколько шагов. Так же вальсируя, он быстро стал удаляться, перебежал дорогу и скрылся за углом общежития. Гоняться за ним я не стал. Мне было важно видеть, как он улепетывал, едва не оставляя медвежий след. Я недооценил ситуацию. Оказывается, в нашем городе кроме усатых дельцов существует городская дружина хачиков. Для защиты «своих», для расправы с несогласными.

Не заботясь, куда и зачем так доблестно ретировался приятель хозяина, мы извлекли из щели Гошу, уложили в нее хачика, не слыша его угроз на смеси русского и родного.

И тут, словно стайеры на финише, перед нами возникли трое черненьких. Наверное, они были немного смущены ростом и массой тех, кого им надлежало потыкать носом в чей-то зад, потому как не атаковали с ходу. Похоже, в тот день на штатную дружину был повышенный спрос в несколько адресов. На нашу долю достались «поскребыши» до полутора метров и бараньего веса. Недооценивать их было нельзя, но и впадать в дрожь - тоже.

- Эй, почему так? - начал дипломатию один, осторожно приближаясь.

- Как аукнулось, так и откликнулось, - ответил я, контролируя дистанцию. Эти твари выходят на «работу» с ножами.

Чем закончилась бы та дипломатия, теперь не предположить даже, но униженный Гоша скумекал, куда клонится чаша весов. За нашими спинами у гаражей он отыскал обломок штакетины и без объявления войны решительно атаковал своего истязателя. Или приятеля хозяина «комка». Тот завопил дурнинушкой, привычно вальсируя, вышел из-под палки. Дружинники бросились на Георгия. И тогда мы были просто вынуждены постучать их немного лбами и сложить штабелем в ту самую щель, где уже лежал и вопил на все известные голоса хозяин киоска.

Это оказалось кстати, потому что кто-то из жильцов общежития или нашего дома вызвал милицию, чтоб оградить нас с Пашей от побоев и увечий, и две голубенькие машины наезжали на место разборки. Мы с Пашей вовремя юркнули за гаражи и под их прикрытием помчались ко мне.

Уже дома мы подумали, что подвергали себя великой опасности. Обьединенные в группы, поди, тренированные для единоборств, дружинники не были лохами. Злые как собаки, они несколько дней будут высматривать обидчиков, пока новая работа не отвлечет их.

Паша надел жилетку, построинел, сильно изменился внешне. Я вызвал по телефону такси. Диспетчер пообещала серую иномарку номер такой-то и время - через пять минут. Мы выждали те пять минут дома. Спускаясь, увидели через окно лестничной площадки машину с оранжевым гребнем. Она стояла против подъезда.

- В родном городе чувствую себя партизаном, - сказал Паша.

- Так и есть. Те твари оккупировали нас. Они хоть и мелкие, но сбиты в группы, в отряды, и содержатся на наши с тобой деньги, которые мы несем на базар, в «комок» ли.

- Лопушимся мы с этим. Гнать метлой надо.

- Видно кто-то боится русских, чувствуя свою вину перед ними и страной руссов. Те хачики отрабатывали сегодня зов комкодержателя и того, кто законодательно поощряет бардак и ведет подленькую войну с великим народом.

- Так бояться могут только нечестные люди.

- Аминь, - сказал машинально я, подводя итог разговору.

Паша подозрительно покосился на меня: что за новость?

Спал я в эту ночь - все равно что и не спал. Не из-за побоища, а от мыслей, что вороньей стаей досаждали вопросами: почему так? Мой дед хватил жесточайшей войны. Ему достались все четыре года и по дырке на теле за каждый год, как зарубки на память. Он умер, не прожив отпущенных ему природой лет, потому что пулевые и осколочные ранения не прибавляют здоровья.

Он был русским. Ему доверили оружие, чтоб он прошел через ад боев, защитил отечество. И сегодня всякие хачики диктуют мне, его внуку, на какую половицу я могу ступить и какие мне заказаны. Это же пробуждает протест!

Нехорошие, беспокойные мысли. Там, наверху, сидят круглые идиоты.

Далеко за полночь я вдруг почувствовал присутствие в квартире кого-то второго. Не хачики ли выследили и кошками запрыгнули на третий этаж? Я пригляделся и увидел пращура. Он только что остановился передо мной и возвышался монументом «Алёша». Я поздоровался с ним. Он ответил поспешно, чувствуя и поддаваясь моему возбуждению.

- Да веселятся Небесная, да радуются земная, яко сотвори державу мышцею своею Господь, попра смертию смерть, первенец мертвых бысть; из чрева адова избави нас и подаде мирови величию милость... Наслышан, наслышан, - про-

должал едва не восторженно. - Наслышан, как ты вчера с хазарами схлестнулся. В мое время де наши предки да и ровня по летам моим частенько колотили их.

Подумал, будто пропуская сквозь фильтр фразу о хазарах, опасаясь на-
прашины.

- Гляжу и радуюсь. Десять веков прошло... Между нами де сорок во-
семь поколений. Но ты, как и я в младые дни свои, упрям, не выносишь
несправедливости, напрасных обид... Признак нации нетленен, как душа
праведного человека.

- Ты говоришь про вчерашнее? Откуда знаешь?

- Да уж поверь. С солнышком ты станешь знаменитым. Две газеты печат-
ают о тебе... Утром их можно купить в любой... лавке.

- Ерунда какая-то, - отмахнулся я. И тут же подумал, что пращур видел
нашу схватку с хачиками. Но где он прятался, чтоб не попасть на глаза ни
одной из сторон.

- Ерунда! Плевать! Кому это надо?.. - продолжал пращур в тон мне. -
В этих отмашках гибнет история народа. А ведь он громил, прогонял со своей
земли лютых, беспощадных врагов. Он придумал воздушный шар - летом ты-
сяча семьсот тридцать первого года от Рождества Христова, де за пятьдесят лет
до француза Монгольфье, рязанский подьячий Крякутный «фурвин сделал, как
мяч большой, надул дымом поганым и вонючим, от него сделал петлю, сел в нее
и нечистая сила подняла его выше березы, а после ударила его о колокольню...»
Крякутного изгнали из города. Он отправился в Москву и там затерялся...

Не слышали вы и о Ефиме Никонове, - продолжал горячо пращур, - прост-
том, де башковитом мужике. Зная страсть царя Петра Великого к флоту, Ни-
конов в Галерном дворе Петербурга показал ему действующую модель...
де подводной лодки. Восторгу Петра Алексеевича не было равных. «Делай
и я озолочу тебя». Но осенью царь заболел и зимой помре. Его «верные»
соратники тут же свернули работы... Российские чиновники будто для того
и есть, чтоб «не пущать» редчайшие придумки гениальных сородичей. Ма-
стеровых! Да и ученых - тоже. На пятом году службы они думают, будто
умнее Ломоносова, Ландау, Эйнштейна, Королева.

Я дернулся вперед - так велико было желание спросить: зачем он говорит
это мне. Но пращур предупредил мое любопытство, отгородившись рукой,
и продолжал:

- За двадцать лет до американцев Райт русские в Красном Селе под Пе-
тербургом подняли де первый в мире самолет (фюзеляж, крыло, хвостовое
оперение). Тот самолет потом назовут самолетом Можайского... Через сто
лет ваши газеты, радио и эти вот дьявольские ящики, - показал на телеви-
зор, - склоняли имена братьев Райт и не упомянули Александра Федорови-
ча, я не говорю уже о механике Голубеве, первым из землян пролетевшем на
аэроплане пятьдесят метров. Первым! Как Гагарин вокруг земли. Можайский
получил в тысяча восемьсот восемьдесят первом году привилегию на изо-
бретенный им «воздухоплавательный снаряд». Для непосвященных скажу,
«снаряд» приводился в движение паровым двигателем, имел высокую трубу,
как паровоз Черепанова, был тяжелым, огнеопасным и маломощным, как над
ним не кудесил Александр Федорович и его верные, бескорыстные помощни-
ки Яковлев и Арсеньев, ну и уже известный Голубев. Сам принцип не позво-
лял усилить его. Понимаешь, природа парового двигателя очень отличается
от природы бензинового. Как резвый чунь от карпа. Можайскому повезло
больше, чем Крякутному и Никонову. Его изобретенье, а главное - испытание,
было описано в газетах той поры, а после изгнания из Ленинградской области

фашистов, в сорок четвертом году поселок Дудергоф, откуда палила по городу дальнобойная батарея, был переименован в Можайское...

Увы, мы не дружим с топонимикой, - с горечью подумал я, - ни в одном мне известном населенном пункте я не встречал ни доски, ни стелы с толкованием, почему именно так названо местечко. И я не удивлюсь, если кто-то высокопросвещенный не повяжет сегодняшнюю станцию с сыном Дмитрия Донского, основавшего за счет Смоленского и Черниговского княжеств свою вотчину Можайское.

- В пору Можайского, - совсем перейдя на понятный мне - современный язык - продолжал пращур, - не был известен бензиновый мотор. Именно он дал возможность братьям Райт занять ведущее положение в самолетостроении. Но мотор-то изобрели не они, а француз Лемуар.

Пращур говорил не напрягая память и не варьируя голосом, видимо, чтоб не отвлекать мое внимание художеством. Его сведения были удивительны. Я не помню, чтоб кто-то поклонялся Крякутному, а Ефим Никонов, как Титаник, был погребен под многокилометровым слоем забвения, и не вспоминаем сегодня даже в Дни Военно-морского флота.

А пращур продолжал стыдить меня, как школьного двоечника, а в моем лице всех нас, ныне хлеб жующих, и я начал догадываться о цели его прихода. Но кто его уполномочил?

- Ваши бесхитростные предки, - говорил он, - открыли Антарктиду, пролив между Азией и Америкой, Аляску и Курилы. Думаю, они и саму Америку открыли до Колумба или как там его? Ваш луноход наследил на видимой стороне Луны, как орда Батгя. Так почему вы позволяете ставить под сомнение свои достижения? «Ерунда какая-то», - это сдача позиций. Сдача наперегонки. Ведь до чего договорились! А был ли Гагарин вообще, и, если был, то был ли он русским? Наконец, охамели так, что деловито, - а это и страшно само по себе, - деловито бросают в людскую толпу: было ли участие русских в войне с Гитлером.

- Думаю, русские устали от побед, - ввернул я. - Их тризна по погибшим и во славу оружия растянулась на тысячу лет. Здесь я вижу причину, что проглядели они аспида коварного, как и вещей князь Олег не увидел гробовую змию, что черною лентой «вкруг ног обвилась»¹...

- Во-во! Вы профукали славу Первой страны при смене эпох, - капитализма на социализм, - будто не слыша моих умствований продолжал пращур, припоминая утраты России. Похоже, он переживал их, как собственные. Единожды преданный православию, он разглядел в обустройстве советской державы основные догматы христианства: человек человеку друг, товарищ и брат. Десять статей морального кодекса были созвучны с заповедями Господа. Ну, а преданность им пращур доказал еще в земной жизни, выстояв против напора Витольды. Я еще не все знал о нем.

- Принимаю критику или упрек, если ты маленько судишь меня. - Согласился я, гася наступательный напор пращура. - Но чтобы запомнить всех только русских умельцев и героев, мне нужно прожить тысячу лет. - Я намекал на возраст Моисея, хотя и понимал, что поступаю неблагородно. - Однако, от года к году число их будет расти. Получается, хоть круть, хоть верть - не угнаться. Да и смысл-то какой? У меня, как и всякого человека, есть круг своих интересов, круг моих гениев. Ты, думаю, тоже наслышан о них. Это и Феофан Грек - художник Божьей милостью, Андрей Рублев - наша национальная немеркнущая слава, Деонисий, создавший художественную школу, самую первую на Руси, да

¹ А. Пушкин.

поди и в мире, Симон Ушаков, дошедший до нас чудотворной иконой Владимирской Богоматери, Прокопий Чирин, Никифор Савин... Заметь, это только живописцы. А сколько было великих зодчих, чьи творения стоят пятьсот - восемьсот лет и больше и при этом не теряют своей неповторимости. Последняя война с фашистами стерла с лица земли десятки уникальных храмов. Гитлеровцы уничтожали саму память о русской доблести и мастеровитости. Пустыня предполагает нежилое пространство. Я помню имена зодчих - Кирилла, умело вписавшего в природный ландшафт собор Синегорского монастыря. Помню имя Федора Коня, построившего Смоленскую крепость, выдержавшую около десятка осад Ливонского ордена и литовцев. Он же построил в Москве защитную стену по линии сегодняшнего Садового кольца. К сожалению, ее разобрали в начале девятнадцатого века, наконец, Барма и Постник, поднявшие на Красной площади невиданной красоты храм Василия Блаженного...

- Я могу добавить мастеров Мышкина и Кривцова, - перебил меня прашур. - Они сделали Успенский собор в московском детинце.

- Извини, что такое детинец? Это звучит как намек на незрелость его обитателей.

- Не в бровь, а в глаз, - согласился Моисей. - Детинец - это то, что вы сегодня называете Кремлем.

- Вот это новость!

- Могу еще удивить. Барма и Постник - одно лицо. Сохранилась бумага той поры, а в ней сказано: Постник по прозвищу Барма. Это, конечно же, не унижает тебя в моих глазах. Ты многому научился за двадцать восемь лет, другой де и за сто ни шиша не знает, кроме естественных надобностей.

Я онемел, будто попал под дубину охотника, вышедшего на мамонта.

Прашур оглянулся на окно. Ночь уже прозрачнела. Мне было знакомо это движение. За ним принималось решение, - пора уходить, - и еще не родилась та сила, что заставила бы его отступить.

- Ну вот, наговорил мне бочку арестантов, и уже спешишь восвояси, - сказал я, пытаюсь тормознуть его. - Откуда в тебе такая... сердитость, что ли. Ты сегодня не в духе? Но возможно ли в твоём мире столь широкий диапазон настроений?

- Ты думаешь, что Там души, как солдатские сапоги с одной колодки? Нет, они хранят индивидуальность земного характера, природы. Иначе Эдем превратился бы в заброшенное кладбище, где тоска тоску тоскою погоняет, и перестал бы быть привлекательным для праведников. Аминь!

Прашур замолчал резко, настороженно покосился на балконную дверь. До меня тоже долетели из-за его спины чуть слышимые сухие щелчки. Будто мелкие песчинки, пущенные горсткой, стегнули по шиферу, и я различил короткую возню. И тотчас несколько юрких тварей влетели в комнату и заметались по ней стремительно, как рикошеты от стен.

У меня волосы зашевелились на голове, а спину покоробили мурашки. Я глянул с надеждой на Моисея. Он осторожно пятился к двери, озираясь и запоздало уклоняясь от черных молний, проникающих сквозь его.

- погоди, - попросил я, не зная, как мне быть и ничего не соображая. - погоди...

Уклоняясь от летящего в меня жесткого предмета, я качнулся влево. Под руку попала кнопка торшера, и пальцы привычно нажали ее. Яркий свет брызнул из темного угла, и Моисей растворился в нем со скоростью фотона. Несколько летучих мышей застигнуто повисли на люстре под потолком, на карнизе «струна». Одна плюхнулась пузцом на полированную крышку жур-

нального столика. В полуметре от меня. И я получил случай убедиться, что мир сохраняет крайние противоположности. По моим понятиям, мышь была до жалости безобразна: черные маслянистые перепонки крыльев, загнутый крючком коготь передней лапки - руки, как утверждают уважаемые биологи, назвав все семейство рукокрылым, черные же уши, покрытые кудлатым пушком, и лицо, которое могло бы принадлежать дьяволу: большеротое, зубастое, с бульдожьими складками от ноздрей, с бородавчатыми наростами по переносью и маленькими жуликоватыми глазками в пучках дремучих ресниц. Все это недоразумение господнее казалось холодным, будто было сработано из технического пластилина и пропущено по трубопроводу с мазутом.

Откуда оно свалилось? Я не первый год живу в доме и, не то, чтоб не видел, не слышал о нем от старожилков. Как помнил я, летучие мыши не расположены к длительной миграции, наподобие уток, скворцов, журавлей. А эти, похоже, с устатка дружной стайкой плюхнулись на балкон, испытав сильное утомление, в поисках нового места обитания.

Если они не из рукава того, на кого похожи внешне. Да, конечно же!.. Как я сразу не допер до этого? На картинах художников Возрождения о страшном суде непременно присутствуют летучие мыши, как атрибут адовой кухни или символ уродства стихии, которая ожидает грешников. Вспомнились байки о мышах вампирах, о тварях, нападающих на спящих, о шалуниях, которым доставляет удовольствие вцепиться в волосы человека и сделать из них колтун. Тут же со страху можно и дуба дать. Фу, мерзость!

Я робко и неумело осенил ее крестным знаменем. Если она посланец темных сил, она должна отреагировать протестно на враждебный ей знак. Она лишь чуть передернулась, будто испытала озноб, но не выдала истерики. Тогда я осенил крестом себя. Короткая дрожь прокатилась по черному тельцу. Но так оно могло откликнуться не на крест, а на движение руки. Тогда я замахнулся газетой, свернутой в трубку. Мышь неловко заскользила по гладкой поверхности, панически перебирая лапками. Она не умела взлетать с горизонтальной плоскости. Я замер с поднятой рукой, наблюдая за уродкой и соображая, что и адово племя боится боли, увечий, если угодно, смерти.

В несколько беспорядочных усилий она добралась до края стола, свалилась вниз и не коснувшись пола, взмыла вверх, как камень из пращи вылетела через балконную дверь. За нею, как перезревшие шишки кедра посыпались с люстры, со струны ее сородичи и черными молниями, едва не сталкиваясь в дверях, - но ведь не сталкиваясь! - вылетели во двор. Вряд ли они приходили ко мне. Кого-то в неведомом мире насторожило небольшое откровение в словах Моисея и тот могущественный бросил в него горсть отвратительных тварей, как намек на наказание.

Я медленно оглядел комнату, надеясь увидеть прашура в затененном уголке: за дверью и шторами. Еще одна случайность прервала наш разговор. Случайность, которая была регулярна, как бесспорная закономерность.

VIII

Так и есть! Утром местное радио сообщило о дерзком поступке доморощенных скинхедов и пригрозило: милиция ведет расследование. В газетном киоске перед работой я купил две частные газетенки. Они сообщили о том же, но с подробностями, о которых не знал я, и не мог знать, так как нельзя предвидеть, «каку козу» выкинет оплаченное воображение. Оказывается, три русских головореза (на месте найдены три ножа) накинулись на владельца пивного «комка», требуя денег, а когда тот не захотел расстаться с

мошной, его исколотили до состояния овоща и затолкнули в щель между гаражами. Та же участь постигла и его товарищей минутой позже. Скинхеды били их ногами, приговаривая: катитесь к себе домой, иначе здесь зароем.

В заметках не назывались наши имена. Так что, обещанная прашуром слава и знаменитость могли быть присвоены кем угодно. Да и какая слава? Нас с Пашей сразу вытолкнули с поля законопослушных граждан, обозвали фашистами и без следствия посадили на полированную скамью в зале судебных заседаний. Да еще и за решетку из прутка в палец толщиной. Этот обезьянник появился вместе с демократией в стране, с подписанием Европейской декларации о правах человека. Любим мы парадоксы и возводим их на видном месте.

Как не глядявайся в тексты заметок, нет в них попытки докопаться до истины. Их писали испуганные и обозленные люди. Они ненавидели нас больше, чем побитые хачики.

Сославшись на безымянных свидетелей, я написал опровержение, на завтра понес в нашу главную массовую газету. Редактор при мне прочитал и вернул спешно, будто лист бумаги раскалился, как железная поковка.

- Не пойдет, - сказал, четко выговаривая звуки. - Обе публикации основаны на материалах у-вэ-дэ.

- Милиция присутствовала при драке? Или говорит со слов пострадавших?

- Не знаю. Но обязан верить официальной власти.

- Так вы согласны, что у нас появились скинхеды?

- Я верю милиции, которая отрабатывает бюджетные деньги. И потом, если они есть в Москве, Питере, почему им не появиться у нас?

- А может, они и в столицах столь же дутые?

- Я не в ответе за столицы.

Он оказался неприятно скользким. Я даже ладонями ощутил слизь, которой обволакивал он разговор.

- Ладно, скажу вам по секрету. Один из тех скинхедов стоит сейчас перед вами. Я участник события и, естественно, главный свидетель.

Редактор криво усмехнулся, показывая свой скепсис.

- Скинхед с шевелюрой Тарзана, - сказал, покачивая головой - мол, ай-яй-яй, такой большой мальчик и так наивно врет. - Слово «скинхед» переводится на русский как кожаная голова. Бритая до блеска.

- Значит, в нашей истории скинхеды ни при чем. Остается - вымогательство, разбой, избиение.

Редактор был растерян: верить - не верить, кусать - не кусать. На всякий случай, чтоб оставить за собой последнее слово, сказал доверительно:

- Вы хотите публикацией этого опровержения, - он показал глазами на листок бумаги в моей руке. - Хотите упредить разбирательство, подломить стройную версию случившегося и втянуть в это дело газету, репутация которой высока и, слава богу, безупречна.

Мне дали отлуп. Но я уже закусил удила. Вернулся на работу, отозвал Пашу в коридор.

- Слышал, нас скинхедами обозвали?

Он уже читал обе газетки, и бросил на подоконник в туалете, выразив тем свое презрение к глупости.

- Я иду в милицию. Растолкую, как и что было.

- Тебе это надо?

- Во всем должна быть ясность.

- Прояснение в пустой голове - двойная пустота.

- Не бойся, я не назову тебя.

Дежурный райотдела долго допытывался, кто я и что мне нужно.

- Я по делу о той драке на этнической почве, как пишут газеты.

Наконец он сообразил и направил меня в кабинет следователя. Я поднялся на второй этаж, в конце длинного узкого коридора отыскал заветную дверь, постучал и заглянул через порог. Перед старшим лейтенантом сидел владелец «комка» - главный виновник случившегося.

Он оглянулся на стук и скрип двери. Наши взгляды встретились, и я понял, что он узнал меня. Узнал, но не вскинулся, не заголосил: хватай вора. Удостоверившись, что я и есть тот боец, что решительно сунул его в щель между гаражами, он повернулся к старлею. Я прикрыл дверь, озадаченный не менее Робинзона, разглядевшего на острове следы другого человека. Минут пятнадцать я болтался по этажу, чтоб не пыхтеть под дверь, не нервировать дознавателя. Наконец хачик вышел и направился в мою сторону. Спросил:

- Ты зачем пришел?

- В газетах написали клевету на меня, будто я на этнической почве побил тебя.

- Кто читал те газеты?

Мы прошли мимо дежурной части, спустились с широкого крыльца, повернули направо. Несколько шагов шли молча. Странно, что я не испытывал к нему неприязни.

- Ты зачем приходил в милицию? - снова спросил он.

- А ты?

- Мене вчера оставили повестку.

- И что ж ты показал следователю?

- Я сказал, никого не знаю и знать не хочу.

- А ты что, знаешь меня?

- Ты живешь в доме напротив. Я тебя сто раз видел. Заметный очень, как коломенский верста... Я не сказал.

- Почему?

- Когда дерутся мужчины, милиция не лезь.

- Хорошо сказано. Зачем же вызвал подмогу из... своих?

Он усмехнулся какой-то мысли, подумал, подбирая русские слова, наконец сказал:

- Надо было уравнивать хотя бы килограммы... вес... сторон.

- А ножи зачем?

- И-и-и! То наша традиция. Был кинжал, остался ножик. - Спыхватился. - Кого порезали?

- Обошлось. Но не дай бог впредь...

Если Паша тянет на сходство с Василием Ярковым, то мне выпало быть зеркальным отражением далекого прашура, который с опаской распрямляется в моей стандартной берлоге. И я понял вдруг, откуда терпимость, разговорчивость хачика. Он боится меня, измеряя собственным аршином, думает, что я сдуру начну ломать его, как медведь дугу. Не извиняясь за самосуд, он уходил в туман слов, полагая, что пока они застыт мне глаза, я нахожусь в состоянии сомнамбулизма и не способен высказать даже упрек. Меня это сердило, но я не находил повода рыкнуть, повысив голос, дать по шее ненужному мне попутчику. Много мы, русские, рассуждаем, анализируем, увещеваем там, где надо употребить силу и власть.

Так, перебрасываясь словами, будто шариками пинг-понга, мы дошли до угла, где благоухал «комок». И сразу увидели Гошу. Как ни в чем не бывало, он сидел на кирпичной кладке барьера и рассказывал какую-то увлекательную историю двум завсегдатаям. Лицо его было вдохновенно, как лицо Петра перед Полтавским сражением.

- За что ты его отмутыскал? - спросил я у горца.

- Что такое... мутыскал? Ах, да! Все жалуются, что угол квартала просолился... И тут я поймал его. У гаражей. Подумал - это он... Обидно стало. Он ведь живет - двадцать шагов... А у меня перед обедом - три проверяющих. По жалобе. Каждый взял по тыще. Ты стерпел бы?

- Поверяющих и бил бы. За взятку.

- Зачем так говоришь? Драка между нами - просто драка. Дать в нос проверяющему - получается вроде бы как бунт. Мне это надо?

- Драка между нами - обвинение русских в межэтнической нетерпимости. Политика! И повод накатить бочку на русских, обвинить их в фашизме. И вообще. Ехал бы ты туда, где родился. Меньше вопросов останется.

- Пиво продавать ты будешь?

- Да ведь и ты не за прилавком. Там, - я указал подбородком на «комок», - там русские девки. Они на тебя работают и безропотно убаживают твои страсти... Отдай им «комок». Они его уже заработали.

- Ворот кунем! Их завтра же сожрут разный контроль и те, кто посылает его. А послезавтра вывезут за границу и продадут в нечистый бордель. Одно - торговать, другое - владеть и выживать.

- По тому, как ты не торопишься избавиться от чиновников и криминала, тебе здесь глянется и просто вольготно... Кстати, ты своими ушами слышал, как мы грозили зарыть тебя здесь?

- Кто сказал так?

- В газетках написано.

- Что такое - зарыть?

- Оторвать голову и закопать в землю.

- Не слышал. И как мог сказать?

- Но в газетках взялось откуда-то.

- Ищи в другом месте, кто сказал так.

Гоша приветствовал нас поднятием руки. Пустое, бесхитростное существо. Оно уже простило истязателю его хамство. Но как он разбушевался давеча, разглядев, что не один. Это надо бы увидеть самонадеянным хозяевам новой жизни. Не исказить надо, а помнить историю.

Хачик условным стуком сообщил продавщицам о своем прибытии. Они открыли тяжелую металлическую дверь.

- Пойдем! - пригласил меня внутрь. Я отказался. Пусть знает, что среди русичей не одни Гоши.

Дождавшись, когда хозяин нырнет в свой мирок, я развернулся направо. Адрес одной газетенки с умоляющим названием «Читай» я знал. Она снимала угловую квартиру на первом этаже панельного дома в полсотне шагов от моего. Но видеть из окна происходящее у «пивкомка» не могла - не в ту сторону развернута.

Меня встретила молоденькая сотрудница, худенькая, как требовала мода, тщательно причесанная и глубоко декольтированная. Она неторопливо нажимала кнопки на клавиатуре компьютера, то ли не зная, о чем писать, то ли припоминая русский алфавит.

- Я могу поговорить со Шлемовым? - спросил я, поздоровавшись, как учили в детстве.

- Он на задании, - отвечала красавица. - Что ему передать?

- Пусть объяснит, откуда у него подробности, которых не было в поименном... Я говорю о заметке про скинхедов. В сегодняшнем номере.

- И все? - Голос ее построжел, и я понял, что она готова стать хоть громоотводом, хоть жертвой ради любимой газеты. Она даже напряглась, собравшись встретить удар судьбы. Я мысленно отметил это и поспешил расслабить ее.

- Мой знакомый редактор, - сказал я, - несколько лет назад, вспоминал случай, как в одной газете было напечатано опровержение примерно такого содержания: «В прошлом номере мы сообщили об открытии в городе двадцатой по счету молочной кухни для детей. К сожалению, в текст вкралась неточность. Надо читать не молочная кухня, а пивное заведение. И не двадцатое по счету, а сто сорок седьмое... Ошибка произошла по вине корректора».

Девушка хмыкнула.

- Это не про нас.

- Будет и про вас. - Я протянул ей листок со своим опровержением, которое обожгло пальцы редактору массовой газеты.

Девушка прочла и скоренько вернула листок мне.

- В городе много «комков», - сказала, прикидывая, как бы развернуть меня к выходу. - Почему вы решили, что речь идет именно о вашем?

- В газете указан адрес: угол улицы и переулочка, гаражи.

- И что вы хотите от меня?

- А вы кто здесь?

- Практикантка.

Я хотел ей сдерзить, но решил, что не стоит она того, забрал опровержение и хлопнул дверью. Уже выйдя из подъезда, я принял решение навестить сюда завтра с утра, изловить неизвестного мне Шлемова. И тут меня будто обожгло. Шлемов... Самолетов... Танков... Бриллиантов - это не фамилии. Это - вроде бы дань профессии - псевдонимы. Все они лежат на поверхности моря времени, как некая несуразность в проруби, не наследованы от отцов и дедов, не вписаны в паспорт. Это, как сказал бы мой пращур, всего лишь легкие щиты для разового прикрытия.

Из дома я позвонил Регине. Она когда-то хорошо просветила меня по части топонимики. Почему бы ей и теперь не раскинуть мозгами, наполненными разными разностями.

- Как думаешь, Шлемов - фамилия или псевдоним? - ахнул я после нескольких слов приветствия.

- Откуда мне знать? А тебе зачем это?

- Пойду завтра знакомиться с ним. Он в газетке запустил утку о местных скинхедах, один из которых - я. А это не мало.

- В чем же дело? У него и спроси.

- Мне нужно быть готовым к разговору.

- Что ты опять затеял? Шлемов может быть фамилией... Или псевдонимом.

- В старину, когда формировались фамилии, слова «шлем» не было. Был «шелом». Шлемов - что-то позднее. Красноармейское.

- Ну, а если все-таки псевдоним? И не от шелома, а от имени Шиллом или Шлёма?

Я сделал паузу: она что, наслышана о нашем разговоре с пращуром? Вон куда направила лучик догадки!.. Но разве не она послана мне самим Небом?

- Ну, ты, Гина, прыгнула выше, чем требовалось от тебя.

- Как ты меня назвал?

- Гина.

- Откуда ты узнал эту ласкательную форму?

- Готовлюсь!.. И боюсь наскучить тебе прежде времени.

Теперь она замолчала, дешифруя мои слова. Наконец заговорила, чуть удалившись от трубки.

- Псевдоним для того и существует, чтоб не раскрывать имя автора. - Она уже пришла в себя после моего вопроса «в лоб» и начинала «работать». - Одни прячутся за псевдонимом, чтобы не обнаружить свое высокое положение, - продолжала она. - Творчество - это ж труд. Но какой же светский лев признает за собой эту естественную тягу и потребность? Императрица Екатерина Вторая пописывала пьески и без указания имени автора отправляла их в дирекцию императорских театров. Румынская королева Елизавета, с редкой поспешностью пекла, как оладышки, романы на немецком языке и широко издавала их под именем Кармен Сильва... Вообще, псевдоним не так уж редок. Плеханов говорил: «Все русские писатели состоят из тела, души и псевдонима». И только ли русские? Библиотекарь Наполеона Первого издал четыре тома названий анонимных сочинений. Современный английский словарь псевдонимов насчитывает шестьдесят тысяч их, а немецкий - восемьдесят три тысячи. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых, политиков - в революцию и после их было особенно много - насчитывает восемьдесят тысяч псевдонимов... Как же мне упомянуть всех... Шлемовых.

- Есть же какие-то закономерности в выборе псевдонима.

- Одну я только что назвала, сославшись на Екатерину и Сильву. Есть и еще много причин скрывать имя. Одни делали это, чтоб не раздражать знатных родственников, кому-то казалась неблагозвучной собственная фамилия, третьи опасались преследований цензуры и властей. Эти последние были наивны. Радищев не подписал свое «Путешествие из Петербурга в Москву», но жандармы вызнали его имя у книгопродавца Зотова. Последствия ты сам знаешь: тюрьма, ссылка, доведение до самоубийства... Надеюсь, ты не будешь столь жесток к несчастному Шлемову?

- Я посмотрю ему в глаза и спрошу, на чью мельницу он льет воду.

Перед утром я уже разговаривал с пращуром.

- Ты не можешь отгадать, кто такой и что такое Шлемов?

- Ожидаешь от меня чуда? Но я не волшебник.

- Жаль. - И я рассказал о своем намерении встретиться с бойким газетчиком.

- Нужно ли? - усомнился пращур.

- Чем больше мы молчим, тем сильнее наглеют Шлемовы, Самолетовы, Танковы, Бриллиантовы. Они катят бочку на русских. Понимаешь? Русские в своем доме не имеют права гонять мышей и крыс, открыть рот, чтобы высказать наболевшее.

- Говоря так, ты выдаешь свои подозрения, будто Шлемов, подставивший вас перед законом, де непременно не русский. Но это не факт. В истории не один воз примеров, когда русские бросают друг друга под топор палача. Чем больше народ, тем больше в нем отступников. Аминь!

Он говорил и говорил. Я изображал внимание и согласие с ним. Вспомнились русские князья, присягнувшие Лжедмитрию, снующие между нашими и вашими в поисках дармовщины.

- Никто не виноват де в том, что русские имеют сегодня, - продолжал он. - Никто, кроме их самих. Они освоили огромные пространства земли, не вырубали при этом ни одну народность. Уникальный случай «оккупации»!..

Они взяли меньших под свою защиту, подарили все, что имели сами. И у инородцев де сложилось впечатление, что русские слабаки, робки, слюнявы. Тут и надувают щеки всякие хазары. Ваши сегодняшние знания - де наш опыт, достижения и разочарования. Мне не престоало бы поучать тебя, дважды дипломированного, но ты находишься в той озадаченности, которая не позволяет раскинуть мозгами, чтоб объяснить де природу твоего изумления, возмущения, обиды. Так уж получилось, что великодушие, терпение, уважительность русичей неправильно понимается со стороны. Не все кумекают, как можно быть великим народом и не угнетать слабого... Позволю себе предположить, что вы уронили достоинство, разрешив перевести свое прозвание из имени существительного - росс, русс, русич, - в прилагательное - русский. И придумали его неруси.

- Ты прав, но высказываешь подозрение не по адресу. В моих метриках записано - русский, - вскинулся я. - Надо поискать, кто приложил нас к Рюрику-русь, Трувору-русь Синеусу-русь. А это были старички из приморских племен. Из Новгорода, Изборска, озера Белого. Те племена и стали, как рабы, прозываться русскими, в отличие от остальных пяти-шести. Произошло деление славян на древлян, полян и на варяго-русских. Более организованные и удачливые рюриковцы прослышали о теплых землях неподалеку от устья Днепра, и искушенные воины северян Аскольд и Дир с большой дружиной двинулись на юг. Они увидели на высоком берегу чистенький город. То был Киев, построенный полянами. Пришельцы захватили его. Так появилось еще одно русское княжество. Русичи расселились от Балтики до Черного моря. Племена слились в одну нацию под общим названием русские.

- Как видишь, - заключил я, - это произошло еще до тебя. Твой упрек мне - несправедлив.

- Мыслишь ты верно, - довольно сказал прашур. - Но у меня есть уточнение к этой известной истории. Рюрик-русь и его братья не были варягами. Они представляли древний народ, де живший по Днепру и который греки называли россами. Именно тут я вижу, откуда взялись приставки «русь». В бытность Рюрика они звучали «росс», что указывало на происхождение братьев, их этническое начало. Пришедшие с Карпат славяне, - необустроенные, усталые, прямо с дороги разглядели в Рюрике и его братьях толковых хозяев, де осели под боком у них, стали копировать образ жизни, вникать в их хозяйство, принимать участие в нем и незаметно подчинились им.

Все остальное, как говоришь ты: племена русские, племена полян, древлян и Аскольд с Диром, которых новгородский князь Олег - де тоже ведь потомственный росс, - так вот, Олег хитростью выманил их на берег Днепра и внезапно лишил жизни. Олегу это убийство долго ставили в вину, а он пошел на него ради единения народа. Уж больно разнились Киевское и Новгородское княжества. Назревали противоречия. Могла быть война.

- Ты-то откуда знаешь? Рюрик-русь появился за двести лет до тебя, - начал я.

- За сто с коротким хвостиком, - уточнил Моисей. - А сто лет не срок. Людская память передала из поколения поколению ту историю. Я слышал ее от стариков. А они от живых свидетелей, лично видевших Рюрика, Олега, Игоря. У нас не было книг, - он кивнул на мою стенку, - но мы передавали историю из уст в уста, глядя в глаза друг другу.

- И при чем же тут прилагательное? За ним - несамостоятельность?

- Ты делаешься сообразительным. В мое время личное местоимение росса звучало Аз. Оно стояло в первой строке азбуки, - ты можешь убедитьсяся

в том и сейчас. Стояло и ставило де в первый ряд личность человека. Оно было утвердительно, несло властный оттенок. Говоря «Аз», русич почти бросал вызов всему миру. Потом с чьей-то подачи его превратили в мягкое двугласное «Я», опустили ниже некуда, сделали постыдным: «Я» - последняя буква в алфавите, «якать, янькать, якало, янька...» Все дразнящее, обзывательное. А между тем каждому «я» принадлежит личность человека, и если эту личность из поколения в поколение сдерживать, осаживать, шельмовать, то и превратится она в мямлю.

- Наверное так, - согласился я. - Но опустили «Аз» тоже не наши поколения. Я когда-то любопытствовал историей и находил старые документы. В договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича с двоюродным братом в тысяча триста шестьдесят... каком-то году сказано: «Се Яз князь великий...» Ну, и в таком духе дальше. Уже не «Аз», а «Яз»... Четырнадцатый век! В жалованной грамоте рязанского князя, десятью годами позже, писано: «Яз князь великий Олег Иванович»... Не помню всего текста, но торжественное вступление зацепилось в памяти... Да ведь и ты в день знакомства представился: се аз грешный, худый, сын Сафония, внук Екима, правнук, - как понял я, - правнук Юрки Жука... Не крестьяне, не ремесленники, не городская чернь упразднила «Аз», а верхушка власти, которая не хотела допустить, чтоб простолюдины величали себя с достоинством рыцарским. Власти все время боролись со своим народом, закрепощали, затыкали рот, держали в невежестве. - Меня понесло по кочкам. - Ты вот вспомнил: собрали вас молодых, неученых в дружину и столкнулась она в походе с опытной ратью польского князя. Ты здоровенный - для той поры великан - успел ткнуть своим рожном троих, сбросить с коня... А сегодняшняя армия не колом вооружена. Точная техника требует уверенных знаний и навыков. На-вы-ков. А когда их получить можно? Срок службы - один год, образование неполное среднее. А если и среднее, то сильно поверхностное: ни русского языка, ни литературы, ни правдивой героической истории. А между тем, когда-то в школе заучивали стихи. Они отлично правили память и душу. Развивали общий интеллект... К началу Отечественной войны в распоряжении Красной армии было более тысячи лучших танков - Т-тридцать четыре. На двадцать второе июня половина из них стояла на окружных складах: не оказалось нужного числа танкистов. Понимаешь? И учить было не из кого. Образование армии было в основном начальным. Твой горький опыт, опыт моих славных дедов ничему не учит сегодня.

- Ну, ты у меня на все горшки уполовник, - восхищенно сказал Моисей. - В пору большевиков валил бы ты лес за так. Или рыл канал.

- И ты большевиков лягаешь. Откуда ж Даль до большевиков взял поговорку: сказал бы, да мухи в избе есть. Чувствуешь смысл? Донесут, куда следует. А что будет за доносом?.. Когда я говорил, что власти всегда топтали свой народ, я имел в виду именно это. Скажи, что я не прав.

- Прав, прав!

- Иначе и быть не могло, - расхрабрился я. - Татаро-монгольское иго и сопротивление ему, по мнению некоторых ученых, служило объединению разрозненных русских княжеств в централизованное государство. Но с начала восемнадцатого века - после Петра Великого - в Петербурге осели немчики - Петр Третий, Екатерина, Павел, Александры и Николаи, «хозяева земли русской», как написал в анкете один из них. Русские цари рождались от альтенбургских, прусских, ольденбургских, дормштадтских принцесс. Их отцы были полукровками, четвертькровками и так далее. В жилах последнего царя Николая Второго не было наперстка русской крови, а у наследни-

ка и того меньше, ибо не было ее ни капли в принцессе Гессентской. Эти люди жили в России, окружали себя неслыханной роскошью, - во что обошлись их дворцы, парки, куда русскому мужику не было хода? Они не заботились о процветании страны и народа. Им это не приходило в голову. Крепостное право не позволяло развивать науку и промышленность, и к началу двадцатого века Россия отставала от Европы на сто лет... Не о том ли говорят итоги Крымской войны? И Первой мировой? И сегодня какие-то небритые вахлаки требуют от меня, русича, требуют, чтоб я лично покаялся за грехи Уральского ЧК, расстрелявшего царя Николая Второго и его семью. Но почему-то никто не хочет назвать настоящие имена и фамилии царевичей, - не партийные клички, а фамилии, наследованные от родителей. А я уже слышан о них. Их предки ухряпали Иисуса Христа, в России они совершили такое же бессмысленное преступление. Они на всех углах кричат сегодня мне: покайся, русский, покайся, покайся. Это ли не фарисейство? Почему не они, а я должен посыпать пеплом голову, биться лбом о паперть? Помня, что Николай Второй и его семья по сути были немцами, я начинаю подозревать, откуда у гитлеровцев бралась нетерпимость к иудеям.

- Этого я не могу ни осуждать, ни отрицать, - сказал прашур. Теперь он выглядел немного смущенным, - больно уж не стандартная мысль коснулась его ушей или чего-то еще, чем он слышит меня. - А вот о покаянии... К покаянию де призывал и Христос. Он простил своим мучителям их грехи и просил людей делать то же самое.

- Простив мучителей, он поощрил все будущие преступления. Холохос! Что-то мне тут не нравится... - сказал я.

- Прощение - категория человеческая. Зверь, червь не знают ее. Надеюсь, ты не призываешь людей к червю.

- Я не хочу. Но наше образование клонит молодую поросль именно туда.

- Что верно - то верно. Вы и сегодня рушите де остойчивость народа, буд-то отжимаете белье после стирки. И уже сильно отжали, историю исказили, презрев всех живущих до вас, их трудовую, воинскую славу, сделали нежеланной литературу, - ту что воспитывает чувства, привязанность к родным погостам... Ну, и русский язык... Ведь благодаря де ему многие народы страны стали известными в мире, потому что были переведены на русский, а с русского на другие мировые. Круша русский язык, власти бьют остальные народы и народности, заталкивают в дымные чумы, яранги, юрты и не пускают в свет...

- Вразумите власть свыше.

- На Бога надейся да сам не плошай. Так говорили наши мудрецы. Помнится, мы умоляли Господа избавить нас от тягот рабства у пана Корячека. И Господь ответил: думайте. И мы подумали. Вооружились кто чем: лопатой, косой, мотыгой, а кто и просто колом. И зыграли в один миг шумно, до судорог хозяйских... - Спыхватился, что заговорил открытым текстом, чуть ли не наущает, как надо поступать в невыносимых условиях.

Но разве не об этом прочитал я в «Житии святых», изданной с одобрения Святейшего Синода? Меня тогда зацепила страстная месть за изуверство над Жданом: просила - получил, и факт бунта скукожился до неброского упоминания.

Моисей оглянулся на окно, попятился от меня на шаг, вспомнил что-то, сказал доверительно:

- Вот так-то... По-русски... А со Шлемовым будь настороже. И зачем он дался тебе?

Все-таки я послушался старшего. Возмущение неправдой росло, раскалило мозг и душу. Это было новым для моей спокойной, внешне флегматичной натуры. Так же решительно и бездумно, как вмешался в драку с хачиками, я к девяти часам толкнул дверь в редакцию. Она оказалась на замке. Я вышел во двор, поискал глазами скамейку. Не увидел. В городе будто Мамай прошел - не осталось лавочек для отдыха. Их снесли жильцы, натерпевшись ночами загулов под окнами. Каждое утро дворники, поминая недобрым словом нерях, собирали остатки трапезы, шприцы, бутылки и разовые стаканчики. Следы смрадных луж темнели под кустами сирени, акации, шиповника. Будто поздними вечерами в город набегают скорпионы, празднуют бездумно и сами себя жалят потому, что люди днем разрушают места их сборищ. Но понять, что нельзя хамить, гадить скорпионы не научились и не скоро научатся. Таковы издержки воспитания и слабой занятости.

Я прошелся вдоль дома. Вернулся к подъезду и в крайнем кухонном окне увидел силуэт человека. Значит, кто-то ночевал в редакции и только продрал глаза. Я позвонил в квартиру, услышал шаги, короткую тишину за дверью и недовольный вопрос: «Че надо?»

- Ищу Шлемова, - ответил я.

- Он зачем вам?

- Ну, не через дверь же говорить о секретах.

- Вы по делу скинхедов? - Я вспомнил, что вчера разоткровенничался с практиканткой. И тут же догадался, что Шлемов скрывается от меня, как от огня, подозревая месть физическую за неуважение националистических проявлений два дня назад.

- Может, вы откроете дверь? - спросил я. - Думаю, что вы-то мне и нужны.

- Приходите завтра.

- Старый прием: завтра, завтра, не сегодня. Откройте, иначе я буду вынужден идти в управление по печати.

Моя осведомленность озадачила того, кто блял за дверью. Подумав миг, он повернул ключ. Передо мной предстало низкорослое, кудлатое со сна существо. В свете из окна оно оказалось темно-рыжим. Белое веснушчатое лицо меняло маски от суровой, указывающей на решительность натуры, до безвольной, вопросительной.

- Давай знакомиться, - предложил я и назвал свою фамилию, профессию, должность. Он выслушал без особой радости. Я подыграл ему:

- Всю жизнь мечтал познакомиться с журналистом.

Он сглотнул это, но настороженность не оставляла его.

- Ты чего? Как звать-то?

- Микаэл... Микаэл Шлемов.

- Скажи мне, пожалуйста, Микаэл, кто сказал тебе, будто те двое русских грозили зарыть кавказцев?

- Кто-то из милиционеров.

- Это точно?

- Точнее не бывает.

Ясно. Безуспешная милиция повышает планку преступления. Возводит пшик в явление, на борьбу с которым нужны дополнительные силы и средства.

- Как ты узнал о происшествии?

- Майор Кривич позвонил редактору.

Кривич? Кривич дал материал Шлемову... на Виктора Титова и Пашу Громова! Как же тут не станешь скинхедом.

- Ты на месте-то хоть был? Или со слов?

- Кривич рассказал по телефону. Он из райотдела.
- Скажи мне, Микаэл, какова политическая нагрузка у твоего сочинения о скинхедах?

- Там нет политики.

- Чушь. Ты покакал на голову основной нации страны. Если это не политика, то что же, по-твоему, политика в газете?

- Что ты привязался со своей политикой? Наша газета не партийная.

- Любая газета, даже рекламный листок, несет политический душок, подыгрывает власти или оппозиции. Ах, да! Вы ж не знаете высших идеалов в жизни, не устремлены вперед и ввысь. А вниз-то и дерьмо падает. Ты ж не «проходил» в вузе, какие справедливые требования перед журналистами и печатью вообще ставила прошлая власть. Я бы напомнил хоть часть их тебе, но вы сегодня тупо упиваетесь свободой тиражировать сплетни, пошлость и глум: номера бюстгальтеров кинодив, их пропускные сексуальные способности, имена их хахалей, размеры чудо-гонораров.

- Ты читаешь мне мораль? Но я сам умею делать это.

- Врешь. Не умеешь. У вас нет морали, нравственность вам заказана свыше. Вы как попугаи повторяете за майором, капитаном... они для вас свет в окошке. А если ты разговаривал по телефону не с Кривичем, а с кем-то из боевиков?

- Каких боевиков?

- Самых настоящих. Организованных, вооруженных ножами и, думаю, карманными пушками. Они прибыли оттуда же, откуда и торговцы фруктами, шмотками, пивом, как в нашем случае. Они прибыли охранять своих, вести разборки с конкурентами и просто с нами. Отличная тема для газеты! Займись! Ты станешь первооткрывателем ее.

- Первая публикация будет последней, - сдавленно сказал он.

- Боишься? А меня не боишься? Ты обгадил меня и моего товарища. Ты назвал нас скинхедами и тем вложил в уста недоброжелателей сказку о русском национализме, фашизме. Почему ты не забоялся нас? Или уверен, что русский все молча стерпит?

Он совсем побледнел. Веснушки засветились, как звезды на морозном ночном небе. Сказал неуверенно:

- Милиция же... Редактор знает того майора.

- Извини, но тогда я должен дождаться редактора.

- Со вчерашнего дня он в отпуске.

- Ну, герои. Мне знаком этот прием: взмутить воду и скрыться в ней. Как его найти? Достану даже на Канарах. - Я сильно преувеличивал свое возмущение и возможности. - Да, да! Не пучь глаза, как на горшке... Впрочем, печатай опровержение, и твой босс не узнает, какая опасность миновала его... А того майора, который ведет дело, сам найду в райотделе.

Еще немного, и я убедил бы Шлемова в его правоте о скинхедах. Но я образил это раньше, совсем понизил голос, чтоб никто не заподозрил меня в угрозах и дерзости, которые предваряют рукоприкладство. А наши атлетические и весовые данные складывались как один к пяти в мою пользу. Я был противен себе за уступку, однако разговаривал я с представителем газеты, а у них на мази и магнитофоны, и диктофоны, которые, как я убедился, пишут меня до случайного ика.

Я поставил на опровержении дату, сунул его Шлемову, сделал отмашку рукой, мол, пока, до встречи, и выбежал из редакции.

Чего я добиваюсь? Правды.

Ну не донкихотство ли это?

Майора Кривича я разыскал на третьем этаже райотдела милиции. Это был не отощавший мужик с брюлатым бабьим лицом. В глазах его крупно светилось: давай... Я протянул ему газету, указал на заметку. Он не стал читать, на ощупь почувствовав, что не та бумага. Или потому, что Шлемов позвонил ему по телефону и предупредил о моем возмущении.

Как же я не допёр сразу, что они повязаны между собой!

- Бодаться пришел? - спросил он, не предложив сесть и тем намекая, что разговор не получится.

- Я по поводу, - рыкнул я и спохватился: тут надо быть еще осторожней с интонациями. Сбавил обороты наполовину, понизил голос. - Я по поводу заявления прессы о скинхедах в нашем городе. Газетчики кивают в вашу сторону.

- Что именно хотите вы?

- Мне просто интересно, - прикинулся я тютей. - Ополчение Минина и Пожарского - это тоже скинхеды, изгнавшие из Москвы благородных поляков? Или я что-то не понимаю?

- Разумеешь, разумеешь. Я вот вызову сейчас конвой, посидишь до следующего утра, подумаешь...

- За что?

- Чтоб не умничал, где не надо.

Опаа! Хорошо, что я не начал с признания, что был участником разборки. Да майор, поди, догадался, кто я, по описанию побитых. И того же Шлемова.

- Я в курсе той потасовки, - сказал я. - Она произошла потому, что два за-летных нацмена - армяне, грузины ли, азербайджанцы, не знаю, - колотили безвольного русского парня. Когда за него вступились двое... Прибежали по вызову еще три - понимаете? - три профессиональных бойца. В той истории вы увидели скинхедов, мы увидели охранное формирование хачиков. Вы чертыхаете русских скинхедов и не видите укомплектованные отряды - отделения, взводы, роты - не слышал, как они называются на их языке, но они уже чинят суд в городе. Суд и произвол. Шерстят русских и прочих, будучи хорошо организованными, беспощадными, как велит служба. Вам что-нибудь известно о них?

- Таких данных нет.

- А о русских скинхедах появились.

Майор напрягся, сиюсь вспомнить меня в другой ситуации. Где-нибудь за кафедрой или на трибуне.

- Представьте, вы приходите домой, а там три хачика пальцы загибают перед вашей женой и дочерью. Какими будут ваши действия.

- Я сейчас вызову конвой.

- А у несчастного Жоры не было ни охраны, ни конвоя. Его били, унижали, а в его лице всех нас. - Разговор с пращуром всплыл на поверхности, как поплавок после сильной поклевки. Цепка обида. - Вы ж не даете нам постоять за себя. А новые законы власти защищают преступника, но не порядочного гражданина. Сдается - придумали их басылы, бауры и прочие паханы, - как их называют на знакомой вам фени. И инструкции, комментарии тоже они написали к каждой статье.

- Что вы хотите от меня?

- Хочу, чтоб желтая газетка напечатала... уточнения. Не скинхеды, а возмущенные граждане вступились за русского парня, которого два нацмена с далекого... Кавказа били и унижали.

- Это все слова. Дерзкие, но слова, не более.

- Простите, то, что я говорю - для вас не доказательство, а что касается меня - уже готовая строка из обвинительного заключения.

Развивая эту мысль, я едва поймал за хвост предерзкую фразу: не на содержании ли у них состоите вы? Но Бог миловал. Или прашур. Конечно же, он при мне, как предположила Рина. Он при мне и активно чистит мою взволнованную речь.

- Хорошо. Вот вам доказательство: один из скинхедов говорит сейчас с вами. Я не состою ни в каких организациях и не слышал о них. Я исповедую справедливость, правду, но никак не преимущество одного над другим.

- Тогда я действительно вызываю конвой, - сказал майор, поглядывая на телефон. - Как-то ты в обезьяннике запоешь?

- Вы убедите меня в справедливости моих слов о законах и прочем. Позвоните Шлемову и я, пожалуй, пойду. Пусть газета извинится перед нами.

- Я не руковожу газетами, - сказал он тем тоном, за которым угадывалось обратное утверждение.

- Но ведь это вы обозвали нас с приятелем скинхедами. Журналочки теперь держатся за ваши определения.

Бог мой, откуда такая большевистская принципиальность, непримиримость ко лжи. Я будто сегодня впервые продрал глаза, глянул на свет и увидел далекого предка. Ему тоже не занимать настырности, упертости на своем.

Выходит, это у нас фамильное?

Не знаю, звонил ли майор Шлемову, но едва я ступил через порог редакции, прозрачная практикантка протянула мне газетный оттиск с моим опровержением.

- Оно в номере на четвертой полосе.

В мой тяжелый текст чья-то бойкая рука внесла уточнения: за безобразный, нечистоплотный поступок хозяин «комка» стал избивать завсегдагая заведения, пьяницу и пустышку, коими переполнены улицы нашего города... Уступив в одном, Шлемов все-таки выставил Жору и всех коими полны улицы, свиньей и дикарем, чем оправдывал ярость нацменов и закреплял легенду о невоспитанности, патологической дремучести русских.

IX

Засентябрило, заморосило небо мелкими, неласковыми дождями. Заметно укоротился день. Ущерб на ущерб. И стало тоскливо на одинокой душе, будто ее накачали ядовитым дымом. К тому же, Регина дважды уклонялась от встречи со мной на работе в агентстве, ее тонометр не удостоил меня вниманием.

Я припоминал нашу последнюю встречу, свое откровение и моление поискать ответ на неразрешимый вопрос о прашуре. Она могла откликнуться на мою сметенную просьбу и получить то, что не всякому врагу пожелаешь: моя крыша сдвинулась набекрень и возвращаться на место не хочет, как и всякая другая, испытывавшая тягу к перемене места пребывания. Я не знаю случаев, чтоб кто-то излечился от тихого помешательства, и какая же героиня захочет связать свою судьбу с человеком непредсказуемых поступков.

Уязвленный тем, что разминулся с Риной, я позвонил ей в среду из дома после работы.

- Привет, тебе. Не очень занята?

- Я свободна, - охотно отозвалась она. - Что-то случилось?

- Не избегаешь ли ты меня в агентстве?

- Ой, что ты говоришь такое? Я сама не понимаю, где мы расходимся. Как и ты, я успела подумать, что ты сознательно уклоняешься от встречи со мной.

- За какие ж коврижки я уклоняюсь?

- Не знаю. Может за откровенность о прашуре. За сватовство экспромтом. Чего не бывает в подпитой компании.

- Ты ж видела, что я не пил. И не за столом это было.

- Припоминаю - на пороге. - Человек, не знавший Регину, уже потер бы ладони - назревает перепалка, ссора. Но нареченная Небом считала всякую ссору унижительным занятием и не опускалась до нее.

- Значит, я думал, что - ты, а ты думала, что - я. Такие недоразумения между молодыми людьми указывают на их взаимное равнодушие, - напирал я. - Не так ли?

- Ну, ты - Эзоп.

- Три дня назад я был полоумным римским императором Каракаллой. Сегодня горбун, урод, раб философа Ксанфа. Не суждено ли мне умереть под градом камней, кои лишили жизни первого баснописца?

- До этого не дойдет, - по протяжному тону слов я догадался, что она улыбается. - Разве я не права? Всякий человек проходит стадии царя ли, императора и раба. Помнишь, как один мудрец точно определил отрезки человеческой жизни: райская птичка - дети, подростки, потом мул или вол - тащит ярмо быта, к зрелому, пожилому, возрасту человек ассоциируется с собакой - сторожит добро, нажитое нелегким трудом. А последний период - обезьяна. Тут и объяснять нечего.

- Тем мудрецом, как помнится мне, был сам Бог, - уточнил я.

- Я не решилась называть его, как он и просил в первой заповеди.

- Извини, я не хотел обидеть тебя и тем более - Его.

Пару минут мы еще попереживали из пустого в порожнее, наконец я решился:

- Что-нибудь можешь сказать о тайне прашура?

- Могу, но на уровне утопии. Не знаю, что ты пил в тот вечер, но под воздействием спирта, ароматизаторов, клофелина или еще чего-то, твоя хромосома разделилась. Она имеет такую особенность, - дробиться, и тот обрывок, где хранятся коды предков, зажил самостоятельно. Как твой прашур материализуется, того никто не знает и знать уверенно не будет в ближайшие столетия.

- Так все просто? - изумился я. - Хромосома мне не приходила в голову.

- Что может быть проще колеса. А придумали его после каменного топора. Понимаешь - последовательность! Какова потребность!.. И придумал первое колесо какой-нибудь отрок. Со скуки. Для игры, если они тогда играли. - Засмеялась. - Извини, я вспомнила потешную историю. Дай бог вспомнить его фамилию... В середине двадцатого века он был очень успешен... Его миниатюры украшали все солидные издания¹... Он придумал остроумную историю первого колеса. Представь, доисторический мальчишка от безделья согнул прут, соединил концы, получился круг или колесо. На глазах целого рода он гонял это колесо и сильно огорчил родителей. Те отобрали безделицу, разъединили ее концы, и юный гений получил ниже спины тем самым прутком, который вдохновил его к открытию. С того дня оно служит людям более шести тысяч лет... Так и хромосома. Она живет, не спросив нас, нужна ли она. И зачем нужна.

¹ Ф. Кривин.

- Когда ты успела заглянуть в историю колеса? Клянусь, ты как рентген! Как миноискатель... Я восхищен тобой, и уже немного опасуюсь, не буду ли выглядеть рядом с тобой чуркой с глазами.

- У нас будут умные дети.

- Ты говоришь мне - да! До сватовства! Рина я... Я!.. Люблю тебя! - Глуше этих слов мне ничего не приходило в голову.

Рассыпав частокол из восклицательных знаков, я, наконец, заговорил о сватовстве:

- Мы придем... Придем в пятницу. Ты же знаешь, как мои кореша усидчивы за столом. А тут впереди будет выходной.

- Пятница - нехороший день, - раздумчиво сказала Рина. - Ее связывают со страданиями распятого Христа. По решению церкви все пятницы объявляются постами. Мы рискуем впасть в немилость церкви и Неба, которое нарекло меня тебе.

- Умница! Что тут возразишь? Тогда назови день сама. Тебе ж надо сосредоточиться душевно и приготовить что-нибудь к столу. Вроде экспромта.

- Чистый четверг, - живо отозвалась Регина.

- Забито, дорогая. Ближайший четверг.

- Так он завтра! Давай через неделю. Иначе я не успею сжиться с мыслью о скором замужестве.

- Будем думать, что следующий четверг окажется чище, чем завтрашний.

Я рассказал о своих хлопотах в редакции и милиции.

- Дети любят играть со спичками. А ты - с огнем. Мы народим кучу пироманов и будем греться в свете их кострищ.

- Да ну тебя. Это ж несерьезно.

Я услышал суматошный щебет электронной птички. Он возник в телефоне, проделав путь от Реговиной двери.

- Извини, это мама, - быстро проговорила Рина и вместо ее чистого очень женского голоса в трубке раздались короткие гудки.

Лишь вытянувшись на диване, я понял, что выполнил почти непосильную работу. И получил желанный результат: Регина - моя! Вместе с тем, чувство, похожее на тревогу, заскулило в уголке сердца: справлюсь ли я с ролью супруга, паровоза, главы семьи? Часто тяготясь одиночеством, я дорожил и гордился им, ибо оно освобождало меня от хлопот по ком-то еще.

Я вертелся с боку на бок. Сон не приходил. Позвонить бы Рине, она, поди, тоже кувыркается в своем гнездышке, переживает грядущую перемену. Но Рина не одна. Телефон взбудоражит ее маму. Часы уже показывали четверть первого ночи. Для многих это время сновидений и врваться в них так же неудобно, как заглядывать под одеяло.

В конце концов я уснул, решив с завтрашнего утра изгонять из себя сына. И проснулся в облюбованный пращуром час... Было темно, комната, как погруженная в ультрамарин, еще не вернула дневную кубатуру, а предметы нехитрой мебели были неразличимы. На фоне непроглядной синевы, будто нарисованный люминесцентными красками, красовался Моисей. Чуть завернув голову на бок, он... Он читал названия книг на корешках, к которым прикасался пальцем, будто намереваясь снять с полки, но тотчас отдергивал его, как от горячей печки.

Это была очень короткая картинка, потому что каким-то чутьем он догадался о моем пробуждении, будто винясь попятился от стеллажа, сел на корточки передо мной. Спросил вместо обычного приветствия:

- Жениться удумал?

- Ты это сделал в возрасте меньшем моего.
- Тогда бы не было твоего отца де и тебя - тоже. И ты не искал бы теперь правду, где она отродясь не водилась. Ты слышал, как зовется де самая древняя профессия?

- Ну... Знаю... Ругательно.

- А вторая? - Не дожидаясь ответа, Моисей сообщил. - Вторая древнейшая профессия - газетчина. Ты же знаешь - еще недавно журналисты считали себя подручными первых лиц страны...

Я поспешил явить свои знания.

- Да, помню. По очеркам Валентина Овечкина был проведен пленум ЦК в марте. Он перетряс все колхозное хозяйство, выделил ему технику, расширил возможности.

- Вот-вот. Там правила здравая мысль. Но велико ли достижение от сообщения, что актриса Пипита вышла в очередной раз замуж и после свадьбы объявила суженому, что детей она рожать не будет, пусть этим другие занимаются. Ну просто мировая новость, для де поддержания Земли на орбите. Твой Шлемов из тех же попугайчиков, что твердят хором со слабеньким теменем: ура, у нас объявились скинхеды! И при этом душа замирает от ужаса - вдруг встретят на улице, в темном сквере или на бульваре... Твой Шлемов не поймет тебя, потому что де думает на другом языке, живет в мире, тебе непонятном... Женись ты на своей Регине и не мозоль глаза недругам. Их в стране очень много. Не все любят правду. Это говорю тебе я, порешенный за ту самую правду.

- Что значит порешенный? Тебя судили?

- Все было де куда проще.

- Расскажи. А то мы всё - на уровне политики. Какая кому польза от этого?

- Другой раз. Опасаюсь бахвальства. А ты не лезь на рога, иначе твоя наченная помрет бездетной и наш род прекратится.

- Неужели! Я один его представитель? А американские двоюродные?

- То американские. У них другое отношение к России. Вам же известно, что, называя себя союзником, во время войны с фашистами, они на каждом шагу норовили откусить от вас, - я говорю так, потому что уже не числился в списках страны. Тогда России очень повезло с вождем. Сегодня его называют исчадием ада: он де затолкнул половину народа в лагеря. О миллионах невинных жертв говорят... жертв сталинского террора. Найди газеты, где печатали списки реабилитированных. Они состоят из уголовников: один украд поросенка в колхозе, получил три года, другой - корову с фермы, заслужил пять лет... Расхитители и воры сегодня приравнены к политическим и называются жертвами... Новая власть реабилитировала старых и будущих воров, коих нынче больше, чем грибов в лесу... И воруют они из казны. Кстати, о культе личности. То был не культ одной личности, а культ высокой идеи. Строилось новое государство, и какой де энтузиазм проявлялся на той стройке! Какая была дружба, сплоченность народов... Может тебе удастся лучше, точнее изложить эту мою сбивчивую мысль, но я де остаюсь при ней, и в час великого суда произнесу ее у ног Господа нашего.

- Ты, как военный комиссар. Тебе бы не рожном махать, а поднимать на строение и боевой дух... дружины.

- Тогда у меня за плечами не было тысячи лет. А вообще-то я против судилиц над известными именами. За исключением некоторых... Эти судилица учиняют завистники, неудачники. Они готовы спалить сотни имен, чтоб погреть руки.

Мне тут же вспомнились слова Жуковского, который почти двести лет назад сказал:

...О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили.
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были.

Моисей помолчал и изрек:

- По делам, по делам воздастся... Хочешь иметь будущее, не оскверняй прошлого.

Мне показалось, что он выговорился, я хотел перехватить эстафету, но успел только мыкнуть, как Моисей продолжил, пристально вглядываясь мне в глаза:

- Ну, уж извини, коли... Только пойми верно... Думаю, не правы сегодняшние ваши начальники - де князья, воеводы, требуя от народа забыть великое имя. Ведь Сталин ничего не прихватил для себя лично, одевался в полувоенную и военную форму, спал на солдатской кровати, в Кремле. А мог бы, ох, как мог бы! Но он вкладывал деньги в заводы, каналы, электростанции. Все, что он делал, делал во имя государства, для государства. Контролируя все от домен и марленов, от армии до торговли, он каждый март после войны снижал цены на необходимые товары. Что вы имеете сегодня? Правильно... Соображаешь...

- Ты видел Сталина?

- Да. В день исторического Парада на Красной площади седьмого ноября сорок первого года. Туда слетелись со всего света души благочестивых. Несмотря на октябрьскую эвакуацию жителей, население Москвы выросло в сто и более раз. Сегодня говорят, что в тот день было облачно, вражьи самолеты не могли разглядеть ни Кремль, ни мавзолей, ни выстроенные войска. А то были не облака. Божья Матерь послала на площадь многие тысячи ангелов и душ праведников. Они застили пространство между небом и землей, прикрыли столицу, как ватным одеялом, и она сделалась невидимой для фашистов, которые уже готовили свое торжество по случаю разгрома России. Они стояли в пригородах Москвы и не видели перед собой силы, что остановила бы их.

Я был близко, зрил мавзолей, трибуны по бокам от него, всех, кто стоял слева и справа от Сталина. Он говорил: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая!» И это раздавалось во всех уголках земли... Сталин брал на себя грех бойцов, призывая их уничтожать неприятеля. А ему вменили чужие грехи, и не на Божьем суде, а обывательском. На земле.

- Ты ушел от американцев. Что ни говори, теперь твои потомки там, - сказал я. - Приглядишься к ним, что они за люди.

- Видел: они высокомерны, не признают даже Бога. Каждый считает себя суперчеловеком, не понимая, что в суетный век техники суперчеловек не представляет силу. У них нет истории, и они торопятся делать ее. Их юноши искренне удивляются: «Что и Россия воевала с Гитлером?» Они знают счета всех китайских банков, их денежные запасы, но едва ли ответят, где находится Китай. Кстати, они уже открыто говорят, что победили фашизм, не называют при этом вас, русских. Им нужна героическая история. Героическая... Вот и понимай, зачем и вашим либералам нужно в угоду им перекраивать историю России.

За окном уже светлело. Я ожидал того, что станет поводом для пращура, чтобы исчезнуть. Вот он насторожил ухо, повернув его к балконной двери, лицо напряглось и до меня долетел тупой барабан, который сопровождает некоторые иномарки: бум-бум-бум-бум... Как горнист в армейском летнем лагере, он чинил побудку притихшим со сна домам и, наверное, чувствовал себя молодцем.

- Ну, Сталин нынче не в фаворе, - быстро заговорил я, чтоб отвлечь внимание пращура. - Это и понятно. Он был противником личного капитала. Ненависть к нему сегодня от обладателей тех самых капиталов и исходит. Но скажи мне, за какие пряники издолбали Александра Невского: никакой он не полководец - рыбка из мутной воды. Победа на Неве над шведами - всего лишь групповая драка, до которой русские всегда были охочи да и мастера, особенно во хмелю. А между тем, летописи называют имена отважных воев: Гаврилу Алексича, Збыслава Якуновича, княжеского ловчева Якова, новгородца по имени Миша и совсем юного Савву. Называют летописи и бесстрашного Ратмира, павшего в схватке от множества ран. Точного числа участников сражения пока не известно. Но косвенно - русичи потеряли двадцать человек, шведы около двухсот. Какие ж тут кулачки? Побо-оище! Шведов застали врасплох и не дали одуматься.

- Да-да! - пращур будто спохватился вслед поезду, который уже выходил за границу станции. - Сказано ведь: клеветите, клеветите смело, от клеветы всегда что-нибудь останется».

- Думаешь, наши штатные клеветники читали Бэкона?

- Дети начинают лукавить и невинно лгать не читавши Бэкона. Да и Пушкина тоже, который де говорил: «Зловония даже без доказательств оставляют прочные следы».

- Выходит, ложь, как оружие, неистребима? - сник я.

- Надо ловить за шиворот вралей и тыкать их мордой, как вы с приятелем потыкали хачиков, потыкать де о каменные постаменты памятников героям, прославивших отечество... Может быть тогда сообразят, что это бывает больно.

- Они лгут из Москвы, - сказал я. - Они наши избранные и на словах вроде бы куда-то ведут нас, а на деле кружат на месте. И вот это кружение, переминание с ноги на ногу, нуждается в цветастой лжи. Мало того, что топтание - видимость дела, так еще и клевета в сто труб, чтобы отвлечь внимание от бездействия власти. Как иноземные изверги, всякие там шлемовы, кривичи, алмазовы, бриллиантовы отрабатывают дурные деньги в рублях и долларах, не задумываясь, где сами останутся. Из всех разумных идей у нас цветет и пахнет идея обогащения, идея денег. Продажность натуры не осуждается. Надо же, оказывается, не было сражения на Чудском озере, и все потому, что «принципиальные» исследователи не находят в иле на дне рыцарских доспехов и русских кольчужек. «Кудась» запропастился Вороний камень, что стоял близ сечи. А нет камня - нет свидетеля, нет свидетеля - нет события. Потрясающая логика! А в летописи честолюбивый князь приказал записать и шведов и немцев, чтоб поморочить нам голову. И себя вознести до неба.

- Думаю, Невскому достается за то, что де в знаменитой речи на параде в Москве, - рассудил Моисей, - было сказано вашим вождем: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков - Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова».

- Ну да, все так; кольчужки замыло двух-трехметровым слоем ила. А камень?..

- Он мог разрушиться. Вода - сила немереная.

- Ты считаешь, что Вороний камень разрушился? Но почему сохраняются египетские пирамиды - им больше, чем тысяча лет. Почему стоят, пусть в развалинах, но ведь стоят! - древнегреческие храм Аполлона в Коринфе, храм Ники Аптерос, сооружения Афинского акрополя.

- Вижу, ты не терял время зря. - Не без удовольствия сказал прашур. Сдается, ему начало нравится мое общество. - В Египте и Греции не было разрушительной войны. Вороний камень немецкие летчики могли принять за дот, за командный пункт, и засыпать его бомбами. Наконец, и Египет, и Греция в другом климате, - продолжал он. - В том климате нет бесчисленных видов мхов и лишайников. У нас же их множество, как людских грехов. Те мхи облепляют камень, проникают щупальцами в невидимые глазом трещины, разъедают их особой кислотой и таким образом делают достаточными для сбора воды. А вода камни точит. Вместе с морозом раскалывает их, крошит в крупу... Вороний камень же лежал на Вороньем острове. Вода размывала остров и погребла свидетеля славной битвы. Как и ее же участников. Немецких и русичей.

- Твое объяснение пропажи Вороньего камня правдоподобно, - сказал я. - Но оно всего лишь умозрительно. Ему надо найти подтверждение в реальной действительности. Интересно, сохранился ли камень величиной с грузовик на острове Валааме? Его написал русский художник Иван Шишкин. Он же заприметил и изобразил несколько валунов на подступах к Мачтовой роще в Вятской губернии. Дожили они до наших дней?

- Полтора века же не срок для камня. И потом, художник мог подсмотреть камень в других местах, а уже в мастерской, де строя композицию, свел на одном полотне несколько этюдов из разных мест.

Ну чем не Лессинг! Чем не Стасов! И не в тысяче лет тут дело, а просто умом наделен ясным. Дай бог мне наследовать от него хоть малость.

XI

Злобная, как загнанный в угол хорь, просяще-требовательная газетенка «Читай» за подписью «Гвоздь» напечатала обзорную статью о людях-сволочках, пьяными выходками отравляющих существование законопослушным гражданам. В числе названных пяти фамилий значилась и моя: Титов. Оказывается, не стыдись бросить комья грязи на имя нашего славного земляка, я провожу массу времени у пивного «комка», разогревшись семью номерами «Балтики», пристаю с разговорами к прохожим, делаю замечания их гардеробу, и если кому-то не интересны мои суждения, могу наткаться носом в стену. Это была подробность из первой публикации, выдающая автора пасквиля, скрывшегося под железной шляпкой. Я узнал его!

- Почему ты взял безымянного Титова на себя? - Изумился Паша. - Мало ли других? Хочешь, я узнаю сколько Титовых в городе? - Сел к компьютеру.

- Не трудись. Я два дня качал права в редакции. Она отомстила мне.

- В статье нет твоего имени.

- Но названа наша контора. Сколько же у нас Титовых?

А начальник прочитал, как того хотел несмелый корреспондент. Заглянув в наш отдел, не переступив порога, он поманил меня:

- Зайди, поговорить надо.

И произнес длинную речь о репутации человека и учреждения, о том, кто красит место и кто и чем оскверняет его. Это была уже третья выволочка за

лето. Она тоже ляжет в осадок, но при первом неприятном случае взболтнется и приложится к воспитательной мере. Когда-то подающий надежды архитектор, наш начальник совсем не понимал, как надо разговаривать с «подлужными». С того дня вздрагиваю, когда слышу о назначении на руководящую должность опытных специалистов своего дела. Пусть бы специалист прилагал усилия, работая с железом, станками, машинами. Пусть бы совершенствовал технологию, оборудование. Но с людьми должен работать человек сердечный, без чванства и самовлюбленности. Ну, и конечно же - знающий производство в той мере, чтоб отличить свой трудовой стол от станка.

- Про меня ли это? - схитрил я, припоминая Пашу. Начальник взял со стола газету, будто в его экземпляре были указаны мои паспортные данные.

- Тут названо наше агентство. Наконец, звонили из редакции, просили проработать статью в коллективе.

Наумничался. Не ты ли, Титов, обвинил Шлемова в беспринципном выборе темы, в безразличии к судьбе публикации. Получи. Факт обсуждения, как очередной шаг к оргвыводам.

- Из милиции тоже звонили?

- Ну, те приезжают и увозят с собой. - Он намекал на тридцатые годы, вошедшие в новую историю не успехами пятилеток, а разбоем НКВД. Репрессии стали верхом познания для многих.

Ясненько. Кривич по просьбе Шлемова, назвал пять фамилий пропойных мужиков, в их ряду и мою, обозначив место работы кого-то - трампарк, водоканала и приплюсовал к ним наше агентство. Кривич выступал на вторых ролях, толкачем. В те знаменитые тридцатые железная дорога придерживалась рельефа местности, изобиловала поворотами, подъемами и спусками, а паровозы уступали в мощи современным локомотивам. Потому-то к тяжеловесным составам цепляли в хвост толкач. Он помогал двигать вагоны вперед, на спусках притормаживал, не позволял сложиться в гармошку. Получалось, что Шлемов и Кривич объединились, выстроились кто в хвост, кто в гриву и напирают двойной тягой. Они вообразили, что в зародыше «прищучат» зарвавшегося умника, подмочат ему карьеру, а получится - изломают жизнь. «Не с таких ли правдолюбов, как Титов, начиналось демократическое движение в России, потрясшее весь мир?» - рассудили они.

- Раньше в газетах была рубрика: «По следам выступлений». Или что-то в этом роде. - Развоспоминался начальник. - Сдается, ее хотят возродить. Для пользы общего дела.

- Тогда нельзя будет врать в газете.

- Тут как кривая выведет.

- Считаю себя польщенным. Мне суждено попасть в большую историю, ибо я, как Алексей Стаханов, Александр Матросов, Юрий Гагарин, буду числиться первым, неважно в каком, но первым в списке пьяниц и прощальг, по которому будут приняты меры. Окажите мне честь, откройте этот список мной. - Я кажется немного разозлился на нашего «тюху»: зачем столько ума на молодежавом лице, если дело не стоит мычания комолой коровы. Лучше бы он расспросил меня - что да почему, по какому случаю. Он же, вместо того, высокомерно поучает, тонко намекает на толстые обстоятельства.

- Не обольщайся, - начальник ладонью отгородился от меня. - Страна велика и список дуrolомов уже зашкалил не за одну сотню.

- Прошу разговаривать со мной отечески... вежливо.

- Да перестань ты ерепениться, - он сбавил напор. - Я обещал газете ответить о принятых мерах. Ты первым должен знать о них... У нас запил на-

чальник рекламной мастерской, я вынужден был уволить его. Ты временно переводись туда. На должность начальника, но что начальником - не всем нужно знать. Особенно просящей газете. Я понятно говорю?

- Когда мне приступить?

- Хоть сейчас. Сделай скорбную мину и передай дела Косте.

Мастерская серела во дворе агентства в бывшем гараже на четыре грузовика. Двое железных ворот с пешеходными дверками выстужали ее зимой, а летом раскаляли, как духовку.

Опять начинался брызжик. Я бегом пересек двор, ткнулся в одну дверь, в другую. Они оказались запертыми изнутри или на ключ снаружи. Бригада мастеров и монтажников, видимо, пошла сопроводить старого собутыльника и промитинговать по случаю бесчеловечного отношения к их старшему товарищу.

На всякий пожарный случай я стукнул несколько раз кулаком по железу ворот. Они прогудели, как растревоженный диареей живот. Подождав немного, я стукнул еще и еще раз, развернулся спиной к двери и дважды лягнул ее. Прислушался. Глухо, как в танке.

Да катись оно!.. Была нужда, болело брюхо!

Часто перебирая ногами, я зашагал со двора. Мелкие капли с волос слились над ухом и стружкой скатились мне за воротник к ключице. Я почувствовал озноб.

Почему-то я ощутил неприязнь к конторе, которая в лице руководящего господина, не пожелала выслушать и понять меня. Время было далеко послеобеденное. Тучи погрузили город в досрочный полумрак. Надвигался ранний вечер, как это наблюдается спокон веку в наших краях.

В сметенных чувствах я добежал до автобусной остановки, нырнул под стеклянную крышу навеса, протер носовым платком влажную дорожку на шее, зыркнул вдоль улицы сквозь стеклянную торцовую стенку, надеясь загодя разглядеть автобус.

И, что называется, нос к носу столкнулся с ним. Огромная угловатая синезелтая махина со сплошным лобовым стеклом размером с рост среднего человека подкрадывалась к остановке, как то и требует инструкция.

Шикнули тормоза, им вторила дверная пневматика и прямо под навес выпрыгнули три девушки, похожие возрастом на студенток. Я шагнул с тротуара на ступеньку.

Домой, домой, домой...

Еще с лестничной площадки я услышал, как надрывается мой телефон. Я шустро повернул ключ в скважине, впрыгнул в коридорчик, успев наследить непротертыми ботинками на полу. Звонила Регина:

- Мы опять разошлись с тобой, - сказала она.

- Надеюсь это скоро закончится. Впрочем, ты знаешь, что наш Утюг изгнал меня в мастерскую рекламы в наказание за то, что меня снова обоглали в газете.

- Я это слышала. Костя изложил мне с подробностями.

- Он сказал, что у меня падает зарплата... На три тысячи.

- Он назвал сумму в четыре тысячи. Но разве в деньгах дело?

Мы проговорили минут пятнадцать. Кто-то влез в наш диалог со стороны Регины. Я понял, что она пока на работе. Договорились созвониться еще вечером. Уже с домашнего телефона. Я разулся, смахнул тряпкой следы на полу и вытянулся на диване. Вздремнуть бы полчасика, умиротворить нервы. Вздремнул и проснулся, когда за окном уже правила бал ночь. Я испугался чего-то и лишь время спустя понял, что не позвонил Рине, как обещал. Но теперь было поздно. Взял томик Златовратского, подобранный

возле баков с мусором. Какой-то наследник родительской и даже дедовой библиотеки из уважения к предкам не стал выбрасывать в мусорный бак книги, а ровными стопками положил их сбоку. Всяк идущий мог увидеть их, и если не разучился читать, должен был порыться на книжном кладбище - вдруг что и заинтересует. Меня заинтересовал Златовратский, отпечатанный в типографии И.Н. Кушнерева и Ко в Москве на улице Пименовской в доме Кушнеревой, аж в 1884 году. Нужно быть сохраненной в течение полтора столетия лет, чтоб оказаться в одной куче с упаковками от молока, чипсов, макарон и картофельных очисток. Судьба редчайшей книги была срисована с судеб моих современников. Россия перестала читать и сосредоточилась на добывании денег, неважно, каким путем. И в ущерб чему.

Сборник повестей и рассказов предварял эпиграф, взятый из Некрасова:

Я лучший перл со дна души достал -
Чистейшее мое воспоминание.

Книга открывается предисловием от автора, потом идет содержание тома: «Крестьяне - присяжные» - повесть, «В артели» из записок петербургского пролетария, «Авраам» - рассказ и так далее: «Горе старого Кабана», «Пропала деревня», «Пророчица», рассказы заводского хлопца. Тепло и свежестью веет от стиля изложения...

Под это тепло я и задремал снова. Дождь моросил не переставая и убаюкал своей монотонностью. Почему-то я решил, что пращур не придет по такой погоде и расслабился. Но пращур был точен, как астрономические часы. Когда я открыл глаза, он изучал мою библиотечку. Второй раз и основательно.

- Приветствую тебя, мой любознательный предок, - сказал я, свешивая ноги с дивана на коврик.

- Многими содержим напастями, к Тебе прибегаю, спасения ищю: о Мати Слова и Дево, от тяжких и лютых мя спаси. Пресвятая Богородица, спаси нас, - отозвался он и повернулся лицом ко мне, мгновенно перейдя на понятный мне язык. - У тебя много умных книг.

- Все книги должны быть умными.

- Все да не все. Но ты выбираешь достойные. Весь ум Земли на этих полках. Те, кто их написал, отмечены Богом еще при жизни: Апулей, Эзоп, Диоген Латрекский... Это ж кладезь мудрости.

- Подозреваешь, что я ломлюсь в их ряды?

- Тут надо получить благословение свыше. Все эти люди были назначены учить других. - Говоря, он кончиками пальцев прикасался к корешкам книг, изумляя меня способностью видеть в темноте. Вдруг мне подумалось, не оставляет ли он отпечатки папиллярных линий, как доказательство, что был здесь. В нарушение правил. Но с чем их сравнишь? - Да у тебя здесь собрались мудрецы всех времен и народов: - Говорил он, увлеченно, будто за тем и пришел, чтоб взять урок по литературе. - Ты только погляди: Данте, Сервантес, Дефо, Диккенс. - Он будто утратил интерес ко мне... - Пушкин, Лермонтов... А это? Толстой! Три Толстых... Некрасов... А куда подевалась книга Златовратского? На столе перед тобой?.. Ты все это прочитал?

- Почти все. Как ты узнал, что на полке отсутствует именно Златовратский?

- Это нельзя объяснить словами. А по-вашему если, то я запомнил, что после Некрасова и перед Есениным стоял он. Знатная книга. Старая. От нее разит временем. Ты знаешь, что предметы накапливают запахи времени?

- Допускаю. Но зачем этот разговор. Ты ведь ничего не делаешь просто так, ради «галочки».

- Ты молодец! Конечно же!.. Мне нужно испытать еще один способ общения с тобой, - сказал он живо. - Тогда я могу ответить на твою просьбу, почему не дошел я до дому, не видел свое милое чадо, не смог обнять Милену.

Станным образом Моисей запустил руку сквозь стену в ванную комнату, снял зеркало с двумя полотенцами, подвешенным к нему, установил его на край журнального столика между собой и мной. Сказал:

- Это чудесное стекло позволит тебе путешествовать во времени и в пространстве, - взгляд его сделался неподвижным и даже жестко колким. Он будто гипнотизировал меня. Смотри, смотри внимательно.

- Я ничего не вижу в темноте. Даже себя.

- Коль не видишь себя, значит стекло включилось в работу.

Я подождал минуту. Прямоугольник зеркала стал светлеть изнутри, как экран телевизора. В голове промелькнула галерея писателей. Мы с прашуром только что говорили о них и их череда была продолжением этого разговора. Наконец, силуэты людей начали проступать в зеркале. Зыбкие, как сквозь воду. Четче, четче... Марциал, Вийон, Верлен... А это... Это Бальзак! Незабвенный и одинокий. Он сидит за столом, поставив босые ноги на каменный пол и пишет, пишет, пишет увлеченно и стремительно, едва не выскакивая из себя. После каждой страницы он выпивает чашечку черного кофе. Пишет снова и припивает, пишет и припивает. Позже о нем скажут: он прожил пятьдесят тысяч чашек кофе и умер от пятидесяти тысяч чашек кофе... Простите, это не мой каламбур, да и нет в нем зубоскальства. Многие люди обожали и обожают несравненного француза, сгоревшего в бесконечной человеческой комедии.

Потом стал кто-то настойчиво ломиться в мою память. Я отвлекся от зеркала: Прус? Болеслав Прус! Этот гурман нет-нет подносит к ноздре флакон с сильными духами. Их пары шибают в нос, проникают под череп, будят, бодрят утомленный мозг. Но почему не одеколон? Почему, наконец, не нашатырь? Опроси теперь ученый мир и не получишь вразумительного ответа. Да и сам Прус развел бы руками: не могэ пана информоваць, спытаць милицианта¹.

Шутка развеселила меня. Кажется, не спать мне сегодня, и завтрашний день пойдет насмарку. Я напряг глаза, и тотчас увидел самого Жана Жака Руссо. В летний полдень выносит он конторку для работы на нестерпимый солнцепек и буквально изжаривает непокрытую голову. Кому кофе, кому вино, одеколон, а Руссо нужно целое солнце, чтоб творить.

Неисповедима прихоть творчества. Одному надобна отдельная комната, другому достаточно уголка стола, третий кропает в тетрадах, четвертый на больших листах гремучей, как железо бумаги, пятый не успевает менять перья, ленты машинок, шестой в нетерпенье грызет затупившийся карандаш. А, скажем, Мильтон, лежа на софе, диктует свои бессмертные строки, свесив до пола голову и касаясь его лбом.

Все это, конечно, внешнее сопровождение таинственного процесса творчества. Оно напрямую связано с темпераментом, физическим и умственным состоянием человека, обуянного созиданием «на вынос» - из сердца, из глубины души для всеобщего обсуждения и пользования.

¹ Не могу знать, спросите милиционера (польск.).

Много надо уметь, чтоб родить гору.

Перебегая с пятого на десятое еще час, я вдруг заметил, что мои отрывки из обрывков выстраиваются в определенную систему, не очень пока еще стройную, не совсем внятную, но уже систему, в тот порядок, который заслуживает внимательного взгляда...

Вопросы будили мысль. Мысль требовала доказательств. Я напрягся, как Буратино перед схваткой с крысой Шушарой. И дополнительные примеры полились, будто вино из бочки. И какие примеры!.. Исаак Ньютон... В школьную пору он прилежно сочинял стихи, готовясь сделаться пиитом, и ему не приходило в голову тогда, что слава его и бессмертие зарыты внутри объективных законов природы, ее надо было только «подобрать». Став при жизни великим, Ньютон со смущением вспоминал юношеское увлечение. И напрасно, ибо сказано: в начале было Слово.

Невысокий росточком брюнет заслоняет напудренного и в парике академика всех мыслимых академий. Брюнет - это Наполеон. Да, тот самый, с его высокими требованиями к жизни - по отношению к себе, с откровенными признаками волевого характера. До того, как он станет тем, кем стал, он грезил сочинительством романов и тайно готовился поразить свет глаголом, исписывая дорогие, бывшие не всякому по карману тетради.

Выходит, литература отлично выстраивает мозги для любого поприща. Она учит логике, а логика движет прогресс, где бы он не проявился в дальнейшем.

Незаметно пропал объем изображения, четкость картинки. Силуэт накладывался на силуэт, как две тени двух разных людей. Широкие полосы изрезали поверхность стекла. Но кто-то настойчиво нашептывал мне... Не очень уверенно и внятно, но настаивал на своем: что Гоголь... Да, Гоголь, человек взвинченный, как сгусток обнаженных нервов, просил хоронить его не на третий день, как велит православный обряд, а на седьмой, когда явно проступят на теле трупные пятна. Он будто бы боялся быть погребенным заживо, наслушавшись историй про летаргический сон... Думаю, эта легенда могла родиться в умах членов комиссии из ученых, представителей Московского градоначальника и землекопов через полвека после смерти классика. Они вскрыли могилу и увидели, что легкая обивка внутренней стороны гроба изодрана в клочья, а кости головы и рук изменили положение: череп оказался повернут в сторону, руки разомкнулись на груди и разбросаны в свободном «парении».

Жуть, чтоб не сказать больше! Мне делается не по себе, однако я не могу оторваться от экрана, и чем невнятней бормота из него, тем внимательней вслушиваюсь в незнакомый монотонный голос вещателя. Он толкует о материализации печальных мыслей и страхов.

Вот те раз! Мой безымянный информатор не знает, как вытягиваются и шевелятся покойники, подчиняясь судорогам сухожилий? Кто же тот комментатор картинке на зеркале, почему он не знает старинное пожелание другу: «чтоб ты в гробу перевернулся»?

Я поднял глаза на прашура, вообразив спросить у него - кто? Но экран вдруг послал звон колокола, и Моисей засуетился, собираясь оставить меня. Было бесполезно вязаться к нему с разговорами. Краем глаза я увидел, что в зеркале появилась старая трехглавая рубленая церковь. Это, наверное, ее медь напомнила - время! Чем-то очень родным пахло с картины. Высокий забор отделял Божий храм от запущенного пустыря, пестреющего сорняками, терновником, дичками. Пейзаж был незнако-

мым и знакомым. Он вязался с «Вечерами...» Гоголя и страной, в которой родился я: светлой, будто умытой теплым дождиком, с зелеными газонами внутри ограды, цветочными клумбами, ухоженными дорожками. Мягкая, как прикосновение материнной руки, негромко звучала душевная музыка. Не по ним, а по озону, что благодатно растекался по земле, охнула душа, зануло сердце.

А Моисей между тем удалился «по-английски», даже не кивнув, не махнув мне рукой на прощание. Разбередил память и ушел. Знать бы куда.

Зеркало погасло и в нем шевельнулось мое нечеткое отражение.

За окном заметно светало.

XII

- Бесприданницу берешь, - сказал Костя, когда мы заметно хмельные вышли из дома Регины. Сватовство получилось на славу. Стол ломился от бутылок и яств из лучших магазинов города. То изобилие сильно подчеркивало скромность убранства квартиры разношерстной мебелью, доживающей срок третьего поколения хозяев. Невеста была смущена не предложением отдать руку, сердце и все остальное - тело, жизнь, а скромностью обстановки, которую она с мамой демонстрировала нам, особенно Косте, внешне немного надменному, избалованному денди.

Три часа пролетели незаметно, и чем дольше тянулось время, тем доверительней становилась компания. Паша по традиции запел о туземце с острова Сангвического, жившего в бамбуковой хижине и о страусихе, питавшей нежные чувства к человеку.

В результате всех встреч тех трагических,
Там под пальмой на голом бугре,
Родился страусенок комический
С бородавкой на правой ноздре.

- Паша, - поправил его Костя. - Страусы несут яйца, а не рожают.

- Это ж особый случай, - гремел Паша. - Любовь творит чудеса.

И вот, выйдя во двор, Костя продемонстрировал свою наблюдательность - бесприданница. Его пушистая Лялька пила и ела с серебра, ее гардероб пополнялся из дорогих бутиков. Ее папа заведовал поставкой и реализацией бананов, они приносили доход чуть меньше, чем нефтяная скважина или ГЭС.

- У какого-то художника есть... набросок карандашом: женился без приданого. Получил кучу детей, каморку и голодный стол.

- Два раза в одно место снаряд не падает.

- Будете всю жизнь в однушке ютиться.

- К тому времени власть переменится, беспредел гавкнет Бобиком и подохнет, - уверенно сказал Паша. - Не может быть бардак вечным. Мы ж космос профукали, уступили моря и океаны, развалили армию, отдали недра. Где такое видано в истории человечества... Мы похерили промышленность. Она не понравилась кому-то. Двадцать лет модернизируем ее, но при этом растеряли кадры инженерные и рабочие. Так вот... Тупость идет сверху вниз. Но у низов есть предел терпению.

С автобусной остановки мы разошлись по своим маршрутам. Отягощенный поверх хлопот коньяком и шампанским, я развалился сидя на диване и вскоре задремал, не раздеваясь. И пробудился оттого, что продрог. Отопление еще не включили, а ночная прохлада на уровне четырех градусов остужала стены и воздух, заключенный в них.

Пращур деловито разглядывал над письменным столом фотопортреты моих отца и матери. Особенно пристально - отца, великодушного мягкого мужика. Было просто удивительно видеть на его плечах золотые погоны, три ряда орденских колодок и размашистую птичку с указанием класса на правой стороне мундира.

Поняв, что я проснулся, пращур развернулся ко мне, облачком приблизился.

- Очухался? - спросил строго. - Как же ты так?..

- Что так? Я выпил самый раз... Повод был у меня... А Днепра под боком не оказалось, и речной стремнины... Не оказалось и венка... Все немного не по-твоему. Хотя что-то я припоминаю о гостинстве на три дня...

- Ну, завелся! А с чего, спросить бы...

- Ну ты увертист. Не подобраться к тебе, не укусить.

- Суум куикве!¹

- Ты ж не любишь латинский.

- Я не принимаю латинскую веру. Но нужно ли при этом отрицать Рим и народ?

Разговор опять падал на качели. Пустое это занятие. И тут меня осенило:

- Моисей, помнится, в первую встречу я спросил, что привело тебя ко мне? Я даже подумал, не за мной ли ты. Но тут сработала автосигнализация.

- Хорошо помню.

- Тогда ты уклонился от ответа, и я не могу объяснить причину тому.

Он долго и пристально смотрел мне в глаза, как мне показалось, раздумывая: объяснить или дать возможность самому догадаться - зачем он взялся являться мне. Не сразу, спустя быть может, минуту, я с удивлением уловил его первый, не вслух заданный мне вопрос:

«А смог бы ты сам презреть зелье, коим тешился раньше ты и други твои?»

«Пожалуй, нет», - подумал я, уже улавливая следующий вопрос.

«Принял бы окончательно, всей душой Регину, укротив в себе похоть и блуд?» «И это - нет», - пронеслось в моем мозгу.

«Вступился бы за слабого брата своего, хоть и падшего во грехах?»

«Нет...»

Не счесть, сколько раз это «нет» я произнес мысленно, когда осмыслил главный вопрос пращура:

«А судьба твоей Родины, которую разрубили на части и раскидали в разные стороны опечалила бы тебя прежде, как теперь?»

«Нет...»

- И вот еще что, - поведал уже привычно протяжно пращур: - Вы сегодня живете и не знаете, что все годы - с распятия Христа, находитесь под покровительством Божьей Матери. Старые свитки и книги с них, а писали их Богословы, хранят сведения, что пока Иисус отходил, Его мать стояла у подножия креста и вела с ним разговоры, которые никто не мог слышать. Позже Мария проговорится, что Сын просил Ее покровительствовать слабым, людям незлобным, сильным, великодушным. Она обещала, и с того скорбного часа вы находитесь под ее защитой.

Она была с дружинами Александра Невского, полками Дмитрия Донского, с эскадрами Федора Ушакова, с армиями Александра Суворова, была на Бородинском поле с дивизиями Михаила Кутузова... Убитые на войне

¹ Суум куикве (лат.) - каждому свое.

фашисты до сих пор вспоминают, как в атакующих рядах красноармейцев возвышался до облаков образ молодой красивой женщины. Это была Богоматерь. Она вдохновляла неуверенных, поддерживала падающих от усталости и недосыпу бойцов и вела их вперед, гарантируя конечный успех.

Икона Владимирской Божьей Матери побывала на передовой под Ленинградом, Москвой, Сталинградом, Курском. Она дошла с войсками до западной границы страны и только де потом вернулась во Владимирский собор в Ленинграде.

Известно ли вам, потомкам Владимира Красное Солнышко, что в Успенском соборе Кремля выставлена икона Божьей Матери, списанная евангелистом Лукой с натуры? С живой Марии!

Она плавала с Папаниным на льдине, летела с Чкаловым через Северный полюс в Америку, обогнула в космосе земной шар вместе с Гагариным. Ее сын вырос до величины необъятной, не нуждается в уходе, и она всю нерасчищенную женскую любовь отдает вам.

И тут главное. Чем вы отвечаете на любовь и заботу? Непрерывным омерзительным матом. Матом с именем благодетельницы. Да, ты не ослышался. Вы материтесь, вкладывая в скверну имя Божьей матери. Вы плюете в нее зловонной сатанинской слюной. Бог вздрагивает всякий раз, когда вы извергаете бесовские проклятия. А поскольку у вас матерятся все, начиная с первых лиц, министров, депутатов, губернаторов, учителей, студентов и школьников, то вздрагивания эти непрерывны, как лихорадка. Богу может надоест это. Он терпелив, но и его терпенье не вечно. Американцы гордятся статуей Свободы, египтяне пирамидами, итальянцы Колизеем, французы собором Парижской Богоматери. Русские носятся со своим матом, как дурень с торбой, и уже один умник в Думе предлагает легализовать его.

Моисей назвал Думу инфантильной и воровской. Напомнил, что накануне событий семнадцатого года в России все руководство было таким, и рухнуло, не вскрикнув, не сделав отмашку руками.

- Историю нужно учить, а не подгонять под себя, не править, не искажать, - сказал он. - Подделка всего лишь подделка. Она выдает неспособность думать, решительно действовать.

- Понятно, - сказал я. - И принято. А теперь я хотел бы услышать окончание твоей истории.

- Ну ты, потомок, как мой отец. Тот семь лет вымаливал у Господа сына, пока не получил его.

- Родственная душа. Так я слушаю.

Но тут пращур поскущел, стал оглядываться на окно, поджидая начало рассвета, который, по его, явно где-то задерживался.

- Не получилось бы, что я де бохваюсь. Да и с каких слов начать - не ведаю, - тихо проговорил пращур.

Тогда я решил помочь ему:

- Вчера ты о многом поведал мне через зеркало. И голос был не твой. Пусть и сегодня это повторится: кино и рассказ коротенько. Я пойму подробности. Или разгляжу... Кстати, именно вчера ты убедил меня, что пришел ты оттуда, куда уходят людские души и не возвращаются. За редким исключением. Как, например, ты.

Он еще поколебался, махнул отчаянно рукой, в три шага преодолел комнату, у кухонной двери запустил руку сквозь стену, вытащил зеркало. Повернулся лицом ко мне, держа рамку против своей груди.

Так в разговоре, похожем непосвященному на препирательство двух несхожих людей, я вдруг увидел... Да, именно увидел в зеркале картины старины глубокой: бескрайний простор, дубовые рощи, старорусское село из одрин и хат, приусадебных огородов, надворных построек для хозяйственных нужд. Мне даже показалось, правда всего на миг, что я ощутил носом запах полыни, навоза и пыли.

И название села... Имена отдельных людей узнал каким-то необъяснимым образом... Увидел ребятишек, чумазых голышей, нескольких мужчин-крепышей, явно из челяди главного здесь наместника.

Теплом веяло от села. Теплом и покоем.

И вдруг перед закатом солнца в Дунихово с караваном из пяти пар быков приехали сборщики оброка наместника княжеского Михайлы Борисовича. Морды чинные, со следами значимости исключительной. И то - великое дело «сполнили», спроси у быков, как гудят холки, натруженные плечи. Славный год удался, отблагодарил пахарей, а они с князем поделились, щедро отвалив оброк. Михайло Борисович сам плотно вкушал, гостей от пуза накачивал со стола обильного, частично на рынок вез - нужны деньги челядь содержать, сабли «востры» закупать, доспехи для воев и лошадей. Третья доля поставлялась ко двору верховного князя. Хочешь над собой власть крепкую - плати аккуратно.

Вместе с попрошатаями приехали в своих арбах громоподобные скоморохи: веселить данников, развлекать, отвлекать от мыслей гадостных по случаю платежей. Вертлявые, бесстыжие, они были носителями фамильярно-площадной речи и, по мнению летописцев, успешно противостояли молодой православной церкви. До хруста напрягая память, я вспомнил досадное свидетельство современников Ждана: «Видим ведь игрища утопанные, с такими толпами людей на них, что они давят друг друга... А церкви стоят пустые...» Душа русича музыкальна. Не случайно в соборах Константинополя церковные хоры состояли из восточных славян. Княжеские и позднее царские власти были бессильны урезонить скоморохов. До Алексея Михайловича, ахнувшего по ним специальным указом. Любопытно знать, что предшествовало указу массовое восстание простолюдинов в Москве. Царь увидел в занятиях скоморохов подстрекательство к неповиновению, к бунту. Такова сила искусства хоть в труде, хоть в бою. Тому множество примеров и в современной истории.

Ну да Бог им судья. Многое сошлось в тот предвечерний час.

Накануне, как на беду, наместник Михайло Борисович на утиной охоте повстречался нос к носу с медведицей, и та, чтоб охранить малого детеныша, ошершела яростно, без предупреждения навалилась на человека. Хоть и силен был Михайло Борисович, но упустил момент. Против когтей и клыков устоять не мог. Как не колотил он по ушам медведицу, как не пытался ухватить за черный нос, - только пуще сердил зверюгу.

К счастью, подоспели люди, зверя вспугнули, прогнали в лес, а наместник, испытав избавление, чуток порасслабился и понял, что не жилец на этом свете. Какое уж тут счастье?

Привезли его в хоромы, положили в опочивальне, кликнули лекаря. Тот увидел раны развороченные, клоками свисающую плоть рваную и чуть сам не соскочил с земной орбиты. Когда пришел в себя, увидел вокруг ложа хозяйского десятка два молодух и девиц. Крепким был Михайло Борисович, охочь до девок, и не обременен узами семейными. Думал, не будет тому конца.

Чуть выжимая из себя слова, наместник наущал своего приближенного - похоронить его по старому обычаю.

- Не возневим ли Бога? - робко усомнился тот. - Что церковь и люди скажут?

- Мне наср... Я хочу к отцу и матери. Новый загробный мир не рад нам.

Убедил, как не раз случалось. Убедил, тем более, что в массе людей по-прежнему держалось и сохранялось уважение к вере древней: в иные праздники народ не желает слушать «божественных словес», а уходит на идольские сборища к захожим игроцам - скоморохам.

- Будет исполнено. Кого велишь дать тебе с собой? - сказал тиун.

Михайло Борисович обвел тускнеющими глазами девушек. Задержал взгляд на самой юной. Она опустила веки огромных глазищ в знак покорности судьбе.

- Как звать?

- Адолия, хозяин.

- Не помню тебя. Новенькая? Пойдешь со мной?

Михайло Борисович потянулся вперед, похотливо сложив трубочкой губы, но тотчас испытал сильную боль на лице и во всем теле. Он помнил таких девочек, не было конца восторгу, который овладевал им с ощущением превосходства над растоптанной юницей. Тот восторг придавал ему силы, уверенность, и теперь, собираясь в безвозвратную дорогу, он надеялся, что земной опыт скрасит его бытие за облаками.

Превозмогая боль и усталость невероятную, он повторил свой вопрос уже в утвердительной форме, почти властно. Но переставив слова.

- Со мной пойдешь...

Она не нашла, что сказать, но молчание с давних пор обозначало согласие, оправдывало деспотизм сильного.

Одобрив свой выбор, запомнив хорошенько, как свежо и мило глядится девчонка, что поведет его темными коридорами подземного царства, составит компанию, обеспечит утеху в неизвестнейшем из миров, он поручил человеку приглядеть за избранницей и вскоре сделал последний выдох, протяжный и скорбный.

В ту пору как раз и вступили в село с обозом попрошатаи и скоморохи с реквизитом, облюбовали обрядовую площадь, остановились табором, без глашатаых учинили позорище - ударили в бубны, дунули в свирели, пищалки, пустились в пляс, пряча лица под козлиными и птичьими масками.

Ох я, ох я,
И тебя, и тебя,
Не боись, краса,
Ты не первая...

Главный попрошатай отправился в дом наместника доложить о прибытии, испросить, куда зерно сгрузить. А меж тем на звуки дудок и бубнов сбежался народ. Вышел и тиун. Оброк повелел прятать в амбар при дворе наместника, «глум» скоморохов остановил властным поднятием руки.

- Знакомы ли вам древние обряды? - спросил нетерпеливо. Чуть не с досадой в голосе.

- Мотря для какой цели... Свадьба? Похороны? Поминки? - отозвался хоть «игрец», хоть «глумец».

- Вроде бы как похороны. С одной стороны. С другой, вроде бы - свадьба.

- У-ма, - уразумел «глумец» или «игрец». - Когда?

- Завтра на рассвете.

За ночь три тяжеленные колымаги, с парой волов каждая, привезли гору дров. Мастера, в коих жива была память о прежних обычаях, сложили вы-

сокий кострище домиком на выезде из села, на взгорочке, где недавно еще торчали деревянные идолища Перуна, Дажьбога. В чреве кострища установили рукотворный корабль из обработанного сушняка. С первым лучиком солнца, что пока еще только затлел ниже горизонта, вынесли завернутое в сукно тело покойного наместника, уложили на корабль.

Со вторым лучом стали сходить к кострищу и стар и млад. Кто вспомнить времена прошедшие, кто увидеть их в обряде похорон. Пришел тиун, важный от нечаянного положения своего. Нынче до княжеского указа он в Дунихове главный. И ответственный за все. Он сообщил о безвременной смерти наместника, не сомневаясь, что село знает о ней со вчерашнего вечера. Поэтому речь его была краткой и никакой по части религии.

- Незабвенный Михайло Борисович просил соблюсти над ним древний обряд. А воля покойного - свята, - добавил, будто оправдываясь за то, что затеял.

Новая греческая вера оберегалась князьями и церковными иерархами. Но их было недостаточно, чтоб приставить к каждому русичу. Да и сама вера призывала к терпению, прощению заблудших. В отличие от беспокойной, заносчивой веры латинской. В том веке католики начнут череду крестовых походов против неверных, будто бы захвативших святыни Иерусалима. Почти триста лет продолжатся те восемь походов, опрокинувших Константинополь. Все золото богатого Востока перекочет в европейские сундуки. Православие смиренно взирало на этот разбой.

В грустной памяти далекий день похорон княжеского наместника Михайлы Борисовича подтверждал упоминание летописцев о двоеверии русичей. И тиун ничем не рисковал, выполняя волю в бозе почившего.

Солнце сбоку высветлило небо, будто расслоив его на несколько пластов, окрасило в прозрачный голубой цвет. И тогда за спинами жителей Дунихова показалась группа жрецов. Предводительствовала в ней крупная женщина, неумытая, патлатая, одетая в шкуры диких и домашних животных. Жрецы привели с собой очаровательную девчушку едва ли двенадцати лет, в тонкой льняной рубашке ниже колен длиной, надетой на голое тело. Она ни на кого не смотрела, двигалась безучастно, опоенная снадобьями из белены и молочая. И по тому, как безропотно виделась она, было ее особенно жалко. Лучше бы она вырывалась, царапалась, обзывалась последними словами.

Перед кострищем ее остановили. Она подчинилась, но едва ли понимала, что ступила на последнюю черту. Воззав к небу, жрица вскинула над головой руки, и в правой сверкнул широкий нож, какими валили в селе быков, коров, свиней. Еще прокричав что-то невразумительное солнцу, она с силой нехилого мужика вонзила лезвие под нижнее ребро жертвы и повернула резко, не оставляя надежды на тютельку жизни. Льняная рубашка из светлой сделалась спереди зловеще багровой.

И тут по невидимому сигналу штильманы разразились смехом, заимствованным у Вельзевула. Присутствующим показалось, что чистое, прозрачное небо заговорило стеклянно, осыпая на землю блестящие.

- Ха-ха-ха-ха...

- Ух-хо-хо-хо-хо...

- Хи-хи-хи-хи-хи...

Тот хохот мог бы поднять хладного наместника и пять поколений его предков. Но разбудил он пока четверых мужчин, отдохавших в молодой дубовой рощице. И медведицу. Путники, Ждан и его попутчики, подхватились, похожие на пуганых ворон, и через поле увидели вторую, «взрослую» рощу, нерассмотренную накануне поздно вечером, приземистые нехитрые

постройки под ее кронами, толпу людей молчаливых, пристукнутых горем, и пирамиду из неошкуренных бревен или просто стволов сушняка.

В детстве Ждан видел такие сооружения, знал их назначения и за отцом вслед не одобрял их. Рожденный по предсказанию экзарха, он чуть ли не с первых самостоятельных шагов по земле, ощутил свою привязанность к единому Богу и готовность служить только ему, жить его законами, радоваться его радостями. Православие объединило людей, как единая понятная идея объединяет в несокрушимую общность. Ждан видел это и чувствовал себя частицей той общности - сторукого существа, способного прокормить и оборонить себя. Он не помнил торжества язычества, но по наущению отца понимал, что воля, которую оно предоставляет людям, разрознит их, ввергнет в хаос. А жизнь требует движения всем миром. Движения вперед.

Пирамида из бревен указывала на языческий обряд сожжения покойного. С ним должна была уйти еще одна жизнь, как принято, молодая, нужная в непроглядной темени потустороннего мира. И это было возмутительно прежде всего. Подобрал имущество - две кривые сабельки, дубинку с шишаком от корня яблони, пару попон, путники чуть не бегом заспешили на дымок.

Их тоже разглядели, и несколько скоморохов, наигрывая на свирелях, дудках, сопелках, колотя в бубен, приплясывая, дурашливо корчась на ходу, двинулись навстречу.

Властно вскинув руку, Ждан приветствовал «артистов» на расстоянии. Спросил:

- Кто будете, люди?

- Плясуны, гудцы, сопельники, свирцы. Люди мы вольные, веселые.

Речь их была не то чтоб знакомой, но и почти родной, если не обратить внимания на некоторую певучесть, мягкие звуки гласные, да и согласные тоже.

- Бесы вы, а не люди. Эва, какие маски дьявольские.

- Не срами безвинных. Мы утешаем плачущие души весельем буйным.

- И какой же сегодня на Руси праздник?

- Провожаем к богам тутошнего наместника. Медведь его помял... Ха-ха! Наше дело - сторона. Велели - исполнили.

- А не велел ли вам князь Володимир новую веру принять? Почему вы слушаете одних и не хотите слушать других? Поди, и в бани вместе с бабами ходите?

И тут полненький штильман сбросил с головы маску. Длинные густые волосы рассыпались локонами по плечам. Пухлые губки алы, будто кораллы, гладкие щечки. Как есть - баба. Жгучая, дерзкая - вся на виду. Куда до нее Витольде, с ее-то пацаньей грудью, с холодным превосходством в глазах.

- Я бы с тобой хучь в бане, хучь в копне.

Ну чем не дьявол во плоти?!

Шутка молодки задела за живое, напомнила об изуверстве пана Корячека, о неполноценности евнуха.

- Идите с миром и не встречайтесь мне больше.

- А ты кто будешь?

- Православный христианин.

- Право-славный, так уж вроде и не человек, - это опять бесстыдница приблизилась, дохнула жаром, а в глазах глум смешливый, губы тянутся и дотянулись бы, да великоват ростом Ждан.

- Не шуткуй, скаженная.

Вдруг что-то изменилось в дурашливых минах скоморохов. Сперва взгляд построжел, потом страх появился в нем. Еще миг - и задали они стрекача, не

догнать, не «споймать». А перед Жданом нарисовалась в своей дикой красе огромная медведица. Сдается, та, что круто обошлась с наместником. Хохот «глумцов» потревожил ее детеныша, напугал, как свора собак. И она пошла выслушать извинения людей.

- Кыш, окаянный, - крикнул Ждан, не сумев распознать в звере самку. Но медведица накануне убедилась в бессилии человека, запах крови ярил ее, а в ярости все живое утрачивает осмотрительность. Как Святополк. Поднявшись на задние лапы, вытянувшись до сажени длиной, она двинулась вперед. На сближение. Морда ее оставалась благодушной, но глаза налились бешенством.

Как бывало, Ждан взмахнул дубинкой. Медведица лапой отвела удар от морды, испытала боль и осатанела совсем. С ловкостью играющего котенка она бросилась на обидчика, передоверившись длинным когтям. Он уклонился всего лишь на вершок и, перехватив палку, обрушил сзади на лобастую голову шишак из тяжелого корня. Огромная зверюга обмякла, уменьшилась в росте, неторопливо стала разворачиваться, будто раздумывая, что это было, нужно ли еще испытывать судьбу. Второй удар пришелся по переносице сбоку и прервал эти сомнения.

Вместо радости победителя Ждан почувствовал, что устал, как не уставал прежде. За время со дня побега он несколько раз впадал в состояние полного изнеможения, сделался вспыльчив, нетерпелив и неуступчив. Он и раньше встречал скоморохов, слушал их глумотворчество, часто видел в их таборах медведя, ловкого и смышленного. И теперь, упокоив вечным сном зверя, Ждан захотел взглянуть в глаза того, кто подтолкнул невинную зверину напасть на человека в чистом поле, среди ясного утра. Обостренное чувство обиды и жажда справедливости бросили его вслед резво улетающим скоморохам.

- Сыроядцы¹! - кричал он, набегаая на толпу. - Антихристы, дьяволы, исчадия ада. Не позорьте веру православную...

И еще что-то такое кричал, а скорее мысленно рвал себя, задыхаясь от нехватки воздуха.

И вдруг - будто удар толстым концом яблоневой дубины по голове и по сердцу. Удар из тех, что испытала медведица, прежде чем испустить дух. В первом ряду толпы Ждан разглядел черные сутаны схимников, черные клобуки... Два, три, пять!

«И эти, - мелькнуло в возбужденном сознании. - Как же эти тут?.. Как не поразит их гром...» Гром... Гром...

Наверное, он был грозен и даже страшен со стороны. Трое спутников, почуввав неладное, не очень спешили догнать его. А Ждан направлялся прямо на схимников, особнячком чернеющих одеждами.

- Вы!.. Вы... Как же вы... Вы предали Христа... Вы Иуды! - как боевой конь он налетел на служителей православного культа. - Вы! Вы молчите, а люди впадают в грех. И чем больше молчите, тем сильнее уверуют они в балховальство².

Возбуждение его было от недавнего столкновения с медведицей, сильной язвы, усталости и обиды, что против воли зародилась и крепла в нем. Он мог бы легко разогнать толпу своей тяжелой дубиной, но ему хотелось достучаться до сознания сородичей, хотелось не силой, а вразумительным словом вступить за веру. Разве не прощает она заблудших?

¹ Сыроядцы (др. русск.) - дикари, варвары.

² Балховальство (др. русск.) - язычество.

- Ты кто и откуда такой? Пошто осуждаешь нас? - спросил старший годами схимник с густой бородицей - такой бывает тесно на неохватной роже и она в поисках простора тянется во все стороны, как бурьян к солнцу.

- Так вин же лях, - вскричал второй, разглядев на голове Ждана зеленый фетровый «бэрэт» и на ногах кожаные «буцики». - Латинянин, а туда же.

- Кто латинянин? Я?! Я из полона иду! А вы?.. Вы-то чего?.. Отреклись от веры православной!

- Русич, знач, - уточнил разбойно бородатый. - Русич, а идешь из полона. Зазор! В сражении спину показал, а перед своими гордую ипостась являешь.

- Не обо мне речь. О вас. Остановите это зазорище, - сказал запальчиво Ждан.

- Мы здесь гости на чужом пиру.

- Все мы гости на земле. Но должны радеть за канон веры. Без веры нет спасения, нет отечества крепкого.

Тиун краем уха прислушивался к запальчивому незнакомцу. Ему не понравилась настойчивость его. А еще не понравилось, что пришлые схимники не очень решительны, даже смущены немного, уступают ретивому русичу.

Неслышно он приблизился к Ждану, сказал вкрадчиво, как змей-искуситель:

- Шел бы ты, отважный человек, домой к батюшке, женошке своей. Киселька похлебать. А нам не мешай. Мы люди решительные, неровен час, кто вспылит.

- Не обо мне печаль. О Господе Боге, которого вы предаете, Божью Мать, что покровительствует нам и защищает от напасти земной и потусторонней. Вы замахнулись высоко.

- Ну, твою мать... мы дружно...

Так родился зловещий матерок. На устах глубокого безбожника.

Ждан оглянулся на схимников. Они проглотили оскорбление своей покровительницы. Сделали вид, что не расслышали.

Но расслышали свыше, возмутились, будто испытав тычок в глаз. Небо сбросило на землю порыв ветра. Он шумно раздул огонек кострища, отвел от толпы нарастающий жар. В яркой оранжевой стихии Рарога¹ вдруг слышался Ждану девичий испуганный крик. Прашур знал языческий обряд похорон, был наслышан о жертвах для компании знатному или просто известному соплеменнику, знал, кто сопровождает их в темное царство Нияна². Широко шагнув, Ждан приблизился к кострищу, напряг слух и глаза. Ему показалось, что он видит корчу небольшого человеческого тела.

Жива! Сунули живой в огонь!

Он дотянулся до «корабля». Пламя больно ужалило руки по локоть, стегнуло по лицу - запахло опаленной бородкой. Он отпрянул, разглядел сбоку от себя рослого мужика, опрятного, властного - упаси Бог встретить на узкой дорожке. Это был тот же тиун, уже мнивший себя наместником.

- Там!.. Там живая, - выдохнул Ждан.

- Что ж не взял ее?

- Вы - нехристи! - Ждан снова сунулся между «колосняками» кострища, на ощупь пытаясь схватить тельце девушки. И тут он ощутил сзади чьи-то крепкие клещи. Они ухватили его ноги, приподняли и сильно толкнули в спину. Он упал поперек двух опаленных тел. Огонь и жар впились в него множеством стрел, бросились в горло, в бронхи. Он оттолкнулся от

¹ Рарог (др. русск.) - огненосный дух.

² Ниян - зловреднейший славянский бог.

«корабля», помня направление и границы огня, но кто-то тяжелый придержал его спину, прижимая к самой топке.

- Ходят тут всякие, а потом приезжают люди князя, чинят скорый суд, - сказал тиун, обращаясь к толпе и трем пришельцам, что только доковыляли до кострища. - Не с ним ли вы пришли?

- Не-ет! Нет!

Я почувствовал запах паленых волос и кожи, слышал, как трубный мужской голос сотрясает кострище. Клубы искр суматошно, будто вспугнутые мухи, бьются в бревенчатых колосниках.

Я продолжаю переживать эффект присутствия. Пращур остерегался обвинений в бахвальстве и отыскал превосходный способ пообщаться со мной. Сейчас это называется видеозаписями событий для суда. И я увидел дикую сцену в Дунихове, и следующую за ней. Мой Моисей не уступал в умении и мышлении библейскому прототипу.

А еще я слышу возмущенный гул людских голосов.

- Что делаешь, нехристь. Рази он не прав?

- Кто дал тебе право жизни лишать?

Спихватились робкие схимники, разинули оружие рты. Завизжали дурной скоморохи. Двое спутников Ждана обнажили сабельки:

- А ну!..

- Кто тут самый смелый?

Тиун опустил ноги в ботики. Двое приближенных мужиков выдернули из огня распухшее до блеска лицо праведного дубля¹.

- Что ж ты, зверь, наделал? - загудел громогласно борогатый схимник. - За что душу погубил?

- Душа бессмертна, - по-волчьи осклабился тиун, смешиваясь с толпой. - Это тело временно, - выкрикнул охально. - Вот и пришло ему время. Иль не так в писании сказано?

Еще живой Ждан корчился в муках, еще тлела и дымила его одежда. Огонь опалил не только кожу, но с невольным вдохом проник в легкие, остро раздирал их. Местный балий присел над пострадавшим, обжигаясь стал сдирать одежды.

- Воды принесите! - крикнул толпе. Но она уже была занята тиуном. Она била его, рвала на части, и, поди, не столько за незнакомого парня, сколь за каждодневные обиды, за ту девочку, что погубил он по капризу знатного наместника.

Похоже, я был свидетелем первого на Руси бунта, «жесточкого и беспощадного». Ему не суждено попасть в историю, но он точно срисовал характер и натуру русича и предел его терпения. Неизвестный христианин, живьем сунутый в огонь, вызвал в памяти, что и они крещеные и что все происходящее навеяно жестокостью прошлой веры.

Ох, как били, не дай бог испытать. Тиун падал, его поднимали на ноги и град крепких, как кастет кулаков сыпался со всех сторон и одновременно... Особенно упражнялись безусые хлопцы, еще не впитавшие в кровь подострастие и угодничество перед начальственным званием. Они мстили за девочку, которая могла бы украсить истопку любого из них.

Наконец, он упал в кой раз и старшие разглядели в нем окровавленный труп - не угадать, кому принадлежащий. Каким-то образом, не видя четко, я разглядел две души, что одна за другой с печальным вздохом от боли набирали скорость, поплыли в небо. Одну подхватили два полупрозрачные

¹ Дублий (др. русск.) - крепкий, сильный, доблестный.

крылатые существа, увлекли в высь лазурную быстро, ибо путь предстоял неблизкий, да и негоже, чтоб душа изверга оскверняла взор праведника.

Потом, как и накануне, зеркало вдруг покрылось дребезжащими полосами, а голос рассказчика задрожал, будто его пропустили через сильное магнитное поле.

Я забеспокоился, поднял глаза на Моисея: нельзя ли чуть продлить сеанс? Но его не оказалось за рамкой. Оперев зеркало на четыре колка для полотенец, придав ему устойчивость, пращур неслышно удалился в неизвестном направлении. Я поискал его глазами по закуткам комнаты. Напрасный труд. Был и не был. И я почему-то понял, что в следующий раз мы встретимся уже на его территории...

А когда снова вперил взор в зеркало, то увидел знакомый контур церкви с тремя конусообразными куполами, разглядел распахнутые ворота, бесовски загаженный дворик. Тут и там валялись шприцы, упаковки от чеков, от резиновых изделий, жвачки, чипсов, пива. Окна не струили живительного света. Из них гроздьями высывались безобразные рожи ведьм, колдуний, кикимор, вурдалаков и злых гномов. В дверях, как пробка в бочке, торчал расклиненный не иначе Вий. За его спиной была и другая нечесть. Я чувствовал, как она смердит, источает яд и отравляющие миазмы.

В рубленых потемневших стенах звучала - наяривала! - нерусская музыка на семи струнах и восьми барабанах: дрын-бум-бум-бум-дрын. И чей-то надрывный голос, то ли мужской, то ли женский, являл певческую несостоятельность.

Церковь, что недавно ассоциировалась в моем мозгу с Отечеством, в котором я родился и в котором никогда не закатывалось солнце, превратилась в копию нынешней страны, из языка которой выпало слово «надо» и правит бал капризное «хочу».

Святая ты моя Русь! Ты успешно отражала вооруженные орды захватчиков: литовцев, поляков, шведов, половцев, хазаров, тучи Батяга, турок, французов, англичан, американцев, наконец, много раз - немцев. Ты непобедима в открытом бою. И тогда враги купили твоих лидеров. За деньги, за погремущки для милых дам.

Господи, мелко-то как! Что за людишки выросли в кабинетах власти? Рожденные клинически тупыми, они взошли на капитанский мостик государства. И чтоб утаить невежество, сломали тот мостик, пустили на распыл, и теперь во всех частях света профанируют великую идею социализма, свободного от диких рынков, кризисов, низких нравов, мерзкого образа мышления, осознанно и планомерно творя глум на всей Руси.

ХIII

Ощущение, что мы теперь не скоро встретимся, начало реализовываться в буднях. Прошла неделя, другая. Я ждал, жаждал и снова ждал встречи, как Сафоний сын Акима Таруты, прасын Юрки Жука. Но пращур не объявлялся. Мне нетерпимо захотелось вернуть его хоть на несколько минут - чего-то, похоже, недослушал я или недопонял в будущей своей жизни. Или просто привязался к своему пращуру - что ни говори - одной крови мы: с него род мой теперь обозначен, мне его длить. И уже не так, как виделось еще недавно, а подобно тем русичам - чьего я племени.

А если поискать самому? Методом Монро, о котором рассказал однажды Костя? Вдруг получится?

Когда Реня заглянула в мой закуток, я уже приготовился ее озадачить.

- У тебя ко мне неотложное дело? - спросила та осторожно, видя мое волнение.

- Ты обедала?

- Мы с девчонками по слоеному языку съели.
- И было это на втором перерыве между лекциями, три часа назад. А я жутко есть хочу, потому как не оказалось у меня дома завтрака. Пойдем в кафешку через дорогу, перекусим по-людски.
- Кафешка была на четыре столика. Мы заняли приставленный к стенке, что на четверть увеличило наш шанс сохранить интим. Заказали салатик и крольчатину в горшочках.
- Это ж наверное долго будут готовить, - забеспокоилась Регина. Ее появление в конторе не видел начальник, и к вечеру, непременно, выговорит за отсутствие.
- С утра не заметил в родном коллективе ни одного согнутого коликкой, пышащего простудой.
- И все-таки неудобно.
- С минуту мы поболтали ни о чем, наконец, я решился:
- Ты помнишь рассказ Кости об американце Монро? - зашел издалика.
- В общих чертах.
- А там и были только общие черты: круг увлечений, мысль о влиянии телерадиоволн на живой организм, эксперимент, какой-то вибратор. Ты не помнишь, как ему удавалось вогнать себя в состояние невесомости, отделения души от тела?
- Ты бы у Кости и спросил.
- Не хочу. Именно у него не хочу. - Меня сильно царапнули Костины слова о бесприданнице. С того вечера мы стали удаляться, как встречные поезда. По моей неозвученной инициативе. Костя рассудил это, как элемент моей метаморфозы, и в новом облике я мало привлекал его.
- Вы поскандалили? - осторожно догадалась Регина.
- Мы разочаровались один в другом. Взаимно.
- Из-за чего, если не секрет?
- Разошлись во взглядах на жизнь. Помнишь, в тот достопамятный выходной он лопотал учености: «взглянуть правде в глаза, разглядеть там, не вдаваясь в социальные аспекты времени... Переоценку человека, превращение его из бойца всех фронтов в особь с индивидуальными признаками...» Говорил и вздрагивал, потому что предавал то, чем недавно жил... «Переоценка бойца в особь...» Жаль не слышал его Виктор Николаевич, юный тульский ополченец сорок первого года. Он бы высказался насчет этой переоценки... - Я лукавил, но из меня инквизиторскими клещами не вырвать было бы словцо, которое нас с Костей и разъединило: «бесприданница». Он унижал дорогого мне человека, будто бедность есть тяжкий порок.
- Но разве свобода слова не для того существует?
- Свобода слова - да! Но свобода лжи - это нечто другое. «Из бойца всех фронтов - военного и трудового, надо понимать, в индивидуальность, у которой открылась тяга к наслаждению...» Понимаешь? Народ погибает, а он живет наслаждением. Он мечтает наслаждаться до конца дней своих. Сладостен! Отступник и предатель.
- Если б он один такой был, - легко согласилась Регина. - Как бы тебе не пришлось отказаться от всех окружающих. Люди приспосабливаются к новой жизни.
- Но ты-то мне должна быть верна, нареченная! А это больше, чем все те, кого ты имела в виду, говоря об окружающих. Недавно по телеку выступал один власовец с осанкой благородного пивовара. Он такое сбрендил, что на голову не натянешь: в Отечественную войну Красная армия потеряла шестьдесят миллионов солдат убитыми и двадцать миллионов мирных жителей полегли между

красными и немцами. Вот какие плохие командиры. Какая ужасная система! Клеветник не знаком с элементарной арифметикой: шестьдесят и двадцать в сумме дают восемьдесят или половину населения страны той поры.

Другой обличитель неделю спустя договорился до мифического ужаса: в тридцатые годы Сталин сгноил в лагерях и расстрелял сто миллионов граждан страны. Как известно, за тридцатыми пошли сороковые, те самые, что по непробудной логике первого власовца лишили нас восьмидесяти миллионов жизней. Так почему же у нас до сих пор нехватка жилья?

Наш дворовый Паганель был безвинным пуделем среди пород боевых псов.

Удивительно здесь то, что никто из руководства страны не топнул ногой: имейте совесть, граждане. И получается, что власовцы лгут с одобрения высшего руководства.

Недавно прашур с небреженкой отозвался о Пугачеве. «Крови много, а какую страну хотел видеть - того не знал».

В девяностые годы такие же невежды развалили страну, а что делать дальше, того в голове не водилось. Рынок! Рынок все решит. Пригласили американских советников - «гарвардских мальчиков» с белыми воротничками. Они добились советскую экономику, обогатились сказочно и подались восвояси, опасаясь уличных беспорядков и за свой гардероб.

А Россия осталась с пугачевыми, которые как Емельян Иванович тоже не знают, что и как надо делать, выжидают, будто троечники подсказки. Чего они выжидают, зачем тянут время, которое уходит безвозвратно и мимо страны? Может они на ходу доучиваются, ищут ответ на вечный русский вопрос: что делать?

А на мир надвигается передел границ. Наши новые «партнеры» уже расчехляют ракеты, облюбовали куски российской территории...

Молоденькая официантка, из вчерашних студенток, в белой ажурной блузке, зеленой, как весенняя трава, юбочке и в кокошнике на голове, поставила перед нами салатки, горшочки с крольчатинной и овощами. Аромат специй утроил и без того зверский аппетит.

Официантка перехватила на себе мой взгляд, спросила:

- Что-нибудь еще? - И оценивающе уставилась на Регину.

- Да, пожалуйста, кофе и мороженое.

Думается, тот слоеный язык, который назвала нареченная, был съеден не сегодня. Да еще, поди, на двоих. Я тоже по лени и глупости последний раз кормился накануне, и принялся работать вилкой и ложкой, будто Стаханов отбойным молотком в день рекорда.

- Теперь можно и поговорить, - сказал, отодвигая на угол стола пустую посуду.

- А что мы делали до еды?

- То был общий фон. Теперь я хочу обсудить с тобой важную частность...

Уже две недели ко мне не приходит прашур. Думаю, не попал ли он в какую-нибудь беду.

- Ты уверен на все сто, что он приходил оттуда? - Спросила Реня, на минуту вновь посомневавшись как в первый раз после моего рассказа о прашуре. И показала на потолок.

- И что же ты решил?

- Самому поискать встречи с Моисеем.

- Затем тебе нужен опыт Монро?

- Ты у меня умница.

- Что по поводу американца говорил прашур?

- Мы не касались этой темы.

- Но о чем же вы?!

- Если честно, я пребывал во власти сильнеешего потрясения. Все хотел разузнать, как он попадает в дом на третьем этаже. Глупо! Но это факт... А он вспоминал отвагу наших предков. Далеких и близких по времени. Он обижался на нашу невнимательность к родной истории, повторял за кем-то: «Несчастлива страна, у которой нет героев». Он знал множество имен наших патриотов, и оскорблялся за клевету на них. Предок не научал, как мне вести себя, но я кожей чувствовал, что ему не глянется во мне.

- И теперь ты решил отыскать его в бесконечности и просить повторить все, что ты сказал сейчас с его слов.

- И так, и не так.

- Ты сильно разочаруешь его. Он ведь дал тебе понять своим появлением, что ты избран на благородную роль. Тебе отвели буковку в большой истории. Тебе пора засучать рукава и приниматься за дело.

Умница ты моя! Очаровательница и молодой мудрец! - подумал я о Регине.

- Если ты не забыл, Моисей сказал, что я послана тебе Небом. Я ничего не путаю?

- При этом он добавил: береги ее.

- Видимо, пришло время вступить в игру и мне.

- У тебя открылось окно в тот мир?

- Оно есть у каждого человека.

- Ого! Да ты сыплешь почти афоризмами!

- Есть много способов поправить положение в стране, - говорила между тем Регина, словно занималась изучением этого вопроса бог знает сколько времени и тайком от меня.

В опрятной девичьей головке зарождались картины прошлого и накладывались на сегодняшнее состояние нашей страны.

- Есть много способов, - продолжала она. - От уличных протестов до бунта. Но тут немедленно вспыхнет третья мировая война. Оглянись на Ближний Восток. И терроризм - бандитский прием. Он оскорбителен для думающего человека... Самый невинный способ избавить страну от предателей всех мастей - предать суду тех, кто такую перестройку в России сделал. Тогда тысячи их поклонников, как страусы, зароятся в песок, отойдут в сторону. Предатель всегда чувствует свой грех и потому труслив до неприличного. Нужно собрать в кремлевских апартаментах толковых людей, которые верят в народ, а народ - в них.

- Но это бесконечно долгий путь!

- Не надо длинной дороги бояться. Вспомни народников. Они полвека образовывали людей, по двадцать лет сидели в одиночках Шлиссельбургской крепости, некоторые легли на плаху, но история выбрала все-таки их путь. Вспомни большевиков. Они раскачивали самодержавие, пока оно не рухнуло само. Наконец, вспомни диссидентов из кабинетов власти, которые опрокинули советскую Россию. Чем не опыт? Главное - почувствовать в себе уверенность и действовать во благо Отечества. Говорят: чтобы в стране что-то изменилось к лучшему, надо начинать с себя. С тобой это - я вижу, уже произошло, - закончила она. - Таков путь к звездам, как говорили древние римляне. Я готова пройти этот путь с тобой.

Евгения КЛИНК

Евгения Клинк родилась в 1987 году в г. Барнауле. В 2009 году закончила отделение связей с общественностью АлтГУ, в 2011 - магистратуру филологического факультета АлтГУ, обучается в аспирантуре. Стихи издавались в университетских сборниках («Признание осени», «Останусь при своем»). В 2008 году стала лауреатом Пушкинской премии в области поэзии. В журнале «Алтай» впервые опубликована в 2009 году.

* * *

Снова снег, белый снег, ну а я уже было поверила
В то, что будет, как раньше. Живу от весны до весны.
Резать письма не стану, покуда семь раз не отмерила.
Я надеюсь исправить хоть что-то, пусть шансы смешны.
Снег идет за окном, но в квартире по-зимнему холодно -
Слишком много пространства мне нужно дыханьем согреть,
И не стать Маргаритой без покровительства Воланда,
Жить вполсердца, а в полную силу уже не гореть.
Тишину опустевшего дома я чувствую кожей, и
Так предательски падает снег в середине весны.
Я пыталась найти в этом что-то на смысл похожее,
Но сковал меня холод, и эти оковы прочны.

О ССОРАХ

Мы глядим на одно и то же, но по-разному видим это,
И в зависимости от взгляда даже небо меняет цвет.
Если музыка отзвучала, это значит, что песня спета,
Но ее продолженье в сердце оставляет глубокий след.
Говорят, будто разность мнений так естественна и понятна,
В споре - истина, только если не о вкусах ведется спор.
Хоть чужая душа - потемки, иногда в темноте приятно,
Если все-таки хочешь света, то давай разведем костер.
Есть в запасе искра, а дальше пусть дыхание станет ветром,
Сильным южным ночным сорангом, диким ветром, несущим зной.
Если мы перестанем спорить, в нашем маленьком мире ветхом
Будет пусто, ведь эти ссоры - проявленье любви земной.

БЫВАЕТ

*Бывает, бывает, бывает и хуже,
Бывает красиво снаружи, а внутри - нарывает.*

К. Арбенин

Бывают моменты, когда, проклиная судьбу,
Мы вдруг отвергаем пути, что предсказаны были,
Взамен выбирая, которые нам не по силе,
И смело вступаем в безумную эту борьбу.
Бывает, что мы разрушаем чужие мечты,
Чтоб души свои навсегда отучить от полетов,
Мы прячем их, словно страницы в тюрьме переплетов,
Под гнетом причинности, старости и пустоты.
Бывает, мы думаем - так будет лучше для всех,
Но это не правда - мы это отчетливо знаем,
И дальше живем - спим и дышим, творим, убиваем.
И ищем названья: вот это добро, это - грех.
Так грустно, и хочется вспомнить чужие слова:
Ведь кто-то сказал: «Да, бывает, бывает и хуже».
А мир отражается в грязной, растоптанной луже,
И в том отраженье, увы, мы заметны едва.

ПРИЮТ НЕСВЕРШЕНИЙ

Алый парус разорван и брошен пылиться в подвале,
Там так мрачно и тихо, туда не приводят мечты.
Не испиты моря, не изведаны дальние дали,
И от времени карты уже истрепались почти.
В этом стылом, промозглом подвале так много хранится:
Недосказанных мыслей, неслеланных дел череда.
В медной клетке в углу каждый день появляется птица,
Это птица надежды, которой НЕ быть никогда.
Неуслышанных просьб и простых, но не понятых истин,
Недошедших до сердца признаний бурлящий поток.
Едкий страх поражения, который нам был ненавистен,
Путь невыбранный, несуществующей жизни итог.
Иногда мы спускаемся в этот приют несвершений,
Нас влечет сюда память. И древняя, злая тоска
Лезет в сердце иглою непрошенных, страшных прозрений:
«Все НЕ верно, но ты не тревожься. Развязка близка».

DÉDICACE

Мы разные. Не так, как огонь и лед.
Нет. Скорее - как Джекилл и Хайд.
Один другого едва ли когда поймет.
В знаке «инь-ян» ты - black, а я - white.
С дня нашей встречи много прошло недель.
Все относительно... тут ты прав.
Кофе хорош, когда принесен в постель,
Камни - красивее без оправ.
Я знаю, chéri, ты никогда не спишь,
Не ждешь. Еще много разных «не».

Признайся честно, что даже ты грустишь,
Если нет света в моем окне.
Все это так. Но вместе мы есть одно,
Мы - диалектика без причин.
Мне наплевать, звучит ли это умно,
Но... Я лучше не знаю мужчин.

* * *

Мы рассовали время по карманам,
И память разложили по коробкам,
И двинулись, оглядываясь робко,
В вояж по самым экзотичным странам.
Нет, нам совсем не жаль того, что было,
И мы не строим слишком смелых планов,
Но верить хочется, что есть в запасе силы
Идти и не отстать от каравана.
Запомнить то, что суждено и снова
Забуть навек, о чем кричат страницы
Усталых книг, где умирает слово
В устах того, кто их читать боится.
Забуть о том, что все пути открыты,
И выбрать тот - единственный и верный,
И, не поняв, что карты будут биты,
Сказать себе: «А все не так уж скверно».
Густая пыль непрожитых столетий -
Чужих потерь непрошеное бремя,
А мы опять, как маленькие дети,
Вообразим, что обманули время.

ПИСЬМО МЕНТОРА

Привет, Одиссей, я надеюсь, что это письмо
Настигнет тебя посреди затянувшихся странствий.
Бросай эти глупости, знаешь, уже не смешно,
Давно ты - легенда на всем посттроянском пространстве.
Я все понимаю - дух моря, т.д. и т.п.,
Но ты, Хитроумный, ведь, право, уже не мальчишка.
Зачем было лезть на рожон на потребу толпе?
Гневить самого Посейдона - пожалуй, что слишком.
Подумай о сыне, который растет без отца,
И в доме твоём, что ни день, то раздоры и пьянки,
Я видел на днях Пенелопу - на ней нет лица!
Одной, говорят, не пристало жить честной гречанке.
Ночами плетет, а к утру распускает ковер,
Но ты ж понимаешь, что вечно не может так длиться,
В копилке надежд остается последний узор
Да призрачный шанс, что внезапно сломается спица.
Ты должен услышать, что в песнях сирен - только вой,
И лучше быть рядом, чем быть всем известным и смелым.
За этим прощаюсь. Пусть резкий, но искренне твой.
Друг Ментор. Ответа не нужно. Доказывай делом.

НОЧНОЙ ПАСОДОБЛЬ¹

Быстротечный февраль
Закружил городские сны.
Я снимаю вуаль,
Словно бремя чужой вины.

Гаснет свет. Подхожу
И упрямо смотрю в глаза,
К одному рубежу
Мы идем, оценив все «за».

Шаг. Рука на плечо.
Мир плывет и меняет суть.
Окружение - не в счет,
А по венам сочится ртуть.

Вскользь касанье спины,
Уклонение от броска,
Были шансы равны,
Но развязка теперь близка.

Отравляющий ритм
Бесконечного па в крови,
Ты еще не убит,
Но повержен, мой визави.

Шаг. Еще. Поворот
И пленительное плие.
Но упасть не дает
Беспощадное бытие.

Вновь бросок. Прямо в цель.
Ты не встанешь, того², нет.
То - последний appel³,
Пусть теперь зажигают свет.

¹ *Пасодобль* - французско-испанский танец стиля фламенко, где мужчина изображает матадора в бою с быком, дама изображает его плащ или быка, в зависимости от обстоятельств.

² *Torero* (исп.) - тореадор.

³ *Appel* (фр.) - вызов - одно из основных движений пасодобля.

Николай БАЛЫКОВ

Николай Балыков родился в 1956 году в Кемеровской области. Окончил школу в Сорокинском районе на Алтае, затем - Барнаульский учетно-кредитный техникум, отделение журналистики Иркутского госуниверситета.

Работал дворником, бухгалтером, экономистом, корреспондентом многотиражки, заведомом радиоинформации районной газеты.

Живет в Барнауле.

РАССКАЗЫ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Когда я был дошколенком, к нам, бывало, заезжал в гости дядя Вася из небольшой деревеньки в десятке километров от нашего села. В тот давний летний выходной отец с матерью протопили баньку. Все помылись.

Родители с дядей Васей отдыхали на веранде, за бутылочкой вина оживленно беседовали, вспоминали молодость, пели песни. Дядя Вася затягивал любимую:

Ни кола, ни двора,
Зипун - весь пожиток...
Эх, живи - не тужи,
Умрешь - не убыток!
Богачу - дураку
И с казной не спится;
Бобыль гол, как сокол,
Поет - веселится...

Я жару не любил, в баню пошел последним, после дяди Васи. Раздеваясь в предбаннике, на полу под лавкой увидел красивые блестящие часики с белым кожаным ремешком. Поднял, полюбовался, послушал, как тикают. Очень они мне приглянулись. Наручных часов у нас в семье ни у кого не было: не по достатку.

Помылся. Снова взял часы. Так они прилипли мне по душе, что никак не хотел с ними расставаться. Припрятал в потайное место, надеясь, что прогулявший дядя Вася о них забудет. Не сообразит, где потерял.

К счастью, я ошибался. Дядя Вася был не столь пьян, поведал родителям о пропаже. Ходили по очереди искать. Отец, мать, дядя Вася. Не нашли. Сидели, обсуждали безуспешные поиски. Кто куда заглядывал, что отодвигал, что приподнимал. Я внимательно слушал.

Дядя Вася вспоминал, что снял часы в предбаннике, должно быть, упали под скамейку. А все знали, что последним в бане был я.

Дядя Вася говорил, что часы взял я, больше никому.

Отец же, заметив, что я был поблизости и с большим интересом прислушивался к их разговорам, намеренно громко возражал:

- Нет! Колька не возьмет! Чужого он никогда не возьмет. Я никогда не брал, и он не возьмет. Я ему доверяю.

И позвал меня:

- Коль, иди-ка сюда. Сходи, посмотри. У дяди Васи часы потерялись, может быть, ты найдешь, у тебя глаза лучше видят, ты молодой.

Я сходил: «Не нашел». Уж так мне не хотелось расставаться с часиками! Надеялся, они останутся у меня. Я уж их считал почти своими.

Между тем дядя Вася настаивает: кроме меня никому взять; отец стоит на своем: «Колька не возьмет, я ему верю».

И так горячо, так убежденно говорит, что и я начинаю верить в себя.

Иду «искать» и быстро возвращаюсь.

- Ну что, нашел?

- Нашел!

- А где они были?

- Да у стенки, за половицу завалились.

Вряд ли кто поверил мне. А представление, что мы с отцом разыграли, помню всю жизнь.

ВАНИНА ДУЛЬСИНЕЯ

Ваня Боровков, полный, невысокого роста холостой мужчина с лысиной на макушке, часто приходил в один и тот же магазин известной в городе фирмы. За кассовыми аппаратами сидели девушки. Так случилось, что он все попадал к стройной блондинке с голубыми ясными глазами. Очень ему нравился ее взгляд, когда она приветливо молвила:

- Здравствуйте! Вам нужен пакет?

А тут, ближе к лету, она сменила одежду и оказалась в блузке с коротким рукавом, обнажившей ее нежные тонкие руки, и со смелым декольте, открывающим нескромному взору еще одну прелесть красавицы.

Какой бы длинной не была очередь к голубоглазой блондинке, Ваня непременно вставал сюда. Не отходил даже, если кто-нибудь из девушек восклицал:

- Проходите на свободную кассу!

Стоял твердо, как Дон Кихот, и верно шел к своей Дульсине.

Однако вдруг все изменилось. Однажды он опустил корзину с продуктами не в то место, с другой стороны кассы. Дульсинея на минутку отлучилась, и у кассы возникла очередь. Вернувшись, она взяла не Ванину корзину, а той женщины, что поставила свою правильно, с нужной стороны.

- А сейчас очередь мужчины, честно сказала эта покупательница.

И Дульсинея, сердито передернув роскошными плечами, поставила тонкими руками корзину Вани в нужное место. Не поздоровалась, как бывало обычно, а, глядя Ване в нос, неприветливо буркнула:

- Пакет?

Перекладывая продукты в сумку, Ваня вдруг почувствовал, что симпатия к голубоглазой блондинке без следа испарилась. С тех пор кассу ее он обходил стороной.

И попал как-то в очередь к невзрачной конопатой девчонке.

Однако девчонка так радостно улыбалась, шутила с покупателями, что конопушки придавали ей своеобразное очарование, и видно было: она на своем месте, чувствует себя как рыба в воде.

- Вам пакет? - улыбнулась она подошедшей девушке.

- Да, пожалуйста. А булочку не надо, - и она отложила в сторону, взятую в хлебном отделе булочку.

- Хорошо, - не моргнув глазом, согласилась кассирша.

- Булочку не надо, а дайте лучше вот эту шоколадку, - указала девушка на лежавшую у кассы стопочку «стограммовок» со скидкой по акции.

- Да, конечно, - одобрила этот выбор веселая работница, и озорно улыбувшись, добавила, - шоколадка вкуснее.

И, странное дело, слушал ее Ваня и дивился - она ему больше не казалась дурнушкой. Какая милая улыбка, и как она удачно шутит, как приветливо разговаривает! И голос такой приятный! Повезет же какому-то мужику.

И вновь, взгрустнувший было «рыцарь» обрел душевный покой. У него появилась новая Дульсинея.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Струдом найдя свободное место, Роман поставил сумки, сел, достал тоненькую книжечку. Это была фантастика. Когда бывал дома, читал что-нибудь серьезное: Достоевского, Солженицына, Бальзака, в дорогу же брал «что-то» полегче. Причем в прямом и переносном смысле. Чтобы книга не была тяжелой, не занимала лишнего места и легко читалась.

В книге говорилось о любви инопланетянки и землянина. Не было глубокой психологии, но было нечто, берущее за душу. Рассказ оставил хорошее впечатление. Минут за тридцать прочитав его, Роман осмотрелся. Людей в вагоне заметно прибавилось. Они, в основном дачники, заполнили уже и проход. Прямо перед Романом стояла худощавая утомленная женщина. Частью под впечатлением от прочитанного, частью от мысли, что за два с лишним часа еще вдоволь насидится, Роман встал рядом с женщиной и предложил ей: «Садитесь». Она, не поблагодарив (возможно, сознавая, что предложение сделано под впечатлением ее изможденного вида), села.

Вместе с Романом за ручку на спинке сиденья держался еще один мужчина. Ручки вполне хватало на двоих. Но тут за нее ухватился третий. Прикосновение его Роману показалось неприятным, и он отодвинул ладонь. Человек - это был мужчина лет сорока с полным лицом и крупным носом - еще дальше просунул руку, и она снова прижалась к руке Романа. Роман отодвинул ладонь на самый край ручки. Через несколько секунд потная рука вновь касалась руки Романа. Тогда он взялся за спинку сиденья. Настроение испортилось. И непонятно было: то ли человек не замечал, что прикосновение его не нравится, то ли делал это умышленно.

Между тем поезд шел. Дачники начали выходить. Вышла и женщина, которой Роман уступил место. Стоявшая поблизости дачница взглянула на Романа: «Вы не садитесь?»

- Нет, - ответил он. И она села. Освободилось еще несколько мест. На одно из них, что поближе к его сумкам, он сел.

Напротив оказался мужчина примерно одних с Романом лет. Черные с первой сединой волосы, черная борода, морщинки у глаз, массивные с боль-

шими стеклами очки. Загорелое лицо. На сухощавой фигуре рабочий защитного цвета не новый костюм, кирзовые сапоги. В руках газета. У ног симпатичная лохматая собачка. С кожаным ошейником, но с тоненькой неподходящей к нему веревочкой-поводком. Когда Роман сел, она основательно обнюхала его ноги и, весело взглянув ему в глаза, спокойно улеглась рядом с хозяином, видимо, довольная обследованием.

Вставая, ее хозяин взглянул на Романа. Глаза их, встретившись, задержались на долю секунды. Чем-то они заинтересовали друг друга. Стекла в очках дачника были тонкие, и выражение глаз его было прекрасно видно. Глаза были большие и добрые. Светились умом, любознательностью. Выражение спокойное, изучающее, оценивающее. Вообще приятное лицо человека интеллигентного, привычного к умственному труду. Но и не был, видимо, трагедией для него труд физический.

Дачник встал. Забросил за спину небольшой рюкзак, поднял из прохода необструганную - в сажень длиной - доску. С одного конца она была обломана. Видно, ею мыслилось забить щель в избушке, либо нужна была она для другой какой хозяйственной постройки. И эта плохонькая, с обломанным концом доска, что дачник вез из города, доска, замену которой можно было найти и где-нибудь недалеко от участка, подсказала Роману, что перед ним человек, который никогда не возьмет чужого. Будет у него мало, но будет свое. Заработанное. Нажитое честным трудом.

И так вдруг дорог стал ему этот человек, такую к нему Роман испытал симпатию, что от нахлынувших чувств у него заблестели глаза, и он отвернулся к окну.

Сошедший по ступенькам дачник опустил на землю собачку, встряхнул, поправляя, рюкзак, посмотрел в окно. Встретившись взглядом с Романом, он утвердительно, будто говоря: «Да, да», кивнул пару раз головой, и пошел к ведущей в сторону березок дорожке.

«Кивнул как старому знакомому, - подумал Роман, - а я не помню его. Наверно, мы где-то встречались. Но где?»

ГЛУПАЯ ВЫХОДКА

Всегда ли должен человек поступать умно? Случается совершить такое, что в голове не укладывается. Ну, вроде бы, глупейшая глупость! А проходит время - месяцы, годы - и безрассудством своим начинаешь гордиться, восхищаться собой: неужели я на такое способен?! Вот, к примеру, случай.

Было мне тогда немногим за двадцать. Выглядел я спортивно: высокий, подтянутый. И сам себе нравился, и девушкам некоторым тоже...

Оказался в командировке в Москве. Первый раз видел столицу, сбылась мечта - прошелся по Красной площади. Было, к счастью, много свободного времени, старался побольше увидеть. Ходил в музеи, театры. Однажды попал на вечернее представление в драмтеатр. Вошел в вестибюль, встал в очередь в раздевалку. Огляделся. Внимание привлекла девушка с меховой шубкой на руке. Светлые длинные волосы, спадающие на плечи, привлекательное характерное лицо.

Сдала шубку, взяла бинокль и отошла. Исчезла из виду. Когда раздался звонок, я снова увидел ее. Она сидела у входа в зал.

Прошел на свое место. В бинокль осмотрел декорации на сцене. Зал был еще полупустой, и мой ряд оказался почти весь свободен.

И вдруг - сюрприз: светловолосая незнакомка идет прямо ко мне. Уж не рядом ли со мной ее место? Но нет - на два сиденья левее. Прошло несколько томительных минут. Была прекрасная возможность заговорить, спросить, например, программку, но мешала извечная робость. А потом между нами сели два парня, закрипели мороженым.

Погас свет, заиграла музыка. Этот спектакль я уже видел когда-то, но игра столичных артистов мне нравилась, я увлекся.

В антракте хотел подойти к девушке, да она растворилась в массе ярких нарядов.

Представление окончилось. Зрители тепло проводили актеров и, под звуки музыки Поля Мориа, стали не спеша расходиться.

Выйти на улицу я решил, во что бы то ни стало, вместе со своей незнакомкой. К большой радости, увидел, что стоит она почти рядом со мной. Получила шубку, отошла. Быстро одевшись, я задержался у выхода. Но стоять на самом виду было неловко, и я вышагнул за двери.

Девушки долго не было. «Неужели ушла?» - с горечью спрашивал я себя. Наконец появилась. В шубке, платке. Равнодушно прошла мимо, я последовал за ней. Поравнявшись, не мудрствуя, ляпнул: «Девушка, можно Вас проводить?» - «Нет!» - по заслугам воздала она и, не взглянув на меня, прибавила шагу. Решительный отказ смутил и обескуражил меня: такого отпора я не ожидал. Растерявшись, по инерции я шел рядом. Не готов был сразу отказаться от задуманного знакомства.

Девушка между тем спустилась в метро, остановилась в ожидании поезда.

Я оказался в нескольких шагах от нее. И хотя она как будто не обращала на меня внимания, мне было неловко. Будто все смотрят на меня осуждающе.

Из туннеля шумно вынырнули полупустые вагоны подземки. Она вошла. Я - за ней. Приехали на вокзал. Купила билет на пригородный поезд, позвонила кому-то по телефону.

На меня нашло идиотское упрямство. Решил доделать начатое до конца. Взбрела нелепая мысль, будто девушка плохо обо мне подумает, если сейчас оставлю ее, не поеду с ней, словно испугался.

Вошли в электричку. Она прошла по вагону, села, видимо, не без умысла, на скамейку, где свободным было лишь одно место. Но на сиденье напротив свободное место оказалось. Незнакомка очутилась опять-таки рядом со мной, она - ближе к окну, я - к проходу.

Делая вид, что не замечает меня, она достала из сумочки книгу, раскрыла ее и начала читать. Мне казалось, она не может сосредоточиться. Хотелось, чтоб это было так. Чтобы она помнила обо мне.

Электричка меж тем убегала все дальше от города. Время от времени я искоса поглядывал на свою мучительницу. Женщины рядом живо беседовали. Она же спокойно сидела, держа в руках книгу: ни скованности, ни малейшего беспокойства. Ее красивое лицо казалось мне холодным и чужим. Но все-таки хотелось, чтобы она взглянула на меня. Я даже повторял про себя: «Ну, посмотри на меня, посмотри!»

Увы.

Так мы сидели. Таяло время, близилась полночь. А электричка бежала по Подмоскovie все дальше и дальше. Вагон постепенно пустел. Мы с девушкой остались одни на своих скамейках. Все складывалось, как нельзя лучше. Сейчас бы и заговорить. Но снова не мог решиться, даже чувствовал себя

как-то приниженно. Кроме того, невдалеке, лицом ко мне, сидел молодой усатый милиционер, бравым видом явно не стимулируя меня к действию.

Притормозила электричка. Незнакомка встала, направилась к выходу. Я был и рад, что эта глупая поездка заканчивалась, и укорял себя, что не насмелился заговорить.

Сошел вслед за ней. Хотя и подозревал, что звонила она не напрасно, и что ее будут встречать, но все-таки надеялся, что это будет не так, что я смогу ее проводить.

Надежда не сбылась. На ярко освещенной платформе ее ждали. Пожилая женщина и девушка лет шестнадцати. Тетка и двоюродная сестра, - почему-то подумалось мне.

Девушка поздоровалась с ними. Обернулась. Глаза наши встретились. Впервые за весь вечер. Не скажу точно, что выражал ее взгляд, но он мне запомнился. Ей было любопытно: кто же столь долго ее преследовал. Кажется, в этом взгляде сошлись удовлетворение увиденным и сожаление, что между нами уже все кончилось. Кончилось, не успев и начаться. Похоже, она пожалела, что ее встречают. А может быть, ей просто было жаль меня, захавшего, на ночь глядя, невесть куда?

Не знаю. Но о глупой той выходке - и сегодня - совсем не жалею.

Александр ОСТАПОВ

Александр Остапов родился в Курской области. В 1954 году окончил Курский государственный медицинский институт и в этом же году прибыл на Алтай с отрядом целинников. С тех пор работает в Белокурихе врачом-ординатором, главным врачом поликлиники, главным врачом санатория «Катунь». Кандидат медицинских наук.

Стихи печатались в газете «Алтайская правда», журналах «Алтай», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Простор».

Живет в Белокурихе.

АЛТАЙ

Седой и вечно молодой
Алтай встает передо мною
Своей красою неземною,
Своей волшебною водой.

Сошлись здесь запад и восток,
Дыханье севера и юга.
Меня встречает, будто друга,
Меж скал струящийся исток.

Как подтвержденье доброты,
Как символ радости и света.
И, кажется, он ждет ответа
И говорит со мной на «ты».

...Я помню давний разговор, -
И мне казалось - это слухи,
Что краше нет на свете гор,
И круче нет горы Белухи.

Я помню ночи у костров,
Тропу у горного аила.
И видел я: Алтай суров,
В нем слиты молодость и сила.

И не забыть
тот день и час,
Когда Алтай позвал в дорогу.
Здесь мы мужали понемногу,
Задор целинный не угас.

Гляжу на горы, не дыша,
Где тает дымка золотая.
Суров и кроток нрав Алтая,
И широка, как мир, душа.

...Шумят поля,
Цветут сады,
Сверкают брызги водопада.
А за плечами лет громада,
Свершений добрые следы.

А Я ШАГАЮ ПО СИБИРИ...

Здесь рядом - степь,
И горы рядом,
Друзья, знакомые, родня.
Встречает солнечным нарядом
Сибирь - красавица меня:

Сибирь, что матушкой зовется, -
Тобой люблюсь, не дыша.
Я знаю, песней отзовется
В моей душе твоя душа.

Светла задумчивая роща.
Сияньем горы озаря,
В степной реке лицо полощет,
Проснувшись, алая заря.

Встает Алтай в безбрежной шири
У всей планеты на виду.

А я шагаю по Сибири,
Навстречу юности иду.

Живу и радуюсь, мечтая,
Исколесив материки,
О тропах Горного Алтая,
О тихой песне у реки...

ПЕСНЯ ВЕТРА

За километром -
 километры,
Долины, горы и луга,
И это чудо - песня ветра -
Мне, как награда, дорога.

О чем мне шепчет
 ветер звонкий,
О чем тоскует и поет? -
Опять родимая сторонка
Во сне покоя не дает.

Я встречи с нею не забуду -
Минуты радости земной.
А песня ветра - ниоткуда
Летит, витает надо мной.

Расстаться с нею не посмею,
Пока живу, дышу пока:
Минувшее приходит с нею,
Зовет к себе издадека.

Зовет родимая сторонка,
Седую память теребя.
А ветер шепчет мне вдогонку,
Что помнит родина тебя.

Пути-дороги, километры,
Друзья, знакомые, родня...
И счастлив я,
 что песня ветра
Звонит сегодня для меня.

СВИНОЕ РЫЛО

Басня
Через плетень, через забор
Свинья в чужой залезла двор.
Начав серьезный разговор,
Она заметила: «В натуре,
Я буду вас учить культуре.
Как нужно в обществе общаться,

К друзьям и старшим обращаться,
Блюсти гражданские права,
Не гадить, где растет трава».
И завела визгливо речь -
Как демократию беречь.
А морду нагло и открыто
С ногами сунула в корыто.
Нужду справляя у ворот,
В чужой залезла огород,
Всем заявляя, дескать, я -
Заокеанская свинья.
И норы своей свинья открыла -
Она чужие грядки рыла
И, как ценитель красоты,
Топтала клумбы и цветы...

Читатель, приглядишься и ты,
Кто к нам сует свиное рыло?

КРАПИВА И ЛОПУХ

Басня
Затеял спор Лопух с Крапивой,
Свою подчеркивая роль:
Мол, что Крапива - эко диво!
В саду и в поле я король.
Крапива вспомнила о хаме, -
Ну как не вспомнить было тут
«Что будет, если Лопухами
Поля в России зарастут?
Откуда будут мед и пиво
И в экономике прогресс?»
Съязвила жгучая Крапива,
Свой соблюдая интерес.
Ну как не вспомнить тут о хаме,
Когда сидит на хаме хам,
Когда живем под Лопухами,
Идем за правдой к Лопухам?
Явился, будто ниоткуда,
Подсолнух в шляпе золотой,
Услышав споры-пересуды,
Замолвил спорщице: «Постой!
И спорить с вами я не буду,
Но разговор у вас пустой.
Полей цветущих вам не жалко,
Ругают вас и поделом.
О вас давно скучает свалка,
Что дурно пахнет за селом.
Самодовольна и сварлива,
Притихла жгучая Крапива.
И замолчал, к народу глух,
На свалку брошенный Лопух.

**СНЯТСЯ ВНОВЬ
РОДНЫЕ ЛИЦА**

Снятся мне родные лица -
В стольном городе родня.
Внук трезвонит, что столица
Ждет по-прежнему меня.

Что живу я одиноко,
Без присмотра, - вот те на!
Но глядит, как божье око,
По ночам в окно луна.

Что теперь не любят старых,
По «мобиле» мне сказал.
... Помню детство, как на нарах
Я в Дахау замерзал.

Помню трупы в буераке,
Смерть кругом, кругом беда,
Как в простуженном бараке
Донимали холода.

Помню: узники, как тени,
Но спасало - я был мал,
Как озябшие колени
К подбородку прижимал.

Не забудутся до гроба
Плач и кашель в тишине.
И концлагерная роба
Смертным саваном на мне.

Не боюсь январской стыни, -
Мне простуда - нипочем.
... Почему-то сплю и ныне
Я, свернувшись калачом.

Снятся вновь родные лица,
Вспоминается родня.
Внук трезвонит, что столица
Ждет по-прежнему меня.

ЗЕМЛЯНЕ

Только солнышко глянет,
Я спешу в огород.
Мы по жизни - земляне -
Работающий народ.

Здесь - знакомые лица,
Каждый кустик - родня.
А родная земля
Не покинет меня.

Как умом ни раскину -
Мне она дорога.
Нежным взглядом окину,
Заливные луга.

И родную деревню -
Тень минувших веков.
И над церковью древней
Хоровод облаков.

В непролазном бурьяне
Постою у ворот.
Мы, в натуре, земляне -
Приземленный народ.

Вот по этой полянке,
Все круша на ходу,
Шли фашистские танки
В сорок первом году.

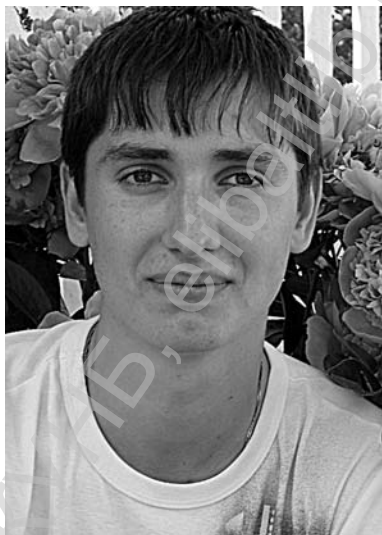
Фронт кровавился рядом,
Лес окутала мгла.
От осколков снарядов
Нас земля берегла.

Голод, холод, невзгоды
Не прошли стороной.
И минувшие годы
Неразлучны со мной.

Жизнь не песней звучала:
Тот оплеван, тот бит...
Не отсюда ль начало
Межпланетных орбит...

Алексей КАРЕЛИН

Алексей Карелин родился в 1990 году в с. Митьковка Брянской области. Закончил политехнический колледж, поступил на заочное отделение технического университета. Писать начал рано и успешно: уже в 2011 году молодой автор стал лауреатом премии им. П.Л. Проскурина.

В журнале «Алтай» публикуется впервые.

«СОВСЕМ СОВЕСТЬ ПОТЕРЯЛИ»

Р а с с к а з

Будильник... Утро...

Жанна широко зевнула. Муж уехал на работу, так что можно не сковывать себя в движениях: потянуться, раскинуться во всю ширь кровати.

Ну, все, в бой.

Жанна побрела в ванную. Шум воды, шуршание зубной щетки. Бодрая и посвежевшая, она заметалась по дому.

Приготовить завтрак для дочери. Перекусить самой. Привести себя в порядок. Не забыть зайти на почту - оплатить коммунальные. Оля любит сухой омлет. Кофе с молоком, три ложки сахара. Включить «Утро России»: надо знать, что творится в мире. Почти семь. Пора будить.

Жанна прокралась в детскую. Олечка спала, приоткрыв ротик. Лицо чистое, как роса, гладкое, как атлас. А вот у Жанны уже появились мимические морщинки... Даже чуть завидно. И какой сон безмятежный. Ни бытовые проблемы, ни думы о завтрашнем дне не отягощают его. Невольно захотелось самой стать маленькой девочкой.

Жанна смахнула наваждение и ласково позвала:

- Оля. Оля, проснись.

Дочь лишь простонала. Жанна легонько потрусила за плечо.

- Оля, вставай, опоздаем.

Девочка приподнялась, часто заморгала и удивленно уставилась на мать.

- Уже? - разочаровалась Оля.

- Давай, давай. Завтрак на столе.

Жанна чмокнула дочь в лобик и улыбнулась. Ребенок должен вставать с хорошим настроением, иначе весь день не заладится. Помогла дочери одеться и отправила на кухню. Пока девочка завтракала, Жанна сменила ночную сорочку на деловой костюм.

- Спасибо! - крикнула Оля, проглотив последний кусочек бутерброда.

- Поела? Не забудь почистить зубки.

Когда Оля покончила с утренним туалетом, Жанна усадила ее перед зеркалом. Такие роскошные густые волосы, как у Оли, следовало беречь и расчесывать каждый день. Жанна не могла на них насмотреться и всегда нахваливала. Тогда у Оли на пухлых щеках проступали ямочки, а по прихожей разлетался звонкий смех.

- Сиди смирно, егоза. Вот, молодец, - приговаривала Жанна и поглядывала на настенные часы. Ровно в семь часов мать и дочь вышли из квартиры. Зазвенели ключи, застучали каблуки.

- Осторожно, не упади, - пыталась унять ребенка Жанна.

Лестница - не место для резвости и баловства. Чуть оступился, и можешь стать калекой или вовсе отойти к праотцам. Особенно когда подъезд не освещается.

В потемках Жанна нащупала кнопку домофона. Дверь открылась, запищала.

- Давай руку. Оля, не балуйся.

Во дворе царили серые сумерки, но Жанна успела вовремя заметить то ли алкаша, то ли бомжа. Он спал между стеной и автомобилем одного из жильцов. Жанна ахнула, резко дернула дочь к себе, ускорила шаг.

- Мама, мама, там кто-то спит! - рвалась девочка назад.

- Совсем совесть потеряли! - резко вырвалось у Жанны.

Лоб прорезала черта, глаза ожесточились.

- Запомни, Оля, никогда, слышишь, никогда, не заговаривай с пьяными людьми.

- С кем?

Оля перестала сопротивляться и приготовилась слушать.

- Это такие люди, которые пьют всякую гадость, теряют контроль над собой и становятся опасными для себя и окружающих.

- А как можно быть опасным самому себе? - Оля округлила глаза.

- Можно. Если не понимаешь, что творишь. Запомни: пьяных обходить стороной!

- Ладно, мамочка. А почему мы бежим?

Девочка и в самом деле не успевала переставлять ножки: так быстро шла Жанна.

- Извини, доченька, - спохватилась та и замедлила темп.

Только Жанна начала оттаивать, как на автобусной остановке жизнь подкинула новый повод для раздражения.

- Молодой человек, могли бы вы не курить. Тут ребенок, - попросила Жанна вихрастого парня класса, может, девятого-десятого.

- И что? - искренне удивился тот. - Курю я, а не она.

- А вы на уроках не спите. Своим дымом вы травите нас больше, чем себя.

- Ое-ей. А вы что, на мышках опыты ставили?

- Ты как разговариваешь со старшими? Чему вас в школе учат?

- Ну все, понеслась... - сказал парень обреченно. - Бросаю, бросаю. Вот, видите. Хоп.

Парень притоптал окурок и соорудил гримасу, мол, какие претензии.

- Спасибо. Того гляди из вас и человек выйдет.

Гордо вскинув голову, Жанна потащила Олю в подошедший автобус.

- Мама, а почему ты накричала на мальчика?

- И на тебя накричу, да еще и отшлепаю, если начнешь курить.

- Курить?

- Курильщики - это такие безвольные люди, которые боятся быть личностью. Ты хочешь быть яркой звездочкой или потухшей?

Девочка улыбнулась и ответила:

- Яркой. Они красивые.

- Запомни: яркой звездочке незачем маскироваться под окружающих, оттого светить ярче она не станет.

В детском саду Жанна сказала еще несколько напутственных слов, попросила воспитательницу следить за Олечкой. Словом, никак не хотела расставаться.

- Не беспокойтесь, все будет хорошо. Как обычно, - с натянутой улыбкой заверяла нянечка.

- Мам, ты на работу не опаздываешь?

Только тут Жанна опомнилась, чмокнула дочь в щечку, еще раз попросила няню не давать Олю в обиду и помчалась к остановке.

Работала Жанна в районной больнице терапевтом. Недостатка в пациентах не было никогда, потому домой Жанна возвращалась выжатой, как лимон. Немалочисленные больные старались попасть на прием к хорошему доктору, и очередь у кабинета Жанны всегда превосходила очередь напротив, ко второму терапевту.

Уже с раннего утра Жанну ждали человек пятнадцать. Пожилые и не очень женщины сидели на приставленных к стене стульях и тихо обсуждали болячки да семейные неурядицы. Появление Жанны вызвало оживление. Большинство пациентов пришли далеко не в первый раз и отлично ее знали.

- Доброе утро, Жанночка.

- Утро доброе, Жанна Владимировна!

- Какая вы сегодня красивая.

- Здравствуйте!

- Ой, спасительница пришла!

Жанна со всеми приветливо поздоровалась, скрылась за дверью. Через пять минут выглянула и с оптимистичной ноткой спросила:

- Кто первый?

Из очереди к другому терапевту посмотрели с завистью. Их доктор хоть и пришел раньше, но принимать не торопился. Пока выпьет чаю, обсудит с подругой свежие новости...

Первой пациенткой Жанны оказалась восьмидесятилетняя пенсионерка с бронхитом. Пожилые Жанну любили. Кто еще выслушает так внимательно выжившую из ума бабку?

- И что же вы так запустили? - заключила Жанна, прослушав легкие больной. - Такая крепкая женщина, а врачей боитесь.

- Да ноги уже не те, милая, - оправдывалась старушка. - Лишний раз стараюсь не бить их.

- Со здоровьем не шутят. Медосмотр лишним не бывает.

- Ну, не ругайся, не ругайся. Что мне тут осталось? Днем раньше, днем позже.

- А вот и буду. Вы думаете, старая? Нет, сегодня в «Утро России» показывали деда. Сто двенадцать лет! Так что жить вам еще и жить. Если не будете забывать следить за здоровьем.

Рабочий день начался. Один пациент сменял другого и, казалось, нет им конца.

- Ой, бабушка, давайте помогу раздеться.

- Спасибо, внученька.

- Ну, дышите.

...Нет, нет, это сыну не давайте. Кто вам посоветовал? Это сильное лекарство. Угробите иммунитет. У него ведь трахеи воспалены, даже вглубь не проникло. Вот, наше. И действенное, и дешевое.

- Вы ведь не больны.

- Понимаете, вчера-позавчера провалялся с высокой температурой. Под сорок. Отравился, наверное.

- Но теперь-то вы здоровы.

- Да, но на работе без справки не поверят, что болел...

- Ну, ладно, уговорили.

- Спасибо большое, здоровья вам на век.

Голоса смешались и превратились в жужжание внутри головы. Тело мле-ло, но Жанна не сдавалась. Лишь в кабинет ступала нога пациента, уста-лость сходила с лица, и посетителя встречала добродушная улыбка.

На обеде Жанна немного передохнула, напилась новыми силами. Не хо-телось возвращаться на рабочее место, но людям нужна ее помощь. Встре-тили Жанну радостно, даже подкололи:

- Минута в минуту. За углом поджидали?

Из очереди напротив вздохнули, кто-то посмотрел на часы, заворчали. Их доктор с обеда еще не пришел.

Жанна уселась в кресло, собралась и крикнула:

- Заходите!

Потянулась новая вереница лиц. Жалобы, страдания, переживания - море негатива. Если каждому сопереживать, спиться недолго. Быть может, пото-му большинство коллег Жанны напоминали бездушные механизмы?

Наконец, рабочий день закончился. Жанна вышла в коридор - никого. Только у кабинета напротив устало накидывают верхнюю одежду старушка с женщиной.

- Весь день гуляла, а как уходить, так первая ускользнула, - возмущалась женщина.

Старушка только охнула. Морщинистое лицо съежилось еще больше от какой-то внутренней боли.

- А вы-то как, завтра приедете, Марь Иванна?

- Ох, не знаю, голубушка, если ноги доведут.

Жанна помассировала виски, в которые гулко стучалась кровь, и вежливо окликнула пенсионерку:

- Бабушка, давайте я вас приму. Потом вы, женщина.

Пришлось несколько задержаться. Зато в груди теплилось благородное чувство выполненного долга.

Жанна быстро переоделась, закрыла кабинет, сбежала на первый этаж, выскочила на улицу и шумно вдохнула свежий воздух. Полные легкие. Птичка вырвалась из клетки.

В автобусе, благо, пришлось стоять: все места заняли студенты, - не то б уснула и проехала детский сад.

Олечку вернули живую и невредимую. Жанна поблагодарила нянечку и пошла с дочерью к остановке. Оля весело тараторила, описывала события прошедшего дня. Жанна старалась слушать и улыбаться, порой задавала во-просы, на самом же деле более всего хотелось тишины и покоя.

Хорошо, до дома ехать не так далеко. Там полчаса отдохнуть, и за пли-ту - готовить ужин. Ага, еще на почту зайти. Позвонить маме. Хлеб, навер-ное, надо купить...

- Мам, ты меня слушаешь? - спросила Оля, дергая за руку.

- Что? Да, доченька.

До дома доехали без происшествий, а вот во дворе ждал сюрприз. У подъезда стояла машина «скорой помощи»...

С высоты энного этажа человек уже не кажется венцом природы, тем более ее хозяином. Начинаешь понимать и Бога. Какое ему дело до мелюзги?

- Антон, ты где витаешь?

- Я тут, Борис Николаевич, я тут.

- Ты - отличный сотрудник, Антон, надежда нашей компании, но уж больно много куришь.

Антон искоса взглянул на шефа. Лысый пузан в очках хочет прочесть лекцию о здоровом образе жизни? Чья бы корова мычала. Седалище в кресло едва помещается.

- Пойми меня правильно, Антон. Я забочусь о тебе. Подумай, сколько денег ты бы сэкономил, если бы не тратил их на сигареты.

- Вы платите мне достаточно, чтобы я мог не экономить.

- Брось хотя бы кофе. Посадишь ведь сердце.

- Ну уж нет. Кофе - не водка. Почему бы и не пить. Оно бодрит. Вы же хотите, чтобы я успел подготовить презентацию?

- Я смотрю далеко вперед. И вижу тебя в будущем неврастеником.

- Уж спасибо, Борис Николаевич.

Неврастеником... Почему-то вспомнился утренний разговор. Черт, да если бы не сигареты, Антон уже был бы неврастеником. Соизволь-ка оставаться всегда на высоте. Менеджеров - орава. Каждый жаждет заслужить внимание шефа, спихнуть Антона с пьедестала.

Антон выпустил струю дыма, посмотрел мечтательно на звезды. Когда-то он хотел стать космонавтом...

Пальцы обожгло. Антон ругнулся, уронив окурочок. Тлеющий огрызок ударился о край балкона, совершил несколько пируэтов и слился с темнотой внизу.

Антон оглянулся. Из глубины комнаты манила синева. Ноутбук исчерпал время автономной работы, пришлось переместиться из спальни в гостиную. Там розетка была рядом с диваном.

«Работать, работать и еще раз работать», - подумал Антон. Презентация должна быть не просто готова к утру. Шеф надеется, что она поразит инвесторов. Настолько, что затмит все успехи конкурентов.

- С этим справишься только ты, - сказал несколькими днями ранее шеф. - Только ты умеешь договариваться. Ты - чистый креатив. Не подведи.

Да, конечно, Антон - волшебник. Впервой что ли исполнять обязанности мага? Ха.

Антон подошел к ноутбуку. Хмыкнул. Развалился на диване и уставился в дисплей. Так Антон сидел несколько минут. Вдруг подскочил и углубился в работу.

Вынырнул из компьютера только через два часа. Как полагается, всплывшему, глубоко вздохнул. Веки смыкались, а в голове шумело - признак того, что пора вызывать подкрепление.

Вскоре гостиную наполнил аромат кофе. Вместе с кружкой Антон вышел на балкон, закурил. Звуки ночного города, ласкающий прохладный ветерок действовали, как медитация.

В голове прояснилось, сон чуть отступил. Антон стрельнул «бычком», вернулся в гостиную, выпил еще кружку кофе и продолжил работать.

Кофе. Сигареты. Ноутбук. Вот друзья Антона на эту ночь. Как переменная в зацикленной программе, Антон совершал одни и те же действия. Без конца. Нижние веки будто кто-то стягивал в гармошку. В глазах резало и сушило. В груди возмущенно бухало. Но... Кофе, сигареты, ноутбук.

За окном посветлело. Блеклый цвет тлена сменило алое торжество. Антон равнодушно посмотрел на балкон, на часы, на дисплей. Отхлебнул кофе. Стряхнул с сигареты пепел в крышку от майонеза. Несколько ударов по клавишам, щелчков мышью и - готово. Он это сделал!

Оставалось заправиться под завязку кофе или энергетиком, чтобы не срамиться перед инвесторами. Сейчас Антон вести увлекательную беседу способен не был.

Последняя сигарета... Надо будет остановиться у киосков, купить пачку.

Пропустив пару тяг, Антон взял из холодильника банку энергетика и осушил наполовину.

Душем привел себя в порядок, собрал вещи, переоделся, поглядел в зеркало - красавец! Ноутбук, портфель, пожелать себе удачи. С Богом!

Антон запер квартиру, сбежал во двор. Выключил сигнализацию - машина в ответ выкрикнула приветствие. Бросил вещи на заднее сиденье, хлопнул дверкой.

Куда летит? Аж пот выступил. Притормозить. Ничего не забыл? Переходник! Как же он презентацию собрался показывать?

Вихрем взлетел на пятый этаж, поморщился от укола в сердце. Забежал в гостиную, схватил usb-переходник, на миг остановился. Навалилась слабость, на секунду в глазах потемнело. Ох уж эти бессонные ночи! Антон решил, что следует перестраховаться, и допил энергетик.

Выскочил на лестничную площадку, чуть не забыл запереть квартиру. Выбежал во двор, схватился за дверцу машины и... согнулся. Сердце стучало басом, пыталось вырваться из тисков. Иглы одна за другой впивались в мятежника. Антон стиснул зубы и завалился наземь. Сердце поначалу боролось, но со временем силы иссякали.

- Мама, мама, там кто-то спит? - рвалась девочка назад в то утро.

- Совсем совесть потеряли!

А... сердце Антона продолжало биться после еще два часа...

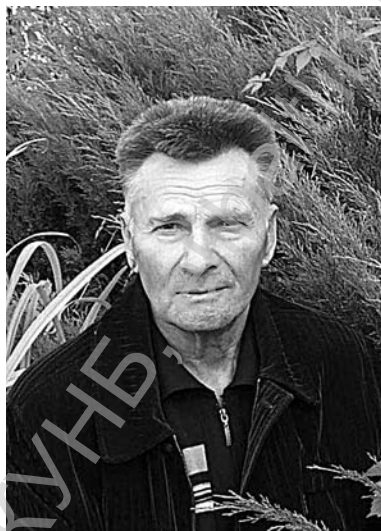

Владимир КОСАРЕЦКИЙ

Владимир Косарецкий родился в 1937 году в Донецкой области. В 1961 году после службы в армии приехал на Алтай. Работал механизатором на полях Романовского и Павловского районов. В 1967 году стал сотрудником павловской районной газеты «Новая жизнь», в которой проработал 30 лет.

Первые стихи опубликовал в 1961 году. Автор поэтических сборников «На перевале», «Дым Отечества», «Зеркало судьбы», «Сердце на ладони» и других.

Живет в Павловске.

* * *

Нет победы, где есть
Поражение,
А любви не бывает
Без мук.

Не отложит вулкан
Изверженья -
Будь хоть лес
Протестующих рук.

Без богатых бомжей
Не бывает.

Рядом с медом
Соседствует яд.
Кроха - пчелка везде
Успевает,
Ибо трутни на шее
Сидят.

Без людей не бывает
Погостов.

Правдолюбы никчемны
Без врак.
И не брак ли
Предшествовал ГОСТу,
А хирургу-онкологу -
Рак?

Надоело считать
Параллели.
Зазнобило, аж тянет
К костру.

Что-то громко мы
Песни запели.
Чересчур. Хорошо бы
К добру...

ПОКОЙНОЙ МАМЕ

Утро вечера мудренее -
Золотые твои слова.
С ними я становлюсь
сильнее.
Ярче день, зеленой трава.

Промелькнула звезда
над крышей.
Чья душа догорела в ней?
Думок - тьма, да уже
не слышу:
«Утро вечера мудреней»,

Годы-годики, сердце-ходики.
Их ресурс до смешного мал.
Слышу тикают, только
вроде как
Пуще маятник захромал.

Работенка, видать, несладкая -
Взлет, паденье и снова взлет.
Подмигну я себе украдкою:
«Сердце бьется - душа живет»...

ЗВУЧАНИЕ ТИШИНЫ

Звучанье тишины,
Бессонниц вереница,
И в комнате, как сны,
Плывут покойных лица.

Вот папино лицо,
Вслед мамино проходит.
Вот скрипнуло крыльцо,
И старший брат заходит.

И ветхий пол скрипит,
Зашевелилось кресло,
И самовар сопит -
Все мертвое воскресло.

Ты примешься ворчать,
Галиматью, мол, пишешь:
«Как может тишь звучать?»
А поживешь - услышишь...

ЯСНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Парящий в небе коршун -
Как соринка.
На глаз прикинешь -
Бабочка - крупней.
И кланяется в пояс мне
Былинка,
Чтоб уделил внимание и ей.

Вознагражден такой
Завидной ролью,
Былинку ту приветствую
Кивком,
В цветенье буйном гречневое
Поле,
Облитое цветочным молоком.

Мне шалый ветер чуб
Перебирает.
Подсяду к свежесметанной
Копне.
Кто не видал еще земного рая,
Бросай дела - и мухою ко мне.

Со мной в обнимку этот
Полдень ясный.
Не ревновать, ревнивые друзья!
«Остановись, мгновенье!»
Ты прекрасно» -
Как древний классик,
Восклицаю я.

9*

* * *

А. Зайцеву

Странно, мой друг, но, бывает,
Потянет в тайгу.
Неодолимо, как в синее
Небо пилота.
Странно, но стонет душа
По ночлегу в стогу
Да по луне над уснувшим
Утиным болотом.

Ты ухмыльнешься: «Охота
Кормить комаров?
Вон телевизор и все атрибуты
Комфорта».
Я ж сиротею без песен
Осенних ветров.
Есть в их напеве, приятель,
Щемящее что-то.

Странно. Грущу по картошке,
Печенной в золе,
А не по той, по-домашнему
Жареной-пареной.
Снятся поныне березовый
Сок на столе
Да незабудок букетик,
Судьбою подаренный.

Ах, незабудка, цветок
Синеокого дня!
Есть в нем, ей-ей, от души
От есенинской что-то.
Я терпелив. Пусть подольше
Пытает меня,
Словно небесная синь
Отставного пилота.

* * *

Ветер жизни пока еще
Дует
В мой потрепанный
Парус души:
Сочиняю стихи на ходу я
В пику голосу «брось, не пиши».

Выявляю фальшивые ноты,
Выдворяю слова-сорняки.
Изорвал половину блокнота
И пустил по течению реки.

Сыт по горло я мненьем
 Расхожим,
 Что успех молодым
 По плечу.
 Но как быть, если просто
 Проходим
 В этой жизни я быть
 Не хочу?

МЫСЛИ ВСЛУХ

Шукшин - ум, честь и совесть эпохи.
 Оценка критиков

То ли вправду грядет конец света?
 Что-то люд неестественно злой.
 Заврались и эфир, и газеты,
 Даже адской пахнуло смолой.

Новый век в полицейских погонах,
 Адаптируйся, кто не привык.

Преблатным нашпигован
 жаргоном
 Превеликий наш русский язык.

Дьявол киллеру руку ласкает -
 С криминалом ему по пути.
 Видит бог, даже совесть людская
 Словом матерным стала почти.

Пропаганда вина и разврата
 Королевой вошла в бытие.
 Лоб разбей - не найти
 виноватых,

То ли рынок диктует свое?

Потому перед будущей тризной
 Оглашаю я просьбу одну:
 Господа, не продайте отчизну!
 Что мы скажем, придя
 к Шукшину?

Александр КРАМЕР

Александр Крамер родился в Харькове. Окончил политехнический институт, работал на заводе. В Харькове появились и несколько первых публикаций. В 1998 году переехал в Германию и почти сразу стал публиковаться в русскоязычных журналах разных стран, в том числе в России, Украине, Канаде, Германии, США.

Ч А Ш К А

Р а с с к а з

1

Кто, почему и когда назвал ее Чашкой, наверно, теперь уже не узнает никто. Ну, Чашка - и Чашка, и бог с ним. Чашка была обычной дворнягой, но невероятного рыжего цвета. Казалось, жаркое пламя примчалось к вашим ногам и улеглось беспокойным веселым живым костром. А еще была Чашка доброй, ласковой и ... деликатной, если так можно, конечно, сказать о собаке. Деликатность эта особенно проявлялась в еде. Во-первых, Чашка, в отличие от своих сородичей, в жизни не выпрашивала подачку; и, во-вторых, никогда не набрасывалась на еду тут же, как бы ни была голодна; возьмет аккуратно косточку, отнесет в укромное место, потом обязательно прибежит весело твякнуть «спасибо» и повилять жарким хвостиком, в знак благодарности, а только потом уже окончательно отправляется есть.

Может, за огненный цвет, а может, за добрый нрав, прижилась она в гараже пожарной команды - на радость суровым мужчинам и всей детворе в округе.

2

Снег перестал идти утром. Тучи рассеялись и вышло бледное солнце. Чашка лежала возле ворот гаража на снежном искристом снегу, как огромный пушистый солнечный зайчик, и нежилась тихо на холодном утреннем солнышке. Добрая ее морда и гибкий огненный хвост выражали полное и всеобъемлющее довольство. Симпатичные улыбки, вспыхивающие при виде ее на лицах редких прохожих, говорили о том, что лежит она здесь не напрасно и утро проходит не зря. А еще, вот-вот должны были выйти на улицу дети - и тогда жизнь окончательно наполнится счастьем...

3

Уже второй день старую нищенку душил изнуряющий кашель. Он налетал приступами, сгибая ее пополам, и потом отпускал внезапно; и так целый день. Вчера из-за этого она не пошла к церкви Святого Павла, где всегда попрошайничала, а сегодня с утра не могла никак встать и теперь опоздала; ее постоянное место, почти возле самой паперти, где лучше всего подавали, уже оказалось занятым. Она попыталась было орать и скандалить, в надежде место вернуть, и тогда темноглазый высокий и крепкий старик молча взял ее за плечо и вывел вон, за ограду. Было холодно. Снег и солнце назойливо лезли в глаза. Нищенка шла вся сгорбившись, тяжело опираясь на суковатую палку и чуть не по земле волоча грязную дерматиновую кошелку, в которой таскала все, что удавалось добыть. Временами ее снова и снова гнул в три погибели кашель, тогда она ставила палку перед собой, наваливалась на нее всей грудью и так перемогала приступ, а потом громко отхаркивалась и, сплевывая, шла дальше.

Когда рыжая веселая псина подбежала к нищенке, старуху разбил новый приступ. Она прочно оперлась на палку и зашлась вся в лающем хриплом кашле, глубоко нагнув голову и сотрясаясь всем телом. Пока нищенка кашляла, Чашка сидела и внимательно смотрела старухе в лицо, задрав морду и поджав виновато хвост. Чашка была доброй собакой и, наверное, ей стало жалко грязную и больную старуху. Может быть, она хотела как-то выразить старухе свое участие; а может быть, даже хотела с ней поделиться своим сегодняшним чистым собачьим счастьем... Поэтому, когда старухин кашель утих, Чашка принялась весело прыгать вокруг нее и залиисто лаять, замечательно виляя хвостиком. Потом она стала носиться и дергать старухину сумку. Потом... Нищенка вдруг подняла свою палку и что было сил саданула ею Чашку по морде. Чашка взвизгнула и, не помня себя от боли, кинулась прочь, на дорогу. Казалось, на весь огромный квартал слышен был визг тормозов и жуткий, несмолкаемый вой изувеченного животного.

Нищенка в последний раз харкнула, утерлась ладонью и, ссутулясь, поплелась восвояси, равнодушная ко всему и ко всем, даже к себе самой.

4

Фаустов был мужиком настырным и принципиальным; жестким, но не жестоким, не злым, зла в нем не было вовсе, одни только твердые принципы; но за это его не любили; и сам себя Фаустов временами тоже не очень-то жаловал, но поделаться с собой ничего так за сорок лет и не смог. Да и кто, и за что станет жаловать зануду и трезвенника, чуть не святошу? Женщины, что понапористей, быстро его спроваживали, куда подальше. Женщины попокладистей - сами соскакивали с подножки, почитая за лучшее поискать себе новых попутчиков. А мужчины - те просто старались загодя убраться куда-нибудь в сторону, чтоб не попасть ненароком в какую-нибудь передрягу: больной - он и есть больной, какой с него спрос, да ну его, от греха! Оттого он, как видно, все время и шел по дороге один.

Но Фаустов не обижался. Стерпелся, привык, приспособился... Иногда, правда, сильно болела душа, но сжился и с этим. Малыми радостями, словно большими, перемогался.

Уже несколько дней, как ныло что-то внутри, болело, нудило... В общем, было хреново. Больничный при этой болезни врачи не дают и рецепт не выписывают. И тогда вдруг пришла ему в голову мысль побывать в тех краях, где жила огнешерстная псина.

Однажды, год с лишком назад, когда его так же, как и сейчас, терзала тоска, и он целыми днями шатался по городу, не находя себе места, тогда в первый раз и набрел он на дворнягу по имени Чашка, и в тот раз отпустило. Сразу почти что!

Он и подумал, что, может быть, снова сможет подлечиться с помощью Чашки. Доброта, пускай и собачья, - ну чем не лекарство? Он был почти что уверен, что нашел-таки правильный путь к излечению, что недолго совсем и все снова будет «путем». А о том, что случилось зимой, он, конечно, не знал. Да откуда б мог знать!

И сегодня с утра, в воскресенье, Фаустов встал с единственной мыслью: «Наведаться к Чашке». На скорую руку позавтракал и стал собираться. Он, когда колбасу еще резал, начал вдруг внутренне улыбаться, скупое еще, неуверенно, но улыбаться, представляя, как увидит он Чашку и как будет потом кормить огнецветную добрую псину. А когда закрывал ключом дверь, был убежден совершенно, что все будет отлично, на пять, а, может быть, и на пять с плюсом.

5

Весна была поздней и робкой. Снег сходил медленно и неохотно. Весь апрель было сыро и холодно, и лишь к концу мая стало жарко и сухо. И Фаустов тоже согрелся под утренним солнцем и, предвкушая скорую встречу, теперь улыбался по-настоящему. Пусть несмело пока еще, но уже по-настоящему!

Он увидел ее еще издали. Этот цвет ни с чем в мире нельзя было спутать! Ну конечно же, Чашка! Но она как-то странно, как-то не так лежала у ручейка, вытекавшего из ворот пожарки, положив грустно голову на передние лапы и, казалось, спала. Фаустов подошел совсем близко, присел на корточки и тихо позвал: «Чашка, Чашка». Собака неспешно подняла к нему равнодушную грустную морду, как будто ждала, когда он отстанет и пойдет себе дальше. Но Фаустов слишком сильно хотел этой встречи, слишком многого ждал от нее и был не намерен сдаваться. Он порылся в кармане куртки, достал колбасу, выложил ее всю на асфальт, взял кусок и стал настойчиво тыкать им Чашке под нос, приговаривая при этом: «Ешь, Чашка, ешь, ну чего ты морду воротишь. Смотри, колбаса какая. Свежая, то что надо». Продолжалось это недолго. Одним гибким движением Чашка вдруг поднялась на передние лапы и, как циркачка, не спеша пошла к гаражу, и задние лапы ее бессильно болтались вдоль тела. А куски колбасы так и остались нетронутыми лежать на асфальте.

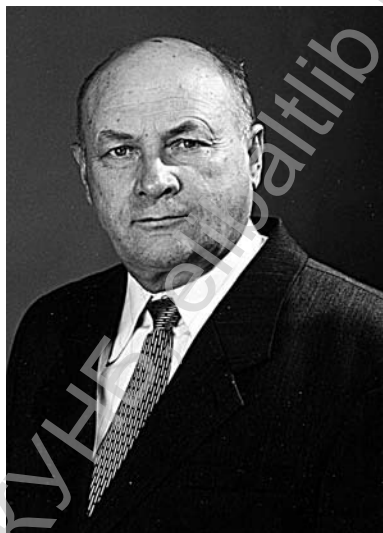
Кровь вдруг бешено ударила Фаустову в голову, он стал жарко-пунцовым; казалось, его сейчас хватит удар. Но он сумел быстро взять себя в руки, чуть не бегом догнал уходящую Чашку, поднял ее на руки, прижал крепко-крепко к груди, и от жуткой внезапной взвинченности напроочь забыв про транспорт, понесся домой. Чтоб разжечь в доме жаркий огонь. Чтобы в доме было тепло.

Юрий МАЛЫХ

Юрий Малых родился в 1937 году в г. Мичуринске Тамбовской области. Окончил Новосибирский институт водного транспорта по специальности «инженер-судомеханик». С 1960 по 2000 гг. работал в г. Барнауле. Награжден несколькими медалями и знаком «Почетный работник речного флота».

Живет в Барнауле.

* * *

Днем из подворотен
юркими ручьями
Ворковали губы
солнечной весны.

Мне сулили счастье
сладкими речами.
Делал вид - не слышу.
Думал, что пусты.

Зимушка, нагрыв, выла и трещала -
Птицы замерзали,
пряталось зверье.
Слезы и потери,
боли предвещала.

Делал вид - не вижу
лютую ее.

Тянется дорога -
даль сменяют дали.

Той весны посулы,
надо же, сбылись.

Зимние предвестья
тоже оправдались.

Первые с вторыми
накрепко сплелись.

Жизнь еще не спета -
мысленно вернуться

К тем, первичным, вехам
кто мне запретит?

Жмусь к весне покрепче -
пусть ручьи смеются.
Пусть зима стороной
мимо пролетит.

* * *

Плыть бы сейчас по речке.
На берегах - покой.
Справа - деревьев свечки
В небо глядят с тоской.

Слева - обрывы глины,
Словно сама Земля
Жизни былой картины
Просит прочесть меня.

Плыть бы неторопливо
Осени вопреки,
Взглядом следить как мимо:
Ветлы, тальник, пески.

Вроде б, чего уж проще?
(Воднику нечем крыть.)
Внемлю кленовой роще -
Не захотел уплыть.

То ли ветров, что дуют, -
Вряд ли легко споюсь, -
То ли своих раздумий
Наедине боюсь.

* * *

... Упрется Чарыш
 в широкую грудь теплохода -
 Вода в берега -
 принимайте прилива удар.
 Струят синеву
 небес неподвижные своды
 На эту борьбу,
 а точнее, рукотворный кошмар.
 Сазан и судак
 от страха теряют сознание.
 Их рубят винты
 под кормой на большие куски.
 У чаек галдеж -
 столуются вместо рыдания,
 Когда серебрятся
 вылетают мальки на пески...
 А я-то, глупец, я
 с восторгом взирал на картину,
 И сердце мое
 вдохновенно кричало: ура!
 Не думал, не знал,
 что глядит укоризненно в спину
 Колхозный пастух,
 наблюдая за нами с бугра.

В СРОСТКАХ

Для приезжих гора -
 Что-то вроде храма.
 На Пикет со двора
 Потянулись рано.
 Бледно-желтый восход
 С розовым оттенком.
 По траве выбрав ход,
 Мокнем по коленки.
 Тонет в пойме река,
 И цветет калина,
 И летят в облака -
 Думы славянина.
 Я слышал от бабуль,
 Что с горы - и в морок,
 Как на блюдечке Русь
 Для того, кто зорок.
 Не случайно Шукшин,
 Сирота подмостки,
 Со столичных вершин
 Отлучался в Сростки.

В ДОЖДЬ НА ДАЧЕ

Мне гром и молния не любви:
 Сказать по совести - боюсь.
 Но с наслаждением ловят губы
 Дождинки, моющие Русь.

И поперек, и вдоль листочков
 Рябин, и вишен, и травы...
 По крыше, словно молоточки,
 Стучат, отыскивая швы.

Потоки струй, скользнув по саду,
 На мне рубашку промочив,
 Умчатся с тучей за ограду.
 Глотаю воздух и... счастлив.

Не прячьтесь, люди! Что рубашка?
 Дороже ль свежести земной?
 Природа с нами - нараспашку,
 А мы частенько - за стеной.

ОСЕННИЙ РЕЙС БЫВШЕГО МЕХАНИКА

И сам уже не тот,
 И ты, река, не та.
 «Столетний» теплоход
 (Былая лепота)
 Везет за Барнаул,
 В забытые места.

Седого ветра грусть
 Влезает к нам в салон -
 Все щели наизусть
 В надстройке знает он. -
 Как жаль, что не заснул
 Среди ветловых крон.

Ни солнечных лучей,
 Ни детской бегодни.
 И музыки ручей
 Не дарит воркотни.
 Лишь двигателей гул
 Как весточка родни.

В нем повесть прежних лет
 Читаю, как с листа,
 Моих успехов свет,
 Ошибок темнота.
 Он тот же, этот гул,
 Да жизнь уже не та.

* * *

О журавлях написано немало.
И я, быть может, мог бы в час тоски...
Мальчишкой видел, как они, бывало,
По вечерам садились на пески.

Песчаный пляж, как будто лист бумаги,
На память отпечатают следы
И улетят, курлыча, за овраги,
В незнаемое мною «куд-куды».

За Чумышом, по старицам, удобно
Средь камышей гнездовья птицам вить.
Их не стреляли: мясо не съедобно,
Могли лишь псы по глупости губить...

О журавлях написано немало.
И я, быть может, мог бы, но, прости...
Мне кажется, не каждому пристало
В их плач свои мотивы привнести.

Анастасия ЧУРИКОВА

ИСПОВЕДЬ

Хоть и нет тебя на белом свете, мой дорогой друг, муж, отец моих сыночек, и знаю я, что ты никогда не прочтешь этих строк, написанных слезами моих выцветших глаз в минуты тяжкого одиночества и тоски по тебе, в дни незаслуженных обид, нанесенных близкими мне людьми, у меня появляется большое желание поделиться с тобой, рассказать тебе о себе, о детях за каждый прожитый год без тебя. Мне кажется, что при встрече наших душ ты упрекнешь меня, если я не сделаю этого. Слушай же, дорогой мой, мою горькую исповедь.

Год 1937, ноябрь, 25 число.

Ночью тебя забрали трое из НКВД. Как преступника, врага народа. В то время тебе было всего-то 26 лет. А это модное в то время выражение «враг народа» свирепствовало по Барнаулу как чума. Утром мне показалось, что солнце светит с другой стороны. Мороз с туманом моментально слепили мои заплаканные глаза. Одинокая, точно сброшенная с большой высоты, полуголущенная стою, не зная куда пойти. Что предпринять? Мысль одна: нужно спасти детей. Но как? Вите было четыре годика, Юрику семь месяцев. Денег у нас не осталось даже на завтрашний день. Помнишь, ты написал мне доверенность получить со сберкнижки 400 рублей? Но ты не проставил сумму прописью и мне их не дали. На следующий день я пошла на рынок продавать твои часы. А ночью за мной и детьми приехал мой отец. Рассказывал, что ему даже коня не хотели давать из колхоза за семью врага народа ехать. Украдкой договорившись со сторожем конюшни, он все же приехал за нами. Погрузили мы наш скудный скарб. Кроме детей за нашу недолгую жизнь мы ничего не смогли нажить, хоть и работали не хуже других. Занимали видные посты. Ты секретарь оргбюро ЦК ВЛКСМ. Я литературный работник газеты «Алтайская правда». Ночью мы выехали из Барнаула. Жутко вспомнить: трескучий мороз, лошадь голодная, еле копыта переставляет. С трудом дотащились до станции Алтайская. Сбросили наши чемоданы в ограду чужого дома, попросили добрых людей присмотреть за ними и пошли пешком 7 км до села Белоярска. Добрались полубомерзшие. Юрика чуть не заморозила, Витю раньше увез мой брат Иван. И только через 7 дней попутным транспортом удалось кое-что привезти - постель, кровать. Многие из посуды оказались потеряны и поломаны. Книги пришлось сложить в сундук и поставить в сарай. Их потом растащили, я и половины не собрала. Ты же знал, как бедно жил наш отец в то время в колхозе им. Буденного. Своя семья из шести человек, да нас троих привез к себе, итого девять, а работал он один. Мама сильно заболела. Как узнала о твоём аресте, с ней случился сердечный приступ. С большим трудом ее привели в чувство. Но теперь приступы повторялись при малейшем расстройстве. Меня нигде ни принимали на работу, несмотря на то, что я выросла и окончила школу в этом селе, в 1927 году вступила тут в комсомол и была, как лучшая комсомолка, взята в аппарат райкома комсомола на должность зав. отделом пионеров.

Трудно описать все обиды, унижения и страдания, но ты должен был знать, как расправлялись с такими семьями. Так поступили и с нами. Сама третья сижу на иждивении отца, хоть руки на себя наложи - нет дела никому до этого. Измучилась я и

со мной мои бедные родители. Один выход - уехать с глаз долой куда-нибудь, лишь бы не знали и не показывали пальцем. Так и решил мой бедный отец, да он согласен был отдать душу за нас. Дорогой мой! Они продали все что имели, лишились всего, забрали меня с моими птенцами и поехали на новое место жительства в г. Черепаново Новосибирской области. Купили там небольшую хатенку, корову. Отец поступил в зверосовхоз работать. Решили мы не говорить о твоей злой судьбе, и, затаив в глубине души свою горе, пошла я искать работу. Заранее сочинила автобиографию, где указала, что с мужем разошлась. Вот иду по улицам, читаю объявления - куда кто требуется. И вдруг слышу: во всю силу барабанит в окно молодой человек, в котором я узнаю однокурсника. Ты не знаешь его. Хомуло Миша. Мы учились вместе с ним в краевой школе газетных работников. Машет мне рукой: заходи, мол, сюда. Я машинально остановилась и поняла, что стою около редакции городской газеты. Увидев, что я не реагирую на его мимику, Миша выскочил, схватил меня за руку и, не спрашивая меня ни о чем, почти втолкнул меня в кабинет редактора, сказав ему: «Я клад нашел». Тот, с улыбкой посмотрев на меня, говорит ему:

- Ну, поделись со мной, что за клад, как нашел?

Миша стал ему рассказывать обо мне. Вот, мол, ищет работу, а мы с ней учились вместе в школе газетных работников, она способная, была редактором нашей школьной газеты. Еще что-то говорил. Я слушала, а сердце стучало, било в виски. И настроившись, я ждала: вот-вот он замолчит и мне зададут вопрос, которого я так страшно боялась и тогда я опять буду разоблачена. Видя мое смущение, редактор спросил:

- А где вы работали в последнее время?

- В редакции газеты «Алтайская правда».

- Почему уволились?

С замешательством, которое не ускользнуло от него, ответила:

- Я переехала с родителями.

- Семья большая?

Я перечислила всех, указав и своих двух детей.

- А где же их отец? - последовал последний вопрос.

Меня точно облили холодной водой. Я разрыдалась и вынуждена была рассказать все о тебе и о себе.

Молчание длилось недолго. Поднявшись со стула, он, не глядя на меня, а куда-то в сторону ответил:

- У нас нет работы.

Я мимолетно взглянула на лицо Миши. Оно мне показалось длинным с широко открытым ртом. Он что-то хотел возразить, но не успел. Я попрощалась и вышла за дверь. Вернулась домой заплаканная, расстроенная. На вопрос мамы: «что с тобой?», я рассказала о случившемся в редакции.

Бродя по улицам в поисках работы, я вспомнила нашу встречу. Как легко было тогда Горком комсомола. Ты приехал в командировку по вербовке студентов в Новосибирский КомВУЗ и почему-то ты сразу подошел ко мне, спросил меня:

- У себя ли секретарь?

Я ответила:

- Да, - и сразу спросила тебя: По какому вопросу вы к нему на прием?

Ты рассказал, что приехал вербовать учащихся. Помнишь, как смешно получилось: я с непристойной мне смелостью сказала:

- Завербуйте меня!

Помню, раздался смех окружающих нас. Аня Рахальская, наша машинистка, бросила такое:

- Брось, Аська! Кто тебя отпустит? Нужно лагерную компанию проводить, готовить открытие пионерских лагерей.

Ты так важно ответил:

- Не важно. У меня на руках есть мандат, в котором говорится: с любой работы должны отпускать.

И мы тут поспорили. Аня говорит:

- Не отпустят.

А ты наоборот. И вот минуты ожидания. Мне так хотелось, чтобы отпустили меня учиться, но ты тогда поспорил. Меня не отпустили. 2000 детей нужно было отправить в пионерские лагеря. Ты тогда с улыбкой сказал мне: «Не огорчайтесь, девушка. Обязательно я вас завербую на будущий год». Потом стал писать мне письма и, в конце концов, «завербовал в домашний университет».

«Зачем мы встретились тогда?» - думала я, разглядывая объявления. Неужели только для того, чтобы вот так сразу расстаться, да еще не одной остаться, а с детьми. Без крова, без копейки и самое страшное - это клеймо «враг народа».

Стыдясь этих мыслей, я моментально обращаюсь к тебе: прости меня дорогой, я терпеливо все перенесу, хоть и трудно мне без тебя, без друзей, без комсомола. Меня ведь сразу же после твоего ареста исключили. Пришли домой, отняли комсомольский билет и предложили освободить квартиру. Я верю в твою невиновность. Я буду ждать тебя, сколько бы ни прошло времени. Вот только бы работу найти. Вот и бродит бывший комсомольский работник по улицам, читает наклеенные объявления. «Требуется дворник, кочегар, уборщица в горком комсомола...». Если бы не в горком, я бы пошла, не задумываясь, но туда не примут и вдруг на противоположной стороне на воротах промартели «Красный столяр» вижу объявление: «Срочно требуется бухгалтер». Не раздумывая ни минуты, вхожу. За столом сидит мужчина средних лет, торопливо перелистывая папку с бумагами.

- Здравствуйте, я к вам по объявлению.

- Здравствуй, здравствуй, - ответил мне мужчина, - садись. Вот ищу наряд на рабочих. Без бухгалтера беда, все самому делать приходится.

Это был председатель артели. Не отыскав нужной бумаги, он отодвинул папку в сторону, посмотрел на меня поверх очков, а потом снял их и спросил, неправильно выговаривая: «Вы бухгалтер?»

Это слово и для меня было новым в лексиконе, но я ответила утвердительно, не задумываясь.

- Вот хорошо! - обрадовано воскликнул председатель. - У нас дел-то не много, вы легко справитесь. Артель небольшая. Давайте ваши документы, я посмотрю и тогда решим - когда приступить к работе. Зарплата у нас 400 рублей, если план будем выполнять.

- Документов при мне нет, - отвечаю. - Я мимоходом. Зашла поговорить.

- А что говорить, - отвечает он, - если вы специалист своего дела. Что же, приходите завтра с документами и приступайте к работе.

Почти всю ночь проговорила я с мамой о работе бухгалтера.

- Эта специальность требует особых знаний. Ей учатся годами, - говорила мне мама.

Я же все думала и думала: как бы завтра поверили мне, что документы я потеряла, а с работой я обязательно справлюсь. Так и решила: скажу, что с переездом не нашла документов, кроме одной чудом уцелевшей справки (остальные документы были изъяты при обыске). Помнишь, когда ты был в армии, я работала на вагоноремонтном заводе счетоводом паровозного цеха. Вот с этой справкой я пошла утром оформляться на работу. Иду, не замечая прохожих, в голове одно: «Примет или нет? А если примет, что буду делать? Ну, там видно будет, лишь бы приняли». Дорогой загадала: если до калитки будет четная цифра шагов, то примет, а если нечетной, то не примет. Но я сбилась со счета, когда увидела человека, поджидающего меня у той калитки. Это был не председатель, а бригадир. Он встретил меня с улыбкой и говорит:

- Вы наш бухгалтер? Вчера с вами председатель договорился? Его срочно вызвали вчера вечером в Новосибирск на семинар. Вот ваши ключи от столов и шкафа. Садитесь и работайте.

Ты знал, что я артистка, но тут я подумала: наверное, есть Бог. Взяла ключи из рук бригадира и не верю, кручу их в руках и не знаю, что делать. Заметив мое волнение, бригадир (жаль не помню его имени) спокойным отцовским голосом говорит:

- Не смущайтесь. Смелее проходите и начинайте знакомиться с делами. Наши наряды на зарплату рабочих буду подавать вам я. С расценками тоже познакомлю. Да тут мало работы. У нас был бухгалтер по совместительству. Приходил раз в неделю, и то все успевал. Работник был хороший, дело знал, да только на руку оказался не чист. Заворовался, вот и сняли его. Вы освоитесь быстро, главное не тушуйтесь.

Наверное, волнение мое было ему заметно. Затем он вышел.

Села я в бухгалтерское кресло, открыла письменный стол, достала все лежащие там папки с бумагами и смотрю на них, как баран на новые ворота. Напротив меня на столе лежат новенькие с блестящими косточками счеты. Потрогала их пальцами, щелкнула ими несколько раз. Машинально повторила себе вслух сказанные слова бригадира: «Приступайте к делу...» А как? С чего? Не знаю. Хорошо помнила и знала одно: в любом рабочем столе или шкафу должен быть порядок. Вот я и начала наводить порядок. Выбросила все полинявшие ненужные бумаги, протерла мокрой тряпочкой ящики, полочки в шкафу, застелила чистыми листами бумаги. Потом рассортировала по датам все остальные документы, переписку с разными заказчиками и все разложила по папочкам. Аккуратно подшила. Все приняло совсем другой вид. Но на душе все равно тревожно, что дальше-то делать? Ищу, перебираю все лежащие в нижней тумбе стола брошюры, читаю указания по проведению инвентаризации. Что это? Вот длинный список дебиторской задолженности, второй чуть поменьше - кредиторской задолженности. А это к чему? И что за слова такие? Я их раньше не слышала. А вот еще непонятный листок. Печатным шрифтом написано: шлите подтверждение сальдо на вашем текущем счету в Черепановском отделении Госбанка. Сколько неясных для меня оказалось слов, не говоря уже о деле. Вспоминаю кино «Юность Максима», которое мы с тобой смотрели. Как главный герой, обложившись книгами, изучал инструкции Государственного Банка. За те 7 дней, что председатель находился на семинаре, я научилась считать на счетах. Приду рано-рано на работу, напишу на листке бумаги цифры: $110 + 120... 1200 + 1750 = ...$ и т.д. и только щелкочень стоит, как я «работаю». Однажды сижу я рано утром, а мимо окон проходил на работу главный бухгалтер артели «Объединение» Архангельский Евгений Александрович. Незаметно подошел он к моему открытому окну и своим басовитым голосом внезапно как крикнет:

- Что вы тут считаете так рано? Ведь тут в год по три табуретки делают, а вы, когда бы я не проходил мимо, все щелкаете счетами!

Я даже вздрогнула от неожиданности.

- Да вот считаю, - отвечаю, - запущенность осталась в учете.

Не могла же я ему ответить правду: учусь считать на счетах. Приехал мой председатель с семинара. Зашел в контору и радостным голосом говорит, глядя на меня:

- Вот что значит - без хозяина и дом сирота. Появился хозяин и все изменилось!

Так потянулись дни моей новой работы. Кое-что узнала из литературы «В помощь бухгалтеру», кое-что из архива. Начислять зарплату и оформлять подписи в Госбанке помог тот бригадир, который вручал мне ключи. За это время директивы потоком продолжали поступать из Крайпромсоюза: шлите то, шлите это, почему молчите, не отвечаете на наш № такой-то от такого-то числа и т.д. и т.п. А что бы я могла ответить на такие вопросы: какие меры приняты вами по взысканию дебиторской задолженности, погасили ли кредиторскую задолженность, коли не знала с чем это едят?

И конечно молчала, как человек, которому нечего сказать. Однажды прихожу на работу, смотрю: на моем бухгалтерском кресле сидит средних лет смуглый, в кожаном

пальто, грубоватого сложения человек, а рядом наш председатель. Незнакомый человек окинул меня суровым взглядом и, приподнявшись, слегка поприветствовал меня:

- Здравствуйте, хваленый товарищ бухгалтер.

В его голосе слышалась явная ирония.

- Я ревизор Крайпромсоюза. Давайте знакомиться: Еременко Иван Ефимович.

И он протянул мне свою руку, размером с саперную лопатку.

- Очень приятно, - ответила я полушепотом, и даже назваться забыла.

Ну, думаю, все пропало! Этого-то я не обману. Заметив мое смущение, он с добродушной улыбкой добавил:

- Я приехал не только ругать за недостатки, но и помогать по мере надобности. Что же это вы в молчанку решили с нами играть? Не ответили ни на одно наше письмо? Посмотрите-ка, сколько их мы вам посылали.

И он достал из полевой сумки пачку напечатанных бумаг.

- Где они? Покажите-ка мне их. Что вы с ними сделали?

Я достала из шкафа новенькую папочку с надписью на обложке «Переписка с Крайпромсоюзом», с аккуратно подшитыми в ней документами. Подала ему. Перелистав их от начала до конца, он, иронически улыбнувшись, слегка прищурился чуть косившими глазами, спросил:

- Это все, что вы смогли сделать?

- Да, - полушепотом отвечаю я.

Мой председатель, заметив мое смущение, вдруг обратился к ревизору:

- Иван Ефимович, Анастасия Никифоровна, бухгалтер не нашей системы. Возможно, что-то не так сделала. Ты шибко-то не придирайся, а помоги ей, подучи. Пойдем пока, а позже вы поговорите по душам.

- Ну, хорошо-хорошо, - согласился Иван Ефимович и, обратившись ко мне, сказал, - занимайтесь пока своим делом, а после работы задержитесь, и мы обо всем обстоятельно потолкуем.

Он быстро поднялся со стула, кивком головы пригласил председателя пройти по цехам.

Оставшись наедине, я чуть не разрыдалась во весь голос, но, проглотив комок подступивших слез, я как-то встряхнулась, сказав вслух:

- А, будь, что будет! Расскажу ему все о себе, если он настоящий человек, то поймет меня и поможет, а если дерьмо - то уйду на любую физическую работу. Там сальдо-бульдо не спросят.

Наступил конец рабочего дня. Рабочие разошлись, оставив после себя облако марочного дыма. Вечером мы остались вдвоем, и Иван Ефимович, с какой-то подчеркнутой вежливостью, с важностью знатока своего дела, усевшись в председательское кресло, положил свои большие руки перед собой и с улыбкой сказал:

- Ну, товарищ бухгалтер, я готов слушать вас.

Я, помню, спокойным тихим голосом проговорила:

- Иван Ефимович, я не бухгалтер.

- То есть как не бухгалтер? - удивленно повторил он. - А кто же вы?

Тут я, дав волю своим скопившимся слезам, рассказала все о себе и о тебе, поведала ему о своих мытарствах в поиске работы.

- Что же мне делать? - говорю. - Помогите мне, пожалуйста, я ведь не бестолковая и буду стараться. У меня же дети, их кормить нужно.

Некоторое время Иван Ефимович задумчиво молчал, а затем спросил меня:

- Скажите, вы еще кому-нибудь рассказывали об этом здесь, в артели?

- Нет, - ответила я, - мне дали заполнить анкету, но я ее еще не заполнила и не знаю, как это сделать. Тут о семейном положении спрашивают.

- Ну, успокойтесь, не плачьте, давайте вашу руку. Я помогу вам стать бухгалтером. И анкету заполним вместе.

Он крепко сжал мою руку, и строго сказал:

- Никому больше вы не должны рассказывать то, о чем сейчас говорили. Пусть все думают, что с мужем вы разошлись. Это нынче модно. С завтрашнего дня начнем заниматься. Я сделаю все проводки. Вы будете делать разноску по карточкам. Я объясню вам, что такое актив и пассив, что такое баланс, основные средства. Вы ведь не знаете этого? Вытирая слезы, но, уже улыбаясь, торопливо спрашиваю:

- А что такое инвентаризация, дебиторы и кредиторы, о которых вы спрашивали в тех директивах?

- И о дебиторах и кредиторах все-все я вам обещаю рассказать. Сделаем вместе с вами баланс. А теперь успокойтесь и идите к своим деткам, молодая мамаша. А вы меня случаем не обманули на счет двоих ребятишек? Уж больно молодо вы выглядите, - подавая руку мне на прощание, полушутя спросил он.

- Что вы, у меня такие чудесные мальчишки!

- Ну и хорошо. Значит до завтра.

Еще раз попрощавшись, мы разошлись.

Если бы кто мог видеть, как я бежала! Не бежала, а летела домой. Словно крылья меня несли, а ноги за ними едва успевали. Перед глазами было доброе, ласковое, человеческое лицо ревизора, еще недавно казавшееся мне грубым и некрасивым. «Нет, есть еще добрые люди на земле, - думала я, скорее бы утро, скорее бы начать работать. Я пойму, научусь, обязательно запомню все, чему он будет учить меня. Мой добрый, душевный Иван Ефимович. Поделившись радостью со своей матерью, я впервые заснула крепким, спокойным сном. Утром выдалось, как по заказу, ясное солнце, небо без единого облачка. Шел июнь, а у нас на Алтае эта пора всегда самая лучшая. Вся природа, проснувшаяся от долгого сна, радуется солнышку и, как бы в благодарность за его тепло и свет, каждый цветок, травинка, веточка торопливо тянется к нему, раскрывая свою прелестную красоту. Роса еще не обсохла с травы, а я уже бежала на работу. Узенькая тропинка, протянувшаяся от зверосовхоза до центральной улицы, была вся усыпана белыми воздушными шариками полевых одуванчиков. Чуть собьешься с тропинки, и сразу исчезают, лопаются как мыльные пузырьки их пушистые головки. Хорошо быть одуванчиком, подумала я, их топчут, а они снова расцветают, и горя им нет. Но то, что сделали с тобой и со мной в самую пору нашего цветения, уже никакая весна не воскресит. Попали мы под грязный сапог неведомо за что...

Разговаривая сама с собой, я незаметно добежала до своей артели «Красный столляр», промочив ноги в своих единственных босоножках.

- О, вы уже здесь! - послышался еще в сенях голос Ивана Ефимовича. - Здравствуй-те! Раненько вы. Ведь еще и восьми нет. А я поторопился заказать переговоры с Крайпромсоюзом. Сообщу им, что задержусь у вас. А вы что поторопились? - улыбаясь, спросил он.

- Да так по привычке, - смущенно ответила я.

- Это не плохо, только давайте договоримся, - он сделал несколько шагов ближе ко мне и, слегка коснувшись моего плеча, почти нараспев проговорил, - чтобы с сегодняшнего дня я не видел вас грустной, печальной, неуверенной. Держитесь бодрее. Как говорят в народе, держите хвост дудкой! Помните, что у вас теперь есть настоящий друг. Договорились?

Я молча кивнула головой в знак согласия.

- Ну и хорошо. Договорились.

Он сел к телефонному аппарату и стал вызывать междугородную:

- Примите заказ! - кричал он, - на восемь вечера, Новосибирск, Крайпромсоюз. Спасибо, девушка, - сказал он и повесил трубку.

- Ну, а теперь давайте разбираться вместе: где что подшито. Выкладывайте все папочки и тапочки.

Я, красная от неловкости своего положения, торопливо доставала из стола, из шкафа все старательно подшитые мной бумаги в отдельных папках и складывала их кучей на стол. К приходу председателя мы с Иваном Ефимовичем успели некоторые из них распороть, доставая из них документы, относящиеся к проводкам. Он, как бы извиняясь, вежливо говорил:

- И эту папочку с надписью «Банковские документы» мы с вами разошьем, - и перочинным ножиком разрезал нитки. - Крепко же вы их стянули. Прямо-таки на смерть, - говорил он, улыбаясь аккуратно вынимая бумаги банка, ощущая мою смертельную неловкость. - Этим документам мы будем давать бухгалтерскую проводку.

Сознавая свое дремучее невежество, я старалась не пропустить ни одного сказанного им слова. Хватала их и спешила положить на ближнюю полочку своей памяти.

- Ну, как дела Иван Ефимович? Что Крайпромсоюз ответил? - спросил с ходу председатель, прибывший в контору.

- Разрешили задержаться у вас, провести инвентаризацию, помочь вашему бухгалтеру составить квартальный баланс.

- От души рад! - по-мальчишески воскликнул мой председатель, вы поможете Анастасии Никифоровне и дело наладится. А то она уж поди уходить задумала.

- Ну-ну, уходить. Кто бы позволил, - улыбаясь отвечал Иван Ефимович, - от нас она теперь никуда не денется. Бухгалтер она стоящий, и дело свое знает. Немножко попутала бюджет с промартельным, вот мы ее и переучим. Сказав эти слова, он весело подморгнул мне.

- Так, Анастасия Никифоровна?

- Конечно так, - за меня ответил председатель.

От радости или глупого своего положения я улыbnулась им в ответ. Рабочий день наш начинался с 9 утра, но я приходила к восьми часам и как прилежный человек повторяла вчерашний урок на голодный желудок. Так с детства я была убеждена в твердости усвояемости пройденного материала. Я самостоятельно могла уже делать разnosку по картотеке, начислять зарплату, распределять ее по видам изделий для калькуляции, обрабатывать материальные отчеты. В общем, все, чему так охотно учил меня Иван Ефимович, я запоминала сразу же, вызывая одобрение моего учителя. В его лице я видела спасителя, не побоявшегося пострадать ради моей жизни. Совместно мы заполнили анкету по учету кадров, указали: «с мужем разошлась». Как обидно было писать, а вдвойне обиднее сознавать, что ты теперь не та, ты совсем другая, но той прежней ты почему-то не должна быть. Ты должна теперь скрывать действительность, нужно считать себя брошенной ради того, чтобы не оказаться уволенной по собственному желанию. Однажды, во время вечерней работы, Иван Ефимович вдруг спросил меня:

- Скажите, Анастасия Никифоровна, неужели вы такая молодая так и похороните себя в одиночестве? О муже вам надо забыть. Он не вернется. С такими, как он, расправляются жестоко. А вы в самом расцвете лет.

Я от неожиданности такого вопроса окаменела и долго не могла сосредоточиться. Потом с испугом в голосе, поднявшись во весь рост, ответила:

- Иван Ефимович, мои глаза еще не обсохли от слез. Я любила своего мужа. И сколько бы не прошло лет, и какой бы он не вернулся, я буду ждать его. У меня два сына. О них я думаю, а не о своей судьбе.

- Дааа! - многозначительно протянул Иван Ефимович и вроде бы с насмешкой сказал:

- Большого же нужно охотника, чтобы найти в вашем положении друга, а главное отца детям. А вот чтобы прошла бесследно, безрадостно ваша одинокая жизнь - этого не должно случиться. И таким пронизательным долгим взглядом посмотрел на меня. Быстро докурил и уже официальным тоном сказал:

- А теперь шабаш! Идите домой. Я вас сегодня провожу, уже поздно.

Мои отговорки он уже не слушал. Быстро встал и повелительным тоном повторил:

- Пойдемте. Я провожу вас.

Дорогой мы шли молча, думая каждый о своем. Мне как-то с болью запали в душу его слова про «друга и отца детям». К чему он это? Да разве я буду искать? И в такт своим шагам я повторяла: «буду ждать, ждать, ждать». Буду ждать своего любимого друга. И никакого другого отца моим детям не надо. Так молча дошли мы до нашего дома. Подавая руку мне на прощание, Иван Ефимович каким-то хрипловатым голосом сказал:

- Мне уже 35, а я еще не был отцом. Это тоже трагедия. Как вы думаете?

Он крепко сжал мою руку и торопливо ушел, не попрощавшись.

Следующий день проходил в обыденной суете. В бухгалтерию часто заходили рабочие справиться о начисленной зарплате, кто-то спрашивал ревизора. «Где он?» - подумала я. Скоро конец рабочего дня, а его нет. Не случилось ли что вчера по возвращении домой. Но все мысли как-то мирно отступали в надежде на скорую встречу. Однако в тот день я его так и не увидела. Поздно ушла домой, уставшая, но окрыленная надеждой заснула, прижав к себе своих мальчишек. Как же Витя скучал о тебе! Я не находила слов, что сказать ему на вопрос: где мой папа? Почему он долго не идет домой? А почему его перчатки дома? Что он забыл их надеть? А когда придет папа? Ну почему ты плачешь и не отвечаешь? Вот так каждый день до слез. А однажды он заявил:

- Я не буду кушать. Ты плохо готовишь. Когда был папа, ты вкусно готовила. Вот он придет, пусть он посмотрит, а я умру без него, а есть все равно не буду.

И слезы ручьем по щекам у бедняжки бегут, как у взрослого человека, знающего о случившемся. Успокаивая его, я как-то сказала:

- Не плачь. Вот когда весь снег растает, тогда и папа придет.

Прошло много дней с тех пор. Я забыла об этом. Как-то раз забегает он с улицы и прямо ко мне, весь в слезах:

- Мама! Ты почему меня обманула? Весь снег растаял. Даже под соломой, а папы все нет.

Бедный ребенок! Он, оказывается, следил, как снег таял, в надежде встретить тебя. Растаяло много снегов с тех пор. Много утекло воды. Не меньше пролито слез...

Внезапное исчезновение Ивана Ефимовича мне показалось загадочным. Ничего и, никому не сказав об отъезде, он не появлялся три дня на работе. Все смущенно и как-то загадочно переговаривались. Спрашивали меня: где и когда будет ревизор, не заболел ли он, не случилось ли с ним чего? Но никто не знал причины исчезновения. И вот на четвертый день перед выходным днем он явился как только что из мастерской, где его выправили и подновили. Он стоял передо мной в новом, черном костюме, при галстуке, в белой, оттеняющей его смуглую шею сорочке, весь какой-то торжественный, с чуть побледневшим лицом.

- Здравствуйте, уважаемая Анастасия Никифоровна! Вы потеряли, наверное, меня. Я ездил домой решать личные дела. Был, конечно, в Крайпромсоюзе. Договорился сделать ревизии в соседних с вами артелях. Теперь чаще буду вас навещать. Как вам мой план?

Что мне было ответить этому человеку? Смутившись, я сказала:

- До следующего квартального отчета целых два с половиной месяца. Неужели вы так долго задержитесь в наших краях?

Круто повернувшись в мою сторону, он вплотную подошел ко мне, сел рядом. Наклонился близко-близко и полушепотом сказал:

- Девушка, разве вы не догадываетесь, почему я все это делаю? Я не могу без вас! Теперь я в ваших руках. Делайте из меня актив, пассив, сальдо, бульдо, что хотите. Я как мальчишка влюблен в вас. Будем решать или вы поедите со мной в Новосибирск. У меня свой дом, небольшое хозяйство. Все это я оставляю своей жене. А мне квартиру дают. Мы будем жить с вами счастливой жизнью, воспитывать деток. Жена моя не способна быть матерью, я хочу быть отцом. У нас будут свои дети, будет счастье. Не хотите со мной - я останусь у вас, буду работать здесь, а вы будете мне помогать.

Схватив меня за плечи, он тряс меня в ожидании ответа. К счастью послышались шаги. Кто-то приближался к двери. Он оштанулся, сделав несколько шагов навстречу, второпях закуривая папиросу.

- А, Иван Ефимович! А мы с Анастасией Никифоровной уж горевали. Думали: что случилось? Хотели уж звонить в Промсоюз, - это был наш председатель, как богом послан для меня в такую минуту.

До конца работы остался час. Я торопилась уйти незамеченной. Уйти и не возвращаться больше сюда. Так ошеломляюще подействовало на меня поведение моего покровителя. Вместо того доброго, простого человека в рабочей одежде, передо мной возник внешне похожий двойник, но с другим голосом, с колючими, слащавыми манерами, специально выхолонный для внезапной атаки. Обида, чувство презрения, даже ненависти ворошили мою душу. Что я скажу ему, этому двойнику?

Вся ночь прошла в раздумье. Твой образ не угасал, наоборот, тоска по тебе составляла память ярче рисовать тебя таким, каким я любила тебя. На работу я уже не бежала как прежде, а шла вялой походкой с предчувствием неприятного разговора. Иван Ефимович встретил меня у калитки. Улыбаясь, подавая мне свою руку, он, глядя мне в глаза, многозначительно сказал:

- А вы сегодня дурно выглядите.

- Зато вы как новый полтинник, - вырвалось у меня.

Он громко рассмеялся, и мы пошли в помещение. Работа не клеилась. Разговор тоже. На его шутки и реплики я старалась не отвечать. За час до конца работы он мне говорит:

- Сегодня мы с вами ужинаем в ресторане. Ждите меня тут, - и пошел. «Что это, - думаю я, - приказ? Какая самоуверенность! Не спросив, желаю ли я пойти с ним. Как не похож он на тебя. Как неприятен».

Быстро сложив все бумаги в стол, я собралась уходить домой, но он, вероятно, это предвидел. В дверях мы встретились. Отстранив меня от выхода, Иван Ефимович спросил:

- Разве вы не желаете со мной отужинать?

- Нет. Я тороплюсь домой к детям.

- Ну, я прошу вас, уделите мне внимание! Я должен знать ваше мнение относительно того, что я сказал вам вчера. Согласны ли вы стать моим спутником? Пусть я старше вас. Это не будет помехой. Я достаточно здоров и смогу быть достойным вас.

Много говорил он о своих чувствах ко мне. Слушая его машинально, я вспоминала его же слова, сказанные в первые дни нашего официального знакомства. Он тогда сказал: «Большого же надо найти охотника, чтобы вас с двумя детьми полюбить и заменить вашим детям отца». Вспомнив их, я, глядя прямо ему в лицо, сказала:

- Неужели вы, Иван Ефимович, оказались тем охотником, который приносит себя в жертву?

- Какой охотник? - вырвалось у него.

- А помните? - и я коротко пересказала ему тот наш разговор.

Он нахмурился и почти шепотом повторил:

- Да, я тот охотник и приношу себя в жертву ради любви к вам и вашим детям. Прошу вас пока мне не отвечать. Я завтра уезжаю в соседнюю артель делать ревизию. Оттуда я вам буду звонить по телефону. Давать указания по работе и ждать ваш ответ.

Быстро закурив, он подал мне руку. Отойдя на несколько шагов, повернулся и громко сказал:

- Подумайте! Я действительно хочу помочь вам поднять ваших детей и быть рядом с вами всю жизнь.

Я не успела найти подходящего слова, как услышала его удаляющиеся шаги. Ужин в ресторане не состоялся.

Соседняя артель «Веревочник» находилась в нескольких километрах от станции Черепаново. Утром Иван Ефимович уехал туда решать вопрос о слиянии с нашей артелью «Красный столяр». Каждый день и даже по несколько раз в день он звонил мне по телефону. Разговор начинался на деловую тему, но заканчивался просьбой и даже требованием дать окончательный ответ на его предложение. Что я могла ему ответить? Прошел всего лишь один год без тебя. У меня не просохли глаза от слез. Я все время жила в ожидании какой-нибудь вести от тебя. Ходили слухи, что можно сделать запрос и узнать о решении суда, и я решила лично обратиться прямо в НКВД с заявлением. Мне ответили, что ты осужден на 10 лет без права переписки. Я поверила и дала себе слово ждать, ждать. И свалившееся на меня сватовство просто злило меня. С одной стороны, я чувствовала, что обязана этому доброму человеку. Благодаря ему я познала бухгалтерию. Я уже самостоятельно, без его помощи могла работать. Но ведь это он протянул мне руку в трудную минуту и если мне враз оттолкнуть его - я боялась мщения. И не хотелось быть неблагодарной, но не знала я, как поступить правильно в такой ситуации. Я умышленно старалась избегать телефонных разговоров, а когда они все-таки случались, то всякими увертками отклонялась от неприятной темы, объясняя, что не согласна принять жертву, имея, как когда-то выразился он сам, такой длинный хвост.

Время шло. В наши отношения, оказалось, был посвящен председатель нашей артели. Однажды он мне стал рассказывать, как хорошо может сложиться моя судьба, если я стану женой Ивана Ефимовича, уеду в Новосибирск с ним и проживу, как в сказке. Я ответила ему, что не могу и не хочу, чтобы у моих детей был отчим. Чтобы кто-то смотрел им в рот: много ли они едят, сколько рвут штанов и ботинок. Буду воспитывать одна, насколько хватит сил моих. Все это было, конечно, передано непосредственно Ивану Ефимовичу, и после его возвращения из командировки отношения наши испортились, стали официальными, даже строгими. В общении он стал выбирать подчеркнуто учительский тон, особенно заметный в моем зависимом положении. Но к великому счастью пришел приказ из Промсоюза о слиянии «Красного столяра» с артелью «Объединение». И когда мне был задан вопрос: хочу ли я поехать в Новосибирск или останусь на месте, я ответила, что останусь на месте. Это был мой окончательный ответ на все ранее заданные мне вопросы Ивана Ефимовича. Он понял меня. Уезжая, сказал мне полушутливым тоном:

- Все бы было хорошо, если бы вы были нежадной мамашей.

Недолго мне пришлось поработать в новой артели под руководством того самого главного бухгалтера, который напугал меня однажды у окна. Евгений Александрович Архангельский был добрым человеком и грамотным, знающим специалистом. Работы было много. Приходилось подолгу сидеть по вечерам. Однажды после долгой работы, собираясь домой, Евгений Александрович сказал мне:

- Остаток денег в кассе возьмите домой (в тот день я не всем выдала зарплату), а то замки у нас одинаковые и от склада и от кассы.

Я по глупости и неопытности согласилась взять, не помню какую сумму. Положила в чемоданчик пачки денег и пошла. Ночь темная. Иду грязным переулком. Только перепрыгнула лужицу, как сразу попала в объятия незнакомого человека. Он схватил меня, и говорит:

- Я ждал тебя, Маруся.

Прижимает меня к себе и, чувствую, тянет за чемодан. Я из всех сил вырвала чемодан, и отвечаю ему:

- Вы ошиблись, я не Маруся, и оставьте меня, а то я закричу.

Он выругался:

- Не все ли равно кто ты.

В это время мы куда-то шли, не разбирая дороги. Я усиленно сопротивлялась, пыталась вырваться, но он держал меня крепко. У поворота на главную улицу была от-

крыта калитка в ограду дома. Я, что было сил, рванулась, и забежала во двор - неизвестный гражданин за мной, я на веранду - он за мной. Я стала стучать в окно, просить помощи, но мужской голос ответил:

- Уходи, а то стрелять буду! Шляются тут кто попало, да еще помощи просят.

Незнакомый человек обрадовался и говорит:

- Ну вот, теперь ты никуда не денешься. Попалась птичка в клетку.

Сел он на ступеньку и, решив закурить, стал доставать табак.

Я не раздумывая, перепрыгнула через его колени и бросилась бежать. Преступник не ожидал такого оборота и замешкался. Пока поднимался, я уже была за калиткой. Бежала до самого дома как ошпаренная. Дрожащей рукой стучу в дверь, и мама спрашивает: «Кто?». А я не могу ответить - отнялся язык. Она догадалась по звуку, что это я, открыла дверь и втащила меня.

- Что с тобой?

Я не могу сказать ни слова. Во рту пересохло, язык не шевелится. До утра вся семья, проснувшись, смотрела на меня в недоумении, мучились во всевозможных догадках, и только утром я смогла все рассказать, с трудом шевеля языком. Утром меня хватились на работе. Я не могла пойти - ноги болели, говорила невнятно, и чувствовала себя разбитой и измученной.

К нам домой приехали председатель и парторг. Узнав о происшедшем, они мне посочувствовали и были очень довольны тем, что деньги остались в целости и сохранности. Только теперь я осознала, чего могла стоить родителям и детям моя доверчивая неопытность. Этот случай стал последней каплей в потоке неприятностей, в который попала наша семья в Черепаново, и мы решили уехать куда-нибудь. Продав домик и корову, отец с матерью уехали в поисках нового местожительства. По дороге им навалили Троицкий район, и в 1939 г. мы переехали в рабочий поселок Ново-Боровлянка у железнодорожной станции Соколинская. Отец купил дом с большим огородом, колодцем и баней. В Ново-Боровлянке был большой лесхоз. Кругом лес, в поселке лесозавод, школьный завод «Лесхим» и много заготовительных участков. Место нам понравилось - красивое, а главное, много дров. В Черепаново мы топили углем, и достать его было нелегко. Я устроилась на работу в бухгалтерию лесозавода счетоводом-карточником. Отец стал трудиться там же рабочим. Жили все вместе: отец, мать, братья Миша и Коля, сестры Аня и Валя, да я с двумя сыновьями Витей и Юрой. Изба наша была не больше 9-10 кв. м., но не тесно было. Особенно в летнее время. Дети то в лесу за грибами и ягодами, то на озере на рыбалке.

Витю я устроила в детский сад. Однажды встречает меня воспитательница Людмила Ивановна и спрашивает:

- Скажите, Анастасия Никифоровна, где ваш муж?

Я, напугавшись неожиданного вопроса, даже окаменела на какое-то мгновение, а потом тоже спрашиваю:

- А какое это имеет значение? Зачем вам это знать?

Она с обидой на лице пожала плечами, и тогда я ответила не задумываясь:

- Мы разошлись. А детям я говорю, что он учится в Москве...

Тогда она рассказала мне, как наш сын Витя, тоскуя по тебе, в садике придумал игру «В Москву». Соберет все лучшие игрушки. Стащит в кучу и говорит детям:

- Это Москва.

А в другой угол наберет щепок, бакулок, палочек и говорит:

- А это Боровлянка. А теперь поедem в Москву.

Берет большую автомашину, запибикает, зарычит, а потом говорит:

- Теперь будем искать моего папу.

И как он старается, кружится то в один угол, то в другой. Все ищет и спрашивает у детей:

- Ты не видел моего папу? Он тут у вас в Москве.

- И мы, - говорит воспитательница, - часто всем коллективом наблюдаем за вашим сыном. Вот почему я и решила вас спросить. Извините, если расстроила вас этим рассказом.

- Ничего, ничего. Спасибо вам за наблюдательность. Действительно он помнит отца и тоскует о нем.

Так мы и расстались. Весь тот день я была под впечатлением от слов Людмилы Ивановны и, когда прибежал домой мой сынок, я встретила его со слезами на глазах.

На лесозаводе мне пришлось поработать недолго. Он сгорел ночью в сухую летнюю пору 1940 года. Весь поселок спасал его, но огонь оказался сильнее. После пожара я долго болела. В панике не думала о своем здоровье, таскала плахи, спасала лес, пиломатериал, бросала землю. Многие тогда пострадали от ожогов и ушибов. Но лесозавод сгорел дотла. До сих пор причину этой беды я так и не знаю.

Пришлось снова искать работу. В это время создавался новый лесозаготовительный участок Алтайкрайпотребсоюза. Туда я и поступила на должность счетовода-карточника. Проработав несколько месяцев, меня перевели бухгалтером расчетной группы. Я изо всех сил своих старалась, не считаясь со временем и выходными. Начальство заметило мое старание и однажды, неожиданно для меня, приехала домой ко мне целая комиссия. Я испугалась такому неожиданному визиту. Заметив мое волнение, председатель месткома (не помню фамилию) обратился ко мне и пояснил, что они приехали обследовать мое семейное положение и хотят дать мне казенную комнату по Тракторной улице, недалеко от моей работы. Такое известие как-то и обрадовало и испугало меня. Как же, подумала я, буду оставлять своих мальчишек дома одних? Тут они под присмотром моей мамы, а в квартире целыми днями будут одни, пока я на работе. Я стала рассуждать об этом вслух, но мне посоветовали не упускать такую возможность, а соглашаться и быстрее переезжать в этот уголок. Так я переселилась на Тракторную улицу, где заняла полдомика. Небольшая комната, сенокоски, кирпичная печь и два небольших оконца, выходящих во двор, в котором находилась конюшня. Целыми днями младший сынок Юра, сидя у окна, любовался лошадами. Мне, действительно, стало удобнее и легче. Я могла во время работы отлучиться на несколько минут, сбегать и посмотреть, что делает сын, не плачет, не испугался ли чего? И вот однажды прибегаю, смотрю в окно, а мой Юрик спит на краю печки. Ручонка свисла вниз, а рядом стоит керосиновая лампа зажженная. Я в ужасе кинулась за ключом в условленное место, а там его не оказалось. Что делать? Я поняла, что ключ Витя забыл положить на место, как я наказывала, и унес его с собой на Комсомольскую улицу, где мы жили раньше. Это же так далеко! Не раздумывая, я стрелой бросилась бежать. Бежала, что есть духу, с единой мыслью: только бы не шевелился Юра, только бы не уронил на себя горевшую лампу. Прибегаю, кричу:

- Где Витя? Где ключ?

Мама в испуге спрашивает:

- Что случилось?

Рассказала ей, что Юрику угрожает. Она бросилась искать Витю в огороде, но его не было во дворе. Мальчишки соседние ответили, что он ушел на озеро кататься. Я побежала на озеро и когда нашла его, забрала ключ, не помня себя, побежала обратно с той же мыслью: только бы успеть, только бы беда не случилась. Прибегаю, открываю дверь. Сынок спит, свесив головку на край печки. Похоже, он и не пошевелился ни разу по моим молитвам. Схватила я лампу, затушила, опустилась на табурет и зарыдала, дрожа всем своим существом. Я была охвачена не то радостью за своего сына, не то неутешным горем, которое обрушилось на мою жизнь без тебя.

После этого случая вызвал меня начальник участка Шаронов Юрий Петрович и говорит мне:

- Так дальше нельзя. Не дело одного оставлять маленького ребенка. Он мог и сам погибнуть и большой ущерб участку нанести.

- А что же мне делать? Ведь наших детей не принимают в детские ясли и садик, - говорю я ему.

- Хорошо, постараюсь помочь вам, переговорю с начальством леспромхоза...

Он отправил официальное письмо в леспромхоз, но просьба так и осталась на бумаге. Ничего не изменилось. Я так же продолжала бегать, смотреть, убирать, прятать спички, лампу. Часто вечером, сидя у растопленной печки, мои мальчишки вели разговор. Витя говорит:

- Мой папа катал меня в самолете, знаешь, как это хорошо? И много игрушек мне покупал. У меня был танк, самолет, большая машина.

А Юрику нечем похвалиться, но он тоже говорит:

- А мой папа как зарулит, как зарулит, как подденет целый дом, так и повезет, вот!

Я слушаю их и думаю: «Милые мои, о каких вы двух папах говорите? Один вспоминает то, что запомнил, второй говорит о том, что видел ежедневно в окно, живя на Тракторной улице, по которой действительно тракторами возили лес. И такой подкатит горький ком к горлу, что дух перехватывает. Это был конец 1940 года, а через полгода началась война с немцами.

В сентябре 1941 года Витя пошел учиться в первый класс. Трудно было и с одеждой и с обувью, но собрала его не хуже других. Из твоего пальто сшила ему пальтишко. Пошел с желанием и с первых же дней его заметили на уроке рисования. Он так хорошо рисовал, что его рисунки носили показывать в 9-10-е классы, и старшие ученики приходили посмотреть на Витю, не веря, что такой маленький мальчик умеет так хорошо рисовать. Видимо, унаследовал он способности у художника дяди Володи. Приятно было мне смотреть на его рисунки и думать: вот бы отец его увидел - был бы рад за сына. За что же разрушили нашу дружную семью? Лишили отцовской ласки, обрекли на сиротское детство моих детей.

Помню, 21 июня 1941 года я со своими мальчишками ходила, в выходной день, в лес за земляникой. Шли домой с полной миской ягод. В переулке вижу: идет мне на встречу наш технорук Яцкевич. Подойдя ближе, он сказал дрожащим голосом:

- Мы вас уж обыскались, Анастасия Никифоровна! Быстрее идите в контору, там ждут мобилизованные рабочие. Война началась!

Я опустилась на близлежащие бревна. Ноги не смогла сдвинуть с места от ошеломляющей вести. Война! Много лет спустя, сын Виктор напишет о ней такие строчки:

Война - это слово всем разум затмило.

Война - это слезы, разлука и смерть.

Война миллионы уложит в могилы.

Война - детства нет,

Надо рано взрослеть.

Действительно, рано пришлось повзрослеть детям в те годы. Надо было мужественно слушать плач женщин, провожающих на фронт сыновей, мужей, близких. Я сочувственно со слезами на глазах смотрела на молодых женщин, которые прощались со своими мужьями. Мне было больно вдвойне. Я раньше их испытала боль разлуки, только плакать и кричать, как им, не имела права и горем своим поделиться с людьми не могла. Та война погубила миллионы ни в чем не повинных людей.

Жизнь сразу стала трудной, хлеб по карточкам, все для фронта! Это взрослые и дети помнили как молитву. Но как-то пыталась жить, держала корову, чтобы хоть молоко было для детей. Очень трудно одной: сено надо косить на болотах, вывезить

на тележке, впрягаясь в нее вместо коня. Суточный паек наш составлял 400 граммов хлеба на рабочего и 200 граммов на иждивенца. Всего 800 граммов хлеба на троих, а мальчишки наши росли быстро. Что делать? Не морить же их голодом. Стали в лесу под картошку раскапывать целину и сажать ее. Трудная, непосильная это была работа для неокрепших еще ручонок. Да и сама я могла ходить «на картошку» только уставшая, после работы, выходных дней-то в войну почти не было. Но надо было, и шла. Меняла твои вещи на семена - за деньги их не продавали. Младший брат мой Коля, сыновья - Витя и Юрик почти не выходили из леса. Там они искали ягоды, грибы, камыш, щавель, слезун, какие-то съедобные коренья, сами их ели, да еще тащили домой нам взрослым на подкрепление. Но было ясно, что долго мы так не протянем, нужно было что-то придумывать иное. Решила я обратиться с письмами в колхозы, указав, что я бухгалтер, могу заключить договор с колхозом и приехать на работу. Мне пришло два ответа: из Сошниковской промартели и колхоза «Передовик» Буланихинского сельсовета. Бухгалтеров их забрали на фронт, и поэтому на мои письма ответы пришли быстро. И я, не задумываясь, забираю своих малышек и еду в лесную глушь, в село Сошниково. Да какое там село! С десяток домов, не более. Устроилась там бухгалтером по найму. Артель мне выделила паек - 30 кг муки на месяц, зарплата была в 400 рублей. Служебных квартир не было, и мне пришлось снять частную комнатку. Тут моим детям стало жить несколько посытнее, все-таки килограмм муки на день - большое дело, да и молоко у соседей брала по сходной цене. Но недолго мне пришлось тут поработать. Приехал из Барнаула, из их главного управления бухгалтер с направлением и приказом, и мне пришлось уступить ему законному место. Хоть начальство артели и не хотело меня отпускать, но, как говорится, плетью обуха не перешибешь.

Сдала я дела новому бухгалтеру и пошла пешком до соседнего рыболовецкого колхоза «Озерки». Там хорошее озеро Уткуль. В рыбколхозе остались одни женщины, только председателем был пожилой мужчина Павел Иванович. Любезный такой, с добрым, человеческим сердцем, выслушал меня внимательно и говорит:

- Ну что же, приезжайте. Нам нужен опытный бухгалтер. С учетом у нас пока неважно. Девушка одна у нас есть, но она одни сводки может составлять и ничего больше не знает. Сразу договорились об оплате: артель мне выделяет паек - 40 кг муки в месяц, 1 литр молока в день и рыбы по себестоимости сколько надо. Но мои мальчишки и сами с озера рыбы приносили вдоволь. Хорошо мы зажили тут, о голоде забыли. В огороде сажали картошку и даже сеяли просо. Но Вите надо было переходить в 3-й класс, а в рыбколхозе учили только до второго.

Пришлось снова отправляться в путь, в колхоз «Передовик» Буланихинского сельсовета, что в поселке Малиновка. Поселок тот стоял в степи, кругом ни речки, ни кустика, только поля да пашни. Квартиру мне там не дали. Предложили старый домик, который раньше использовали под овчарню. Избенка было совсем маленькая - два оконца да печь. Даже одна кровать со столом уместилась с трудом. Но выбирать было не из чего. Побелила, помыла все и переехала. Хорошо хоть близко от конторы, дети на глазах - вот и все удобства. Все бы ничего, но хибара наша даже огорожена не была. По ночам бродячие животные подходили, чесались об углы, тыкались носами в окошки, пугая меня и детей. Пришлось снять частную квартиру совместно с одинокой полоумной женщиной, которую все в поселке звали тетя Поля. Работала она в колхозе хорошо, но из-за какой-то болезни, перенесенной в детстве, была слаба рассудком. Я с ней жила дружно, дети мои ее не обижали и другим не давали обижать.

До войны в этом колхозе хозяйничали крепкие мужики, почти все родственники - братья, кумовья, сватовья по фамилии Коробовы. Половина поселка носила эту фамилию. Но в войну председателем стал демобилизованный инвалид Зырянов. Человек малограмотный, не имеющий никакого опыта руководителя и хозяина. Трудно мне было работать с таким человеком. Любил он пить водку за чужой счет. Пытался

руки свои запустить и в колхозную кассу. Мне как бухгалтеру приходилось всегда быть начеку. Из-за этого Зырянов всячески придирался ко мне, искал повод снять с должности, но меня знало и поддерживало районное начальство, не давая в обиду. В Малиновке мне удалось приобрести корову и овцу. Телочку мне продали по разрешению правления колхоза. С нетерпением ждали, когда у нас будет свое молоко. Так же с разрешения правления я косила сено в неудобных местах. Однажды, усталая шла с покоса домой, смотрю - идут мне навстречу два мальчика. Присмотрелась и узнала своих мальчишек. У младшего завязана голова чем-то белым. Подбегаю к ним: о Боже! У Юрика разорвана левая щека. Когда я сняла повязку, через оторванный клочок оголились зубы. Залилась я горькими слезами.

- Что же ты, сынок мой дорогой, наделал? Что же ты, Витя, не доглядел за ним? Он же испортил себе все лицо. А Юра меня уговаривает:

- Не плачь мама. Будет незаметно, когда вырастет борода.

Прилепила я этот лоскут снова к щеке, придя домой приложила пластик свежего алоэ, завязала, и так обошлось, зажило, только шрам остался на всю жизнь. Так, ежедневно борясь с трудностями, с нуждой, с унижением, я и прожила в одиночестве эти годы моей жизни. Минувло два года моего пребывания в колхозе «Передовик». Вите пришло время идти в 5-й класс, а тут только до 4-х классов начальная школа.

Снова отправились мы к моим родителям в Боровлянку. Шел 1944 год, война все еще продолжалась. Наши войска наступали, а домой мужчины возвращались калеками. Со стоном и болью в душе, и радостными слезами на глазах встречали их жены и матери. Только я, измученная скитаниями по белому свету в поисках куска хлеба, исхудавшая от черной непроглядной тоски, не могла и надеяться на скорую встречу с тобой, мой Василий. Не истек тогда еще обманом объявленный мне твой срок, те 10 лет без права переписки.

С родителями мы прожили недолго. Мне удалось купить вторую половину в их доме, и разделяла нас только одна стена. Это удобно было: все же родной глаз следил за моими детьми. Устроилась я бухгалтером на лесозаготовительный участок «Стройгаза». Работы было много. Даже в выходные дни приходилось работать или брать работу на дом. Дети подросли. Вите шел уже одиннадцатый год, а Юрику - седьмой. Осенью 1944 года я отвела его в первый класс.

Как и их сверстники, они росли в трудное время, когда ни бумаги, ни книг, ни учебников негде было достать, а одежду, обувь - еще труднее. Но мальчишки подрастали. Хотелось мне их так накормить и одеть, чтобы они не чувствовали себя сиротами, и я старалась как могла.

По специфике моей работы мне часто приходилось выезжать в командировку с отчетом в Барнаул. Однажды, пробыв в командировке 5 дней, я возвратилась домой с подарком для детей: купила им коньки-дутьши. Но вручить подарок в торжественной обстановке мне так и не удалось. Как только вошла в дом, показалось, что в глазах у меня потемнело. Стены были черные, занавески оторванные болтались, кромка печной заслонки отломана, в шкафу разбитая посуда.

- В чем дело? Что тут было? - спрашиваю детей.

Виноватым оказался пойманный детьми жулан. Он вырвался из клетки, а наша кошка бросилась его ловить. Чтобы не съела кошка птичку, мои мальчишки стали ловить ее. Ну, остальное понятно. Когда затопили печь с отломанным углом заслонки - дым закоптил все стены. Вот так у нас бывало! Если бы ты видел, с какой радостью они приняли мой подарок. Таких коньков тогда не было ни у кого из мальчишек на нашей Кировской улице.

Многое осложняло нашу жизнь, в том числе и в заготовке дров. Кругом лес, кругом дрова, но их надо привести, наколоть, напилить. Все это делалось женскими и детскими руками. Однажды нашей бухгалтерии с подсобного хозяйства выделили немного

овощей: капусты, моркови. Мне сообщили, что после работы будут отпускать по списку. Дело было по первым заморозкам. База находилась за поселком, в полутора-двух километрах. Взяла я мешок побольше, сетку под морковь и сразу после работы пошла на овощную базу. Заведовал базой наш сосед Сулимов Михаил Семенович. Знал он хорошо мою нужду, моих мальчишек и, видимо, жалеючи меня, от душевного сочувствия ко мне, он взял мой мешок и говорит:

- Я бы наложил вам полный мешок, но боюсь, не дойдете до дома, тяжело будет.

Немного смутившись, отвечаю:

- Ничего не бойтесь, своя ноша не тянет. Донесу как-нибудь.

Так он и сделал. Наложил полный мешок крепких кочанов, взвалил мне на спину и говорит:

- Ну, с богом!

Когда я вышла из базы, на улице было уже темно. Вначале мне показалось не так уж тяжело, но постепенно силы мои иссякли. Шаг за шагом становилось все трудней и трудней. Задрожали ноги, застучало в висках. Бесценный груз мой сгибал меня все ниже и ниже к земле. Только бы не упасть, только бы не уронить мешок - так работали мысли, но тяжесть давила меня. Наконец я опустилась у изгороди отдышаться, подняла голову, смотрю и не могу понять: где я. Какой-то незнакомый переулок, бесконечный лай собак. Ну что же делать? Куда я иду? Поднялась я с великим трудом, шатаюсь во все стороны, пошла дальше, но чувствую: иду наугад, не к дому. Подошла к одной покосившейся избушке, постучала в окно:

- Скажите, пожалуйста, какая это улица?

Мне не ответили. Иду дальше, склонившись под тяжестью чуть не до земли, а в голове одна мысль - как найти свою Кировскую улицу, как дойти до дома? К великой радости я увидела идущего навстречу мне человека. Сбросила с плеч свой груз, села и, заливаясь слезами, жду, когда он подойдет ко мне. Оказалось, что это дряхленький, еле переставляющий ноги старичок.

- Что с тобой, родимая? Что несешь? Твое ли это?

- Мое дедушка, мое. С овощебазы свою капусту несусь, да вот сбилась с дороги. Далеко ли до Кировской улицы?

- О, матушка! Да ты идешь совсем наоборот. Ты сейчас поворачивай обратно. Обойдешь это озерко, выйдешь на трассу, а тогда сама поймешь: где твоя улица.

Постоял он около меня, погоревал.

- Помог бы я тебе, да видишь - плохо хожу. Иди, матушка, помаленьку. Бог даст силы - дойдешь.

И побрел он дальше по своей надобности. Не помню, долго ли я сидела в раздумье. Как я могла сбиться с пути? Однако, и днем в нашем поселке нетрудно заблудиться. Непланные улочки, переулочки, болота, кругом навалены штабеля леса. Собрала я свои последние силы, взвалила мешок на спину и пошла кое-как в обратном направлении. Сколько прошло времени я не знаю, только не стало видно огней в избах, наверное, ночь подошла. Добралась я до дома, отворила дверь и упала рядом со своим мешком. Стучали зубы, меня трясло как в лихорадке, а слез не было - так наплакалась дорогой, что не только силы кончились, но и слезы. Проснулись дети, прибежали мама и отец.

- Что с тобой? Где ты была? Ахтеньки! Какой мешок! Как же ты его донесла?

На все эти вопросы ответа не было, я могла только всхлипывать, да стонать. Вот такое у нас бывало...

Утром не могла и пошевелиться. Болело все тело, не могла поднять головы - шея будто вытянулась из позвонков. Рассказала я все, как было. Всплакнули и посмеялись сквозь слезы над моим ночным путешествием с мешком по Боровлянке. На всю жизнь остались в памяти моей те кочаны.

Теперь мне хочется напомнить тебе о твоей шутке. Она осталась в моей памяти и я часто рассказывала о ней детям. Помнишь, как ты донимал меня песней? Вот ее слова:

Вот вырастут дети, у матери спросят:

- А где наш папаша родной?

А мать зарыдает и детям ответит:

- Он принял тюремный покой...

Почему я так плакала над твоей нелепой шуткой? Может что-то сердце предвещало уже тогда, за столько лет вперед? Я сердилась на тебя за это, а тебя мое расстройство почему-то забавляло.

В поселке Ново-Боровлянка прожили мы до конца 1944 года. Были и радости, и огорчения. Посытнее стало. Карточная система была уже отменена.

Подрастали дети, увеличились заботы. Когда меня позвали переехать в Краюшкинский р-н, чтобы работать бухгалтером детского дома, я приняла это приглашение с радостью. Красивое место: кругом сосновый бор, небольшая речушка. Пообещали сразу дать квартиру. Новые люди, новая обстановка. Все это для меня было неплохо, чтобы меньше было любопытных и желающих покопаться в душе. В Боровлянке меня как хорошего работника стали выдвигать на руководящую работу председателем райкома профсоюза. Я руками и ногами еле отбрыкалась, боялась, что начнут изучать мою биографию. Во всех анкетах писала: муж пропал без вести, учился в Москве, и там погиб при бомбежке. Сведений нет никаких. Многие давали советы куда писать и к кому обращаться. Все это выводило меня из себя, ведь я знала заранее, чем это могло закончиться. Детям своим я так же говорила. Они вступали в пионеры, в комсомол беспрепятственно.

Итак мы оказались в селе Средне-Краюшкино, в детском доме № 1 (теперь это Первомайский р-н).

Шел 1945-й год, приближалась Победа. Радовались те, у кого остался жив муж, отец, жених. Плакали те, у кого отняла война близких родственников и мужей, и сыновей. Для меня же война началась в 1937 году без объявления, ночью, налетом вооруженных людей, что схватили тебя с постели и увезли на расправу. За что такое невинному человеку? Но некому было задать этот вопрос. Потому-то и плакала я и с теми кто встречал, и с теми кто осиротел. Глядя на женщин, обнимающих своих возвратившихся солдат, я думала: вот так когда-нибудь я обниму тебя горячими, истосковавшимися руками, и слезы радости теплы из глаз. А посмотрю на тех, кто безутешно рыдает над похоронкой, пришедшей нежданно-негаданно, и ставлю себя на их место, думаю, что вдруг тебя нет в живых и никто мне не даст знать об этом, и горестные слезы снова льются по щекам.

Но жить-то надо было, хоть жизнь одинокая была, ой как трудна. Есть такая поговорка: на непокрытую хату весь дождь и непогода. Сказано справедливо. Уж кому-кому, а мне пришлось испытать эту кару в полной мере и испить до дна горькую чашу лиха. Никто не видел, как рыдала я одна в холодной постели. Но стоило чуть громче засмеяться - как сразу косые взгляды словно холодной водой окатят с ног до головы. Вот, мол, она одинокая брошенка. Многие склоняли на сожительство, находились и такие. Я, дескать, нужна, а вот детей бы они согласны оставить у бабушки с бабушкой. Вопрос разрешался просто - вот порог и семь дорог. Менять своих детей на горекормильцев я не под какими соблазнами не соглашалась.

Ты, наверное, помнил до конца своих дней мой сон, который я видела за неделю до твоего ареста. Помнишь: проснулась я рано утром. Ты еще крепко спал. Я со слезами на испуганных глазах, разбудив тебя, стала рассказывать только что увиденное во сне - большое шествие по улицам Барнаула. Кто на машине, кто на велосипеде, кто

в колясках, кто на чем, а ты на лошади; и тебя эта «техника» толкает вперед, и ты с трудом выбрался в передовые ряды. А я, вроде, стою в стороне и мне стыдно за тебя. «Ну, куда он едет? - думаю я, - да еще на лошади». Потом оказалась и я рядом с тобой, тоже верхом на лошади. Едем мы одни, дорога все уже, уже. Наконец она кончилась. Ты слез с коня и у нас оказалось много вещей: узлы, чемоданы. Ты говоришь мне:

- Ну вот, теперь пойдем пешком. Бери эти два чемодана и неси.

И ты взвалил их мне на плечи. Я не хочу, сопротивляюсь. Говорю тебе:

- Мне тяжело. Не смогу донести.

А ты уверенным тоном повелительно ответил:

- Донесешь.

И пошел вперед. Я с такой тяжелой ношей иду, спотыкаюсь, падаю, а ты даже не оглянулся ни разу. Пошел и скрылся. Я так и осталась одна с двумя чемоданами, перекинутыми через плечо. Проснулась вся в поту с учащенным сердцебиением, разбудила тебя и стала рассказывать этот необычный сон. Ты сказал тогда:

- Успокойся! Это у тебя от лишнего волнения. Я невиновен. Будь за меня спокойна.

Я помню этот сон по сей день, хоть мне уже 70 лет. Он сбылся. Тебя взяли 25 ноября 1937 года. Не прошло и недели после этого рокового сна. Оставил ты мне двух сыновей своих горячо любимых и сказал «донесешь». И я несла! Сквозь все тяжкие годы и падала, и спотыкалась под тяжестью, поднявшись снова несла наш с тобой груз и в дождь, и в непогоду. Донесла, поставила на ноги здоровыми, красивыми, похожими на тебя. Старший сын Виктор написал мне в честь 65-летия стихотворение. Там есть такие строчки:

*Шестьдесят пять лет жизни
В борьбе и дерзаннях.
Несгибаемо шла, грудь подставив ветрам
Без опоры мужской, без тепла и вниманья,
Веря в добрых людей, вызов бросив врагам,
Честь и слава тебе Несгибаемый Кормчий!
Ты прошла свой девятый вал морем седым.
Не сломила усталость, бессонные ночи.
Путь твой славный пример молодым...*

Витя из-за частой перемены местожительства дважды оставался на второй год. Только мальчик привыкнет к одной школе, учителям, товарищам, и снова приходится все оставлять перекочевывать на другое место, в другую школу, привыкать к новой обстановке, к новому коллективу. Так срывала я его пять раз, пока он окончил 7-й класс. Коллектив детского дома встретил меня очень хорошо. Народ там был образованный, воспитатели добрые, отзывчивые, по-доброму относились к моим сыновьям. Мне стало намного легче. Уезжала с отчетом в барнаульское крайоно - дети оставались под приглядом тут же при детдоме. Витя стал увлекаться игрой на баяне, занимался в красном уголке детдома - там всегда был свободный баян. Он самоучкой овладел нотной грамотой и через некоторое время его стали приглашать играть на танцах во время вечеров. Хотелось мне купить ему баян, но как и на какие средства? Свой план изыскания средств на покупку инструмента даже Юрик предложил. Однажды вечером, лежа в постели, нам открыл свой план Юрик. Он очень любил сосать сахар, рос крупным, видимо, требовал организм и часто втихаря возьмет несколько кусочков, заберется под одеяло и тихонько сосет. Однажды вечером Витя его разоблачил. Услышал и говорит мне:

- Мама, ты ничего не слышишь?

- Нет, - отвечаю я, - а что случилось?

- Да у нас мыши завелись!

А Юра в это время отвечает нам:

- Ох уж! Услышали!

Нам смешно и горько. Так вот однажды, когда мы все варианты перебрали насчет приобретения баяна, Юра и говорит:

- Мама, можно сэкономить немного денег. Давайте покупать только 1 кг сахара на месяц.

Как можно было одобрить его «гениальный» план? Хотелось смеяться сквозь слезы. Но мир не без добрых людей. Директором детского дома был доброй души человек Давыдов Григорий Захарович. Сам играл на баяне и, видя, как Витя за короткое время превзошел его в мастерстве, предложил свой баян за недорогую цену.

Я приспособилась держать поросят. Картошки было много - сажали на своем огороде в 13 соток и детдом помогал. Осенью одного поросенка зарезали для себя, а другого по договоренности с Григорием Захаровичем продали ему живым весом, да 50 руб. деньгами, которые он ждал, когда я частями рассчитаюсь с ним.

Вот так мы приобрели для Вити баян. Сколько было радости! Видел бы ты его блестящие глаза. Он сначала даже дышать боялся на свой новый инструмент. Столько любви и нежности, бережливости открыл в нем этот баян. Появилось много друзей. Все тянулись к нему послушать, поиграть, научиться. Весело стало в квартире. В 1951 году Виктор закончил 7-й класс и решил поступать в речное училище. Я просила его учиться до 10-го класса, но он категорически был против. Не потому, что не хотел, а потому, что: «тебе мама, - говорил он, - трудно нас двоих тянуть до среднего, а может и высшего образования. Я пойду в речное училище в Барнауле в Затоне, окончу его, буду работать, помогать тебе учить Юру. Пусть он заканчивает 10-й класс и поступает в институт по своему выбору».

Вскоре мы решили перебираться в Барнаул. Я хотела устроиться на работу в какую-нибудь строительную организацию. Уж очень измучилась жить на частных квартирах. И дорого, и вечно чувствуешь себя стесненной, униженной - что-то не тут ты положил, что-то не сюда поставил. К тому же Юрику оставался последний год учебы в 10-м классе, а там все равно ему нужно будет поступать в институт в Барнауле. И Витя стал работать на пароходе помощником механика. После рейсов всегда приходил из Затона к нам. Настала пора собираться всем под одну крышу, но крыши не находилось. Трест «Алтайстрой», в который я обратилась, предложил мне должность главного бухгалтера СМУ № 6 в Быстро-Истокском районе с гарантией через год обеспечить квартирой. Ну что мне делать? Подумала, подумала, посоветовалась с сыночками. Витя сказал:

- Мама, соглашайся. Все равно меня нынче возьмут в армию, а Юра пусть заканчивает 10-й класс в Ново-Боровлянке у дедушки. Закончит, через год приедет в Барнаул и поступит в институт. Дадут общежитие, а потом и ты, мама, переберешься сюда.

Так и порешили. Я получила направление на должность главного бухгалтера, выплатили подъемные. Район мне понравился. На берегу реки Оби, кругом луга, простор необъятный. Работа в новой организации была очень сложной и ответственной. Хотя стаж моей работы главным бухгалтером был довольно солидным, многое мне пришлось осваивать заново. Однако помаленьку я укомплектовала рабочий аппарат, приняла кассира, двух рядовых бухгалтеров и дело пошло на лад. Начальником участка был назначен немец по фамилии Зейц, а имени его я не помню. Стал он стягивать своих немцев на должности прорабов, десятников, бригадиров и даже задался целью взять главного бухгалтера тоже немца своего знакомого, но наш трест категорически отказал ему (как я узнала позже), поэтому он был ко мне беспощаден, придирчив и требователен сверх всякой меры. Но мне в жизни везло на хороших людей. Главным бухгалтером треста работал доброй души человек Чердынцев Александр Степанович. Он не давал меня в обиду и крепко помогал мне.

Осенью Виктор должен был уйти в армию. Я договорилась с начальником речного участка № 5, чтобы отпустили его ко мне месяца на два перед службой. Женщина - начальник участка - поняла меня, как мать, и дала согласие на увольнение Вити. Он

сразу приехал ко мне в Быстрый Исток. Отдельной квартиры у меня не было, жила я вместе со старушкой в одной комнате, но нам не было тесно. Витя стал участвовать в самодеятельности. Его как баяниста районный Дом культуры просто на руках носил.

Не прошло и недели, как мне сообщили из треста, что меня переводят на работу в Беловский свиносовхоз, и я сдала дела своему заместителю. Юра в это время жил в Барнауле, готовился к поступлению в сельхозинститут. В тот год открывался медицинский институт в Барнауле, можно было без конкурса поступить в него, но мой Юра не пожелал, сказав, что с его сердобольным характером хирургом он стать не сможет, а другие медицинские специальности его не интересуют. Тогда мы стали советовать ему поступать в сельхозинститут, поскольку еще с детских лет в шутку называли его агрономом. Это прозвище он заслужил в Боровлянке, когда присматривал за нашими посадками картошки в лесу.

Пока я сдавала дела и готовилась к отъезду, Юра сдал все документы в приемную комиссию и приступил к сдаче экзаменов. Дела его шли успешно. Он сдал три экзамена, осталось еще два сдать и в это время получает от Вити телеграмму: «Немедленно выезжай. Меня берут в армию».

Пришла пора идти служить срочную, и ему принесли повестку из военкомата. Подошел час прощания. Как сейчас вижу его осунувшегося, почерневшего. Остриженная голова покрыта белым платочком, связанным уголками с четырех сторон. Это защита от палящего солнца. Подошел ко мне, обхватил горячими руками:

- Не плачь мама! С дороги напишу - куда нас повезут. Пока никто не знает.

Потом обнялись два брата, долго стояли в молчании.

- Ну, Юрка, смотри, береги маму, помогай ей и учись, старайся.

Раздалась команда по вагонам. Второпях он прощался со своим товарищем - Юрой Спиридоновым и пошел. Вслед за ним шли и мы, махали ему руками, пока не затерялся он в толпе подошедших строем допризывников.

Вечером, пригородным поездом мы вернулись домой. Я отправилась в Беловский совхоз на квартиру. Юра утром поехал в Барнаул, решил забрать документы из сельхозинститута, так как два экзамена он пропустил, и передать их в комиссию строительного техникума. Так мы решили. Другого выхода не было. Он был принят сразу на третий курс. До начала занятий оставалось около месяца.

Я не находила себе места в необжитой, чужой квартире. Все казалось чужим: место, люди, даже березовая роща, украшавшая село, не радовала меня. Зато вид оставшихся Витиных вещей - его баян, книги, ноты - волновал меня до слез. Как тяжело в одиночестве! Одной, только со своими мыслями быть и ночью и днем, и сегодня и завтра, и без конца. Неизвестность, сплошная неизвестность: куда повезли сына? Надо ждать. Как я приживусь тут в совхозе с незнакомыми мне людьми? А трудовой книжки моей все еще нет. Хожу каждый день в бухгалтерию, узнаю. Как зверек затравленный мечусь из угла в угол, разговариваю сама с собой. Так тянулось время около двух недель. Наконец терпение мое лопнуло, и я решила поехать сама за документами в трест «Алтайстрой».

До сих пор не знаю, почему отдел кадров треста задержал мою трудовую книжку. Видно, не судьба мне было обосноваться на новом месте жительства. Мое появление и высказанные мной претензии не огорчили главного бухгалтера Александра Степановича, а наоборот, он выслушал меня внимательно и на мой вопрос кто мне заплатит за прошедшие две недели в ожидании приказа и трудовой книжки, ответил:

- А мы такого приказа еще не давали, и вы числитесь у нас. И если согласитесь остаться на должности заместителя главного бухгалтера, я сегодня же дам в отдел кадров приказ и никакого перерыва у вас не будет. Правда, зарплата немного меньше будет, но есть маленькая надежда дать вам комнатку на территории треста в бараке, который намечен под снос весной, а это значит, получите современную квартиру.

Я подумала: «Правда говорят в народе, что нет худа без добра» и, конечно, с удовольствием согласилась остаться в тресте, тем более что Юра поступил в строительный техникум. Теперь мы будем вместе.

И снова я отправилась в путь за своим скарбом. Частые переезды измучили меня, но такова была моя доля.

Временно мы снова остановилась на частной квартире в древнем, полуразвалившемся флигеле, который до сих пор стоит у меня перед глазами. Крыша верблюжьим горбом выгнулась, окна вросли в землю, покосились в разные стороны. Особенно страшно было находиться в нем ночами. Я спала на сундуке, а Юра на раскладушке как раз под нависшим потолком. От малейшего стука я вздрагивала, просыпалась и с ужасом смотрела на спящего Юру. К тому же от Вити не поступало вестей уже три недели. Что с ним? Куда увезли? Неизвестно.

Работа в тресте текла однообразно. Коллектив дружный, ко мне относились сочувственно. Юра успешно учился, занимался общественной работой. Его избрали комсоргом группы. От Вити стали поступать открытки: «Едем, не знаем куда...» и так в течение месяца. Получим письмо или открытку, а там опять: «едем, не знаем куда, устали все, уж бока болят...» и тому подобное. Наконец пришло письмо из Магадана. Вот куда забросила судьба моего сына! Однажды, придя с работы, мне подумалось - может Витя однажды встретит отца, будет находиться в охране и узнает его. Ты тогда и спросишь его обо всех нас.

Шел 1956 год. В народе ходили слухи, что многих стали освобождать из заключения. В подтверждение этому вскоре получила от Вити письмо. В нем он пишет: «Мама, из Магадана многих заключенных освободили. Многие ждут этого события, считают себя невинно пострадавшими». На душе как-то посветлело немного, появилось неуверенная, очень робкая надежда на твое возвращение. А когда мой Юра принес домой брошюру, в которой было подробно рассказано обо всех совершенных преступлениях, даже указана цифра в несколько миллионов пострадавших, самых лучших партийных работников, горькая обида еще сильнее омрачила мне душу. В тот день Юра узнал правду о твоей судьбе. Когда он сказал мне, читая эту книжку:

- Мама, ты послушай, сколько дров наломали!

Он назвал эту цифру, а я, не сдержав слез своих, ответила:

- Да, сын, твой отец в числе этих миллионов, - и подробно ему рассказала все, что случилось с тобой.

В эту ночь он до трех часов ночи писал письмо на имя товарища Ворошилова (в то время он был Председателем Верховного Совета СССР), просил сообщить, в чем заключалась твоя вина, и какая мера наказания применена тебе. 23 апреля 1956 года пришел ответ: «Сообщаем, что ваше заявление по делу Чурикова В.М. направлено на рассмотрение в Прокуратуру СССР (г. Москва) с просьбой о результатах рассмотрения вас уведомить». 21 мая 1956 года Главная военная прокуратура сообщила Юрию: «Ваша жалоба в Президиум Верховного Совета СССР по делу Чурикова В.М. направлена для проверки и разрешения по существу военному прокурору Сибирского военного округа, который и сообщит Вам о результатах. Подпись: Военный прокурор отдела Главной военной прокуратуры (подпись неразборчивая)».

Мое чистосердечное признание и посвящение сына в горькую историю твоего ареста отложило отпечаток на его еще не окрепшую душу. В его выражениях и манерах появилась какая-то осторожность, задумчивость, молчаливость, излишняя серьезность. Беспечная юношеская наивность, юмор и веселье куда-то улетучились. Он надеялся на положительный ответ, с указанием твоего местонахождения. Так напряженно шло время. Я на работе, он на учебе. Прибежит на обед, сразу с порога вопрос:

- Что нового?

Я знала, что он имеет в виду; и так каждый день. Во время составления полугодового отчета всегда приходилось задерживаться на работе. В один из таких дней ко мне подошел человек в гражданской одежде и спрашивает:

- Скажите, где бы мне повидать товарища Чурикову А.Н.

Я, подняв голову, отвечаю:

- Я - Чурикова, что вам угодно?

Он, заметив мое смущение, говорит:

- Я прошу вас выйти в коридор. У меня к вам личный вопрос. Повинуясь, я встала и направилась к выходу. Он следом за мной. Весь коллектив наших сотрудников проводил меня многозначительным взглядом. В коридоре этот человек предъявил мне документ и говорит:

- Я приглашаю вас на собеседование в КГБ, комната 26. Это недалеко, на углу ул. Республики.

Заметив, что я бледная стою и ничего не слышу, он повторил еще раз, добавив:

- Вы не волнуйтесь, я должен побеседовать с вами о вашем муже. Я приехал специально по расследованию его дела. Приходите к 4 часам, я вас встречу.

Вернувшись на свое рабочее место, я не знала, за что взяться. Рассказала вкратце о посетителе и причине его прихода, и все мои товарищи по работе и главный бухгалтер Александр Степанович посоветовали мне идти домой. Надавали мне таблеток успокаивающих и проводили, давая напутствующие советы.

Как долго тянулось время, какие мысли меня одолевали - я не могу описать. В детстве я любила смотреть на ледоход. Набухший лед поднимала вода, а он с треском лопался на куски, потом с шумом мчался по течению, обгоняя и ломая перед собой все преграды. От этого всегда у меня кружилась голова. Вот и сейчас у меня такой же ледоход в голове. Набухли мозги и, кажется, тронь их - потекут перед глазами воспоминания с болью и ненавистью, с обидой за растоптанную молодость свою, сиротскую жизнь детей моих.

Ровно в 4 часа дня меня встретил в условленном месте человек из КГБ, вежливо пригласил пройти в комнату № 26, усадил на стул. Сам сел напротив меня за стол, достал из стола папку, дело с твоей фотографией, открыл первую страницу, но прежде чем начать со мной беседу, представился:

- Я прибыл из Ленинграда для расследования дел, таких, как дело вашего мужа. Моя фамилия Ивченков. Я тут не жил и никакого отношения не имею к работе органов в вашем городе. Так что, прошу вас со всей откровенностью рассказать все, что вы знаете о своем муже. Вы являетесь самым близким человеком ему, и никто лучше вас не может знать с кем он водил дружбу, кто приходил к вам, к кому ходили вы, с кем общались.

В порядке официальной справки он мне сказал, что следователь, что вел дело моего мужа, некто Перминов, оказался врагом народа и был расстрелян в 1939 году.

- Как же это! - почти с криком вырвалось у меня, - в 1939 году уже было известно, что мой муж невиновен, так почему же вы приехали разбираться в 1956 году? Я 17 лет жила в неизвестности, в тяготах скиталась по чужим углам, носила незаслуженное клеймо жены «врага народа». Почему только сейчас стали разбираться?!

Он долго молчал и смотрел не на меня, а выше меня на стену. Оглянувшись, я увидела портрет Сталина, под которым, оказывается, сидела я. Мне стало плохо. Слезы сдавили горло, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Он быстро встал, подал мне воды.

- Успокойтесь, - повторил он несколько раз, - не от нас зависящие причины не давали возможности ранее раскрыть преступные дела. И наконец, по вновь открывшимся обстоятельствам ведутся расследования повсеместно. Два с половиной часа длилась наша беседа. В заключении он сказал мне:

- Теперь вы можете ждать решение о реабилитации в связи с отсутствием состава преступления. Ваш муж будет реабилитирован посмертно.

- Как посмертно! - вырвалось из груди это страшное слово.

Он долго сочувственно уговаривал меня взять себя в руки, потом проводил до ворот.

Вернулась я домой, точно дерево сваленное ураганом, упала в постель и дала волюшку своим горячим слезам. Мысленно искала место твоей могилы, падала на сырую землю, просила, звала, рассказывала. 17 лет твои косточки где-то зарыты вражескою рукой, притоптаны грязным сапогом. Знала бы я, где хоть и в какой стороншке - в трудный час своего горя смотрела бы туда и разговаривала бы с тобой. Рассказала бы, как тяжело прошла моя жизнь, обделенная лаской, вниманием и заботой. В горе и печали, вечно в поиске крова и куска хлеба прошли мои молодые годы.

Так плакала я и не слышала, что пришел Юра. Он с тревогой в голосе спросил у меня:

- Мама, что случилось?

Я рассказала ему о моей встрече и собеседовании с человеком из КГБ и добавила:

- Вот сынок, и сбылся твой сон...

Сон этот случился у Юры незадолго до этого события. Проснувшись, он мне его пересказал:

- Мама, я сегодня увидел во сне, будто летела птица прямо над нашим домом. Я второпях схватил ружье и выстрелил в нее и вижу, что убил ее. Она медленно спускается, падает. Я жду, и вот она упала. Подхожу к ней, поднимаю, а в руке оказался лоскут от шубы. Я повертел его и бросил в сторону.

- Наверное, ты получишь печальный ответ на свой запрос об отце, но шума будет много, - сказала я тогда ему.

- Ну ты, мама, как наша бабушка, стала суеверной. Я снам не верю.

Прошло не больше недели после этих событий и получили мы письмо из Москвы. В нем была справка по форме № 30 из Военной коллегии Верховного суда СССР от 10 ноября 1956 г. Бумага сообщала, что «дело по обвинению Чурикова Василия Максимовича пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 6-го октября 1956 года. Приговор Военной коллегии от 29 июня 1938 года в отношении Чурикова В.М. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Чуриков В.М. реабилитирован посмертно».

Вот и все, что было сказано о жизни твоей, безжалостно оборванной в 26 лет. Нет тут слов «погиб смертью храбрых», ничего не говорилось о «героической гибели при исполнении служебных обязанностей», и не написал никто, что ты «погиб за Родину». Все это потому, что не успел ты совершить никаких подвигов. Ты просто был убит, неведомо за что и во имя чего. Остались только казенные, равнодушные слова: «за отсутствием состава преступления, реабилитирован посмертно». И где же захоронен прах твой? Куда пойти родным, чтобы поклониться его могиле? Все стерто с лица земли и предано забвению. Эта справка перевернула наши с сыном души. Я словно вновь вернулась в 1937 год. Все раны, залеченные временем, вновь открылись, горькие чувства поднялись к самому горлу.

Требовалось уладить кое-какие формальности, чтобы получить конфискованные у мужа 400 рублей. Надо было снять и заверить в нотариальной конторе справку о реабилитации, чтобы получить похоронную в ЗАГСе. Похоронная справка была нужна и для получения какого-то выходного пособия в сумме двухмесячной зарплаты. Пришлось ходить, объяснять, почему нет похоронной. Наконец под нажимом вышестоящих организаций, а им тоже пришлось показывать справку о реабилитации, в ЗАГСе изготовили «копию» похоронной, где в графе «причина смерти» просто поставили прочерк. Все эти мытарства окончательно свалили меня с ног, и Юра стал за мной ухаживать.

26 декабря 1956 года состоялось заседание бюро крайкома КПСС, на котором ты был реабилитирован посмертно и в партийном отношении. В решении бюро также было записано о предоставлении нам квартиры или возврате старой, в которой мы жили на ул. Гоголя, в доме № 51. Несколько раз приглашали меня на собеседование в крайком. Все эти поздние соболезнования не утешали, а наоборот раздражали меня. Думалось и так хотелось прямо сказать: почему тогда в 1937 году не защитила партия моего мужа, верного партийца, члена партии с 1931 года. Конечно, я не решалась говорить это вслух. Хорошо хоть клеймо «врага народа» сняли, а обиды уже кровью запеклись в наших сердцах...

28 марта 1957 года нам по решению горисполкома дали ордер на двухкомнатную квартиру по адресу ул. Чкалова, дом № 50, квартира № 4. Этот дом был сборно-щитовым, финского типа, двухэтажный, с печным отоплением. Наша квартира была на 1-ом этаже. Конечно же, радостное событие. Все нас поздравляли, получить квартиру в центре города в те годы было очень трудно. Домов тогда строили немного. Но и это радостное событие отчасти печалило меня. Прибавилось забот о приобретении дров и угля. Чтобы нагреть почти 30 кв. метров жилья мы ежедневно сжигали по 2-3 ведра угля, но тепла почти не ощущали. Оказалось, что печи были сложены неправильно.

Но это все потом обнаружилось, а сам переезд в квартиру совпал с днем рождения Юрия 2-го апреля. К этому дню приехал мой брат Коля и помог нам с переездом. На работе мне дали самосвал. Погрузили мы в него сначала остаток дров, а потом все остальное наше имущество. Дело было уже под вечер. Приехали к новому дому, а в 8-ю квартиру как раз в это время вселялся директор ресторана Кушнарев. Подъезд к дому был загорожен его машиной, из нее выгружали мебель. Шифоньеры, буфеты, трюмо, кухонный гарнитур, стулья, столы... Куда нам до Кушнаревых, с нашими-то «гарнитурами»? Даже немного стыдно стало.

Братишка Коля смотрел, смотрел, а потом закричал шоферу:

- Сваливай!

Я подбегаю к шоферу, кричу:

- Там же посуда есть, все поломаете!

Но обошлось. Вещички внесли, дрова разгрузили, вошли в квартиру, сложили пожитки в коридоре. И хоть в догонялки играй. Пустые комнаты. В это время Юрины друзья из техникума пришли поздравлять Юру с днем рождения. Подарили ему статуэтку Льва Толстого, шляпу, еще что-то, не помню. Угостила я их заранее приготовленной виноградной настойкой. Выпили они и закусили, стоя вокруг нашего небольшого столика, потому что стульев было раз-два и обчелся. На этом наше новоселье и день рождения и закончились.

Единственным теплым местом в квартире оказалась кухня. Там стояла железная печь с духовкой, двухкомфорной плитой. Натопили ее, и стало уютно на душе. Юра занял спальню, поставил свою раскладушку, купил пару табуреток. Потом мне на работе сделали комод. Я когда получила деньги за тебя в сумме 400 рублей, купила кровать, Юрию пальто. Ребята сами сделали круглый стол, и наша квартира стала выглядеть уютнее.

Деньги за тебя я получала в крайкоме комсомола. Встретили меня там очень любезно, пригласили сесть. Секретарь крайкома, молодой такой, спросил меня:

- Вы товарищ Чурикова являетесь женой товарища Чурикова В.М.

- Да, - отвечаю.

- Так вот вам полагается получить за мужа двухмесячное выходное пособие. Паспорт с вами?

- Да, - отвечаю.

- Ну, подойдите к кассиру и получите.

Я машинально подала паспорт. Она мне отсчитала сумму денег, подала. Я опять же машинально положила их в сумку и вышла. Мне казалось, что в сумочке не деньги, а часть души твоей, твоего сердца, твои боль и страдание. Ведь эти деньги дали мне за смерть твою, и жгли они руки. Я долго не могла без слез прикасаться к ним. Оплакала каждый рубль, прежде чем истратить его. На следующее утро мне позвонили из крайкома на работу, попросили, чтобы я зашла за своим паспортом. Оказывается, я забыла его в кассе.

Сын наш Виктор, как и Юра, ничего не знал о твоей настоящей судьбе. Когда же Юра первым узнал всю жестокую правду и написал письмо в Верховный Совет СССР, я строго наказала ему не писать Виктору в часть, пока он не окончит свою службу и не вернется домой. Но Юра в круговороте всех событий, связанных с твоей реабилитацией и получением квартиры, в свой день рождения забыл о моей просьбе и написал Виктору письмо о том, что нам дали квартиру и даже начертил план комнат. Подписал «Это мне батька подарил в день рождения квартиру!»

Получив такое загадочное письмо, Виктор обратился ко мне:

«Мама, напиши, пожалуйста, о каком батьке пишет мне Юра? Кто он? И о какой квартире он пишет? Вы же писали мне, что вам дали комнату на улице Пушкина, дом №15.» Пришлось мне все подробно написать ему о тебе, начиная с 25 ноября 1937 года и по 10 ноября 1956 года.

«Четыре годика было тебе, когда отняли у тебя отца...»

Так я начала свое повествование...

ОТЕЦ

Это случилось через две недели после похорон. Я приехал в переделкинский храм поставить поминальную свечу. Церковь была пуста, никто не мешал помолиться за душу Георгия, попросить у Бога спасения ее и вечного успокоения. И помню, как вышел оттуда, чувствуя, что словно бы кто-то ласково огладил мою душу и до краев наполнил смиренной печалью, к которой, как мне казалось, я еще не был готов.

На кладбище оказалось безлюдно. Пока шел до могилы, не встретил ни одного человека, и это лишь усилило состояние. Хотя и странно - такой солнечный, теплый и тихий-тихий стоял октябрьский день, будто тоже успел помолиться в храме.

Сейчас не могу сказать, о чем думал тогда, стоя у совсем свежего глиняного холма, на который береза успела уронить горсть сердечек. Может быть о том, что навсегда теперь лежать отцу между могилами поэта Арсения Тарковского и философа Валентина Асмуса. На одной кладбищенской оси. С Арсением Александровичем, особенно в последние годы Тарковского, отца связывала нежная и обоюдная благородно-уважительная дружба, которая бывает, наверное, только между очень много пережившими и понявшими мужчинами.

К Валентину Фердинандовичу Асмусу отец питал почтение, правда, близко ставя его к Алексею Лосеву, Лосевым просто восхищался. Считал его крупнейшим русским мыслителем. А я на первом курсе писал у Асмуса курсовую: «Идеальное государство Платона» и теперь, по пути к отцу, всегда останавливаюсь у православного креста над могилой русского немца.

Вначале я не понял, что произошло. Таким абсолютным был покой вокруг и внутри меня, так молча стояли деревья, воздух, да и солнце, на которое можно было смотреть в упор. И вдруг в ограду ниоткуда слетелась целая стая синиц. Они расселись на ограде по всему периметру, а одна из них, трепеща крыльями, зависла в воздухе прямо передо мной, на несколько секунд буквально остановившись против моего лица, как бы заглядывая в глаза, а затем бесстрашно села на карман куртки, и, чуть помедлив, мягко ущипнула руку между большим и указательным пальцем. И сразу же всей стайкой вспорхнули синички и исчезли... Уже на переделкинской платформе я взглянул на руку - величиной с копейку там было красное пятно. Оно продержалось ровно три дня, пока не растворилось как облачко.

Господи, успокой его душу. Мой отец много страдал за других, ради других, и Ты подал, как я верю, добрый знак. И моя матушка тоже верит в это, успев прикоснуться губами к этому драгоценному знаку, как к живому привету от его сохраненной души.

С тех пор прошло немало лет, но я все еще не могу и не хочу видеть ни фотографии, ни видеосъемку октября девяносто шестого.

Когда он за что-нибудь обижался на нас, своих сыновей, иногда говорил: «вы еще будете вспоминать своего отца». Говорил как ребенок.

И чем дальше, тем более он оказывается прав. Наблюдая за тем, что творится сегодня с людьми и страной, я все чаще вспоминаю отца, вдумываюсь в его судьбу и все отчетливее вижу громадные контуры его личности. Особенно на фоне нынешней власти и общества.

И, видимо, логично, что «новая эпоха» отторгла его в самом начале, как чужака. Но отвергло его и догорбачевское время. По той же причине.

Мне кажется, здесь нет противоречия.

Он родился в 1922 г. и, как сам считал, принадлежал к святому поколению, почти целиком выбитому войной. Из каждой сотни ребят, родившихся в 1921-1923 гг. - погибли девяносто семь человек. А святым это поколение отец считал потому, что его ровесники, как и он сам - были воспитаны в беззаветной вере в то, что строят самое справедливое и правильное общество во Вселенной! Эти пацаны, спасая Родину и разгромив фашизм, погибли, так никогда и не узнав, насколько бездарно и цинично будут преданы своими «воспитателями».

До конца жизни он был убежден, что война унесла из его поколения самых чистых, ярких и талантливых. Вспоминая своих одноклассников, погибших на фронте, он упрямо твердил, что они были лучше его, уцелевшего, и признавался, что всю жизнь оглядывается на них, как на совесть и - должен, должен им. Может быть, потому и сказал Евгению Примакову на праздничном вечере в честь избрания того академиком, с присущей прямоотой: «Помни, Женя, кому ты обязан своим званием - моему погибшему поколению. Вы занимаете чужие места не по заслугам, а потому что нет их».

Наверное, это было неприятно слышать, но таков отец.

Мне нравится, что он родился в деревне Куницыно Иркутской области и происходит от казаков Хабарова. Я помню его рассказы о своем деде, который еще с рогатиной ходил на медведя и был в этом занятии силен и удачлив. Я никогда не забуду, как мой отец любил своего отца, с восторгом и восхищением вспоминая, как в детстве ходил с ним в тайгу на все ту же медвежью охоту, плавал по Лене на баркасах, и о том, как мой дед, будучи артельным грузчиком, в одиночку занес на второй этаж пианино.

На фронт отец после военного училища сразу попал под Сталинград. Рассказывал, как днем в степи немецкие летчики гонялись даже за одинокими солдатами. И как оживала степь ночью. Вдруг как будто из-под земли появлялись колонны нашей техники, танки, орудия, пехота, и все это грозно, молча, без огней двигалось к Сталинграду. А днем опять голая степь...

Сразу после Сталинградской битвы саперный батальон отца вошел в мертвый город, снимать мины. По его словам, он видел Апокалипсис - тысячи мертвых тел, зачочневших на лютом морозе. Немцы, в рывке на Восток, и наши, в рывке на Запад. И между ними, между сотнями тысяч мертвецов, - линия фронта.

Почему-то отец был уверен, что дед воевал тут же. И он рассказывал об ужасе, пережитом в ту ночь, когда почти в каждом убитом русском видел отца, бросался к нему, снова брел в этом царстве мертвых, судорожно вглядываясь в лица, которые даже у молодых солдат теперь не имели возраста.

Отец гордился четырьмя фронтовыми ранениями, двумя красными и двумя желтыми нашивками - больше, чем боевыми наградами.

Он был в двух величайших сражениях - в Сталинграде и на Курской дуге. В Чехословакии, на Дуклинском перевале снайпер разрывной пулей едва не лишил его правой кисти. Я вижу, как он пешком идет несколько километров до санчасти, прижимая к груди кисть, державшуюся только на мышцах и сухожилиях. И, теряя сознание, грозит хирургу, что застрелит, если тот ампутирует руку.

Для меня жизнь отца, это моя «Повесть о настоящем человеке», которую я читал и читаю до сих пор с неослабевающим напряжением.

Потомок таежных следопытов, он со звериным чутьем определял талант, загадочно трансформировал остроту глаза предков в безошибочное эстетическое зрение.

Уже будучи к 1965 году первым замом заведующего отделом культуры ЦК КПСС и фактически руководя всей сферой культуры Союза (при часто хворающем Поликарпове), он распахнул двери нашего дома для всех деятелей литературы и искусства, в талант которых искренне поверил. Я помню эти бесконечные застолья, где рядом могли одновременно оказаться Айтматов и Евтушенко, Гамзатов и Кулиев, Чивилихин и Тендряков, Шатров и Климов, Андрей Тарковский и Лариса Шепитько.

Помню, как выбегал он из кабинета в радостном оживлении и читал нам вслух Твардовского или совсем молодого тогда Василия Белова, его «Привычное дело», с какой-то даже хвастливостью спрашивая нас: «Ведь не хуже, чем у Шолохова, а? Вы послушайте, послушайте, как пишет!». Он искренне жалел, что «роковая» Людмила Чурсина не успела сыграть Дарью в «Тихом Доне». И, охотно признавая мировую славу Софи Лорен, с жаром утверждал, что наша Татьяна Доронина не уступает ей ни в красоте, ни в таланте. Умел он восхищаться талантом и умел гордиться за Россию, рассыпью дававшую эти таланты.

Позже я догадался, каково это было в те годы, в середине шестидесятых везти с собой в служебной машине в закрытые цеховские пансионаты на Клязьме и в Успенском актеров, режиссеров, поэтов и - под сумрачными взглядами высоких цеховских чиновников - хохотать в чинной столовой, разгуливать по охраняемой территории со своими непричесанными и живописными гостями, с абсолютно детской наивностью наплевав на, в общем-то, суровые писанные правила.

Вот, наверное, почему в разговоре с «серым кардиналом» брежневской эпохи М. Сусловым, вызвавшим его для беседы перед утверждением на должность министра кинематографии, быстро поняв, что от него потребуется на новом поприще (бороться с «идеологической диверсией против партии», осуществляемой «группой режиссеров и сценаристов»), встал и прямо заявил, что его руками это сделано не будет. Суслов побелел, нервно передвинул очки и сказал пророческие слова: «Вы свободны».

Случай беспрецедентный, для идеологической цитадели, каковой являлся всегда ЦК - уникальный, единственный! Фактически, человек напрямую, понимая, что перед ним второе лицо всесильной партии, отказывается от должности, от доверия. Его «поцеловать» хотели, а он не просто отшатнулся, но выдал нелюбовь, яркое отсутствие взаимности.

Это был осознанный и, разумеется, нравственный выбор. Вместе с престижной должностью министра, ему в «нагрузку» предлагали возглавить чугунный партийный «каток», который обязан был давить именно тех, кого он не просто поддерживал, а кому, совершенно не оглядываясь на собственную карьеру, бесстрашно помогал, успел по-человечески полюбить, кого считал не только гордостью советского кино, но и своими единомышленниками. Имена «диверсантов» были известны: М. Ромм, Г. Чухрай, М. Хуциев, Г. Шпаликов, А. Тарковский, Г. Панфилов, Л. Шепитько, Э. Климов, Ю. Нагибин, А. Алов и В. Наумов, многие другие.

«Каток» доверили Ермашу. И Ермаш не подвел...

Но к тому времени был уже снят фильм Андрея Тарковского, может быть, один из самых великих русских фильмов - «Андрей Рублев». Снят только потому, что Георгий Кунцын не побоялся взять на себя ответственность и лично добился финансирования съемок. Сначала продавил публикацию сценария, а потом убедил руководство дать деньги на фильм.

Да, такова эпоха, но не будь на этом месте и в это время Георгия Кунцына, не было бы и этого гениального фильма, да и судьба самого Тарковского могла сложиться еще драматичнее. Андрей ответил отцу не только благодарностью на всю жизнь, но годами искренней дружбы. А отец к концу жизни считал едва ли не главной своей жизненной удачей то, что «Андрей Рублев» был снят. А то, что при Ермаше он восемь лет пролежал на полке, так это совсем другая история. Было чему лежать!

Помню, когда Горбачев пришел к власти, я сказал отцу: «Я поверю в серьезность их намерений только в одном случае - если они позовут тебя».

Отец задумчиво усмехнулся. Знал, что этому не быть.

Иннокентий Бараков, одноклассник отца, одно время бывший начальником Горбачева в ставропольском то ли обкоме, то ли крайкоме на вопрос о новом генсеке ответил еще в 85-ом г. и ни секунды не задумываясь: «Мишка? Этот все заболтает!».

Но меня поражают не генсеки и их соратники наподобие А.Н.Яковлева (открытые письма Г.Куницына к А.Н.Яковлеву опубликованы в «Литературной России», № 45-47, № 50 за 1996 г.; № 3 за 1997 г., лишь малая часть от пока не опубликованной целиком книги). Тут я мало удивляюсь, потому что рядом с Г. Куницыным и Горбачеву и прежнему «товарищу» по ЦК Яковлеву было бы неуютно - разный масштаб, слишком несоизмеримый и в личностном, да и в интеллектуальном планах. И уж А.Н. Яковлев понимал это, конечно, отчетливо.

Матерый идеологический оборотень, в свое время возглавлявший Агитпроп ЦК КПСС, умело гнавший Солженицына и Сахарова, осуществлявший идейную накачку в Праге в позорном 68-ом году - он сумел настолько запудрить мозги нашей инфантильной интеллигенции и своей «героической» ссылкой в Канаду, и таким же яростным антикоммунизмом, как его прежний коммунистический Агитпроп, что один глупый телевизионный мальчишка даже позвал его в тридцатилетнюю годовщину пражских событий поделиться своими «демократическими» соображениями о кровавой дате, не подозревая, какой клыкастый волк сидит напротив.

Так вот, я удивляюсь другому. Я удивляюсь неблагодарству и циничному эгоизму нашей творческой интеллигенции, дружно делающей вид, что не было в нашей общественно-политической жизни такого человека - Георгия Куницына.

Набросившись истерично-озлобленной толпой на всю коммунистическую эпоху, топча ее поверженную историю и лихорадочно выискивая в своей биографии «страдальческие» факты, она нагло замалчивает судьбу человека, который действительно и ради нее тоже - совершил духовный подвиг.

Когда Лариса Шепитько привезла в Дом ветеранов кино «Матвеевское» свой фильм «Восхождение» - специально показать отцу, после сеанса ей из зала бросили: «Где же вы видели таких сотниковых в жизни?» И она, указав на отца, сказала: «Вот он, Сотников». Да, она видела в отце современный прообраз Сотникова и понимала, что он сделал своей судьбой.

А нам уже десятилетие элитарная стая нравственных лилипутов пытается навязать свой убогий принцип: я был подл, потому что было подлое время. И именно поэтому сознательно не желает замечать людей, которые и в подлое время смогли оставаться людьми чести.

Дело еще в том, что отец никогда не был диссидентом, «внутренним эмигрантом», со стороны и отчужденно взирающим на боль и трагедию России.

Да, он действительно был «советским шестидесятником», человеком, убежденным в том, что социализм в России не то что возможен, а единственно возможная форма существования, с учетом глубинных особенностей нашего общинного уклада, психологии и экономики. Вот почему он был в такой непоколебимой и жесткой оппозиции к тогдашней и нынешней власти. В эпоху Брежнева он отчетливо видел, как бездарно дискредитируется тупыми, безграмотными и преступными действиями сама социалистическая идея. При новой власти ясно осознавал историческое предательство страны и ушел из жизни в абсолютной уверенности, что все равно Россия вернется к социалистическому пути, ибо это не каприз идиотов, а историческая неизбежность, которой нет альтернативы. Рано или поздно капитализм изживет до дна свои ресурсы, обглодав при этом косточки всех оппонентов, а затем и свои собственные - под лицемерные литавры демократических свобод и крокодиловы слезы о правах человека.

Но и будучи «шестидесятником», борющимся за «правильный социализм», он, в отличие от многих своих приятелей, начиная с Примакова и кончая Егором Яковлевым и Ф. Бурлацким, не признавал нравственных компромиссов. Некоторые его единомышленники тогда считали, что можно «прогнуться» перед властью, дабы войти в нее, а затем поставить на службу прогрессу.

Прогнуться-то прогнулись, а затем и наизнанку вывернулись, выслуживаясь уже перед прогрессом буржуазным, и только Георгий Кунцын остался самим собой до конца. Я часто думал о том, почему он, прожив такую трудную жизнь, ни разу не изменил своей личной, внутренней свободе? Да и вообще, откуда же в нем эта мощная, неподавляемая свобода взялась?

И кажется, догадался. На войне, на фронте, четырежды раненый, но уцелевший, он ощутил, осознал свою историческую причастность к величайшей Победе. Вот как он сам сказал в одном из интервью: «Я привык, что мне всегда или почти всегда не везет в мелочах. Обычная невезучая жизнь человека. Но как подумаешь: совершенно счастливая в самом главном. Нет ничего для меня лично более глубокого, спасающего весь смысл моей жизни, как то, что я воевал. Ничто в жизни я никогда не ценил и не буду ценить так, как свое исторически великое счастье - я освобождал Родину...»

Может, здесь она, причина его внутренней свободы? Может потому он не боялся стоять на своем, что с любым чувствовал себя равным, если речь шла о судьбах отечественной культуры и самого Отечества. Потому что, убежденный в своей правоте, не видел оправдания и причин - уступать любому оппоненту. Любому - будь-то друг, чиновник или же сам генсек. И еще - он совершенно отчетливо осознавал себя представителем своего погибшего в войне поколения. Он чувствовал за своей спиной их, своих одноклассников и друзей, и не мог их предать ни за что.

Иногда отец говорил: «Я не потерял ни одного друга по собственной вине»...

Что касается социализма, то, по мысли отца, в СССР были лишь некоторые его признаки, но в целом то, что было построено при Сталине-Брежневе к социализму подлинному отношения не имело. Это, скорее, была уродливая форма государственно-монополистического капитализма, капитализма партийно-бюрократического, прикрытого социалистическими лозунгами и лживой демагогией. Вот почему он болезненно переживал отождествление социализма с грубыми извращениями «советской эпохи», понимая, как надолго дискредитирована сама идея.

В этом состояло принципиальное отличие его критики той же брежневской эпохи от лукаво обдуманной и невежественной критики тех, кто преступления Сталина и маршм Бржневе стали выдавать за родовые черты самого социализма. Идея - это не партия, и она не виновата в том, что ее седлают подчас моральные уроды, маргиналы и демагоги. Идея не отвечает даже за лидеров.

Есть и еще одно принципиальное отличие - «цекист-расстрига», как его называли, противостоял режиму тогда, когда режим был в полной силе, и отвечал ему ударом на удар, а нынешние критиканы осмелели лишь сегодня, отважно глумясь над «мертвецом». Зачем же им вспоминать чужой героизм одиночки на фоне своего холопского счастья в осатаневшей от безнаказанности коdle?

Мало кто знает, что скандально известная статья Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами» была написана в ответ на статью отца «Пришло ли времечко?», опубликованную в конце восьмидесятых «Литературной Россией» и вызвавшую гнев у Егора Кузьмича Лигачева, второго человека в КПСС после Горбачева. Со слов отца знаю, что «вредная» статья эта, впервые честно сказавшая о преступлениях сталинизма против русского крестьянства, армии и народа в целом, стала предметом обсуждения на Политбюро (правда, в отсутствие Горбачева), что Лигачев требовал от Союза писателей России дать ей публичную принципиальную оценку, но ни Сергей Михалков, ни Юрий Бондарев на это не пошли. Вот тогда-то и появилась некая Нина Андреева,

не поступившаяся принципами самого убогого, самого примитивного лжесоциализма. В этой статье используются скрытые цитаты Георгия Куницына, яростная с ними полемика, но ни разу не названо имя «виновника».

И это тоже своеобразная фигура умолчания. Странно, как сошлись в этом замалчивании Георгия Куницына и махровые ортодоксы, и свежееиспеченные демократы!

И все же я бесконечно рад, что еще при жизни отец услышал публичную благодарность от И. Смоктуновского, Р. Быкова, А. Тарковского, Э. Рязанова, Э. Климова, К. Ваншенкина, М. Хуциева и не только от них.

Я знаю, что вряд ли забудут отца его студенты из Гнесинки и Литинститута, да и все те, кто внимал в самые глухие годы - страстным словам правды.

Я знаю, что пишутся о нем воспоминания, и как-то правильно, что его сами пригласили и избрали в академики Академия естественных наук России и Международная академия информатизации.

Он никогда, не останавливался в мысли и даже в такой «крамольной» и гонимой всеми области, как уфология, на самом ее полуподпольном этапе еще в 70-х - первым из советских философов сделал попытку мировоззренческого обобщения разрозненных фактов, заложил фундамент научного отношения к контактам с внеземными цивилизациями. И в итоге написал свою книгу о космологии, где через идею бесконечности Вселенной проступает образ не только нашей духовной ответственности перед Космосом, но и его отношения к человеку и человечеству. Книгу не изданную до сих пор.

Отчасти удивительно, что режим не сожрал его физически. Несколько раз пытались выбросить из партии, но не «выдали» институты. В 1985 г. трех его учеников на Лубянке продержали по восемь часов на перекрестном допросе - шили «руководство антикоммунистической организацией». Стряпали полное уничтожение. Не успели.

Зато потом успели повыбрасывать партбилеты. «Антикоммунист» Куницын свой хранил до конца из принципа.

Как-то все красиво и крупно было в жизни отца.

В шестом классе учитель математики, скорбно глядя на него, второгодника и уличную шпану, сказал одну лишь фразу: «Гоша, ты «Недоросль» Фонвизина читал?» И Гоша, хватавший до того одни копы, но уже проглотивший всю школьную библиотеку, единственный в классе понявший учителя, и едва не умерев от стыда, становится лучшим учеником школы. Золотым медалистом, чье имя золотыми же буквами выбито на Доске Киренской средней школы № 1 и по сей день. И потом - лишь красные дипломы. Всегда, даже если параллельно на другом факультете еще одну специальность - экстерном. Только так.

Он восхищался физической силой своего отца, Ивана Петровича. Однажды в детстве шли по Киренску и пристали к ним три дюжих полупьяных мужика. Дед резко покраснел, те решили, что сдрейфил, и полезли. Вот тогда дед ударил, почти без замаха. Мужик по воздуху перелетел улицу и разбил забор. Отец вспоминал, как остальные бурно впали в восхищение, просто в дикий какой-то восторг: «Саратовский?!» «Саратовский, саратовский» - усмехнулся дед. Когда пошли дальше, дед сказал: «Не дерись, решай миром, но если нельзя - бей первым». Откуда было тем мужикам знать, что краснел дед не от страха, а от гнева, и этим иногда вводил людей в опасное заблуждение.

А я восхищался силой своего отца. Как-то на сорокалетие Победы отец с матерью шли по улице Горького, из гостей. И здоровенный молодой верзила, тоже подвыпивший, прицепился к отцу, заметив его орден: «Ну что, гордишься, что немцев одолел? Лучше бы ты ее - проиграл, эту войну, жили бы как люди!». И тогда мой шестидесяти-трехлетний отец, доктор наук и профессор, ударил. Почти без замаха. Мама говорит, что метров через сто оглянулась - германofil все еще скучал, обхватив ногу дерева. Может быть и сегодня какой-нибудь «новый русский» нет-нет, да припомнит, как пускал красные сопли в День Победы - в честь Георгия Куницына!

За два месяца до моего рождения в 1948 г., отец с матерью отправились погулять в тамбовский городской сад. А там проходило соревнование силачей - крепкие мужики поднимались на сцену летнего театра и прямой рукой от пола выбрасывали над головой пудовую гиру.

Отец не усидел. И беременная мама не смогла отговорить. Полез на подмости. Морячок его один шибко раззадорил - обошел всех почти вдвое. А отец еще в школе не знал соперников, да в двухпудовке. Короче, полез, наплевав на руку, которая и четыре года после ранения была в бинте. Публика в рев: «Куда, дохляк, ломаешься! Пупок развяжешь! Каши мало ел, дистрофик!». Почти под два метра, отец в самом деле был тогда тощий, как бельевая веревка.

Но на десятом взмахе толпа затаилась, а после двадцатого, напрочь забыв морячка, стала в восторге орать и ухать единой глоткой после каждого выброса на прямую. Не догнал отец морячка броска на три - гирия сорвалась с руки на рывке. В азарте он перехватил ее левой и начал по новой. И опять, чуть не догнав морячка, упустил чугунную чушку. В итоге оказалось, что он один поднял ее больше всех вместе взятых. Только отдавая матери часы «Победа» за второе место, он, по ее отчаянному взгляду, увидел, что бинт промок от крови. Однако, народ отца признал, и еще долго, встречая его на улице, мужики уважительно смотрели вслед, беззлобно подначивая: «Ну, что, проворонил самовар-то?» Это был приз за первое место.

Я помню часы «Победа» в стальном продолговатом корпусе. - Похоже, я их запомнил еще в животе у мамы. Потом часы украл бывший обкомовский слесарь, но это уже другая история.

Двадцать лет спустя, в 1968 году я стал свидетелем другой силы отца. На провале его докторской диссертации в ИМЛИ. Тайным голосованием, после блестящей защиты, при абсолютной поддержке официальных оппонентов. Позже выяснилось, что тайной указки из ЦК было достаточно, чтобы наша нравственно-дряблая научная элита послушно задрала вверх свои «белые» лапки. Среди них своего Куницына - не было.

Помню сам этот миг после объявления «смертельного» приговора. Помню эти вытянувшиеся секунды и молчаливый шок в зале. А сюда пришел почти весь цвет московской художественной интеллигенции. Помню Марка Донского и Элема Климова, Марлена Хуциева, Леонида Зорина, Алова и Наумова, Михаила Шатрова, Ларису Шепитько, Константина Ваншенкина, Владимира Тендрякова, Ал. Михайлова, Чингиза Айтматова, Владимира Кострова, Евгения Примакова, Егора Яковлева, Андрея Тарковского, Гамзатова и Кулиева, Самсона Самсонова и Маргариту Володину... Я уверен, что ИМЛИ ни до, ни после этого позорного дня более не собирал такой публики в своих стенах. Тоже ведь уникальный случай - прийти к бывшему, лишенному всякой власти «чиновнику» на защиту какой-то «философской» диссертации. Конечно, это был жест бескорыстного человеческого уважения и дружбы.

Отец очнулся первым. Он встал и пошел по проходу. И он улыбался. Он подбадривал растерявшихся гостей и всем повторял одно: «Банкет не отменяется! Все идем на банкет. Друзья, за мной». Как мне забыть эту улыбку? Я горжусь ею, как фамильным дворянским гербом гордится иной. В отцовской улыбке тогда я увидел его гордое мужество, отвагу, свободу и силу.

Долгое еще время по Москве ходили слухи о банкете, который затеял Георгий Куницын в Центральном доме литераторов в честь своей незащищенной диссертации. Он обратил свое временное поражение в вечную для меня победу. Вечную, потому что было так, как было. И не иначе.

Мне нравится, что именно отец разыскал по всему Союзу своих оставшихся в живых одноклассников, и несколько лет подряд они слетались в Киренск к 19 июня. Именно в этот день в 1941 году они закончили школу и сидели все, еще живые, на берегу Лены.

На этом же месте собрал их своей светлой волей отец - спустя сорок два года. Чтобы помянуть погибших друзей, каждого в отдельности: русских, белорусов, украинцев, евреев, казахов, всех, кого приняла некогда Сибирь и отдала России. Кстати, всю жизнь он считал подлейшей гнусностью - сортировать людей по национальным признакам, унижать чье-либо национальное чувство и достоинство. Искренне считал это антирусской чертой и сам всегда смотрел только в самого человека, в его суть, никогда не унижая себя и другого «генетическими» обобщениями.

Самым крепким словом у него было: «говнюк». Но этого хватало, чтобы выразить всю степень и гамму нравственного отношения. И в его устах это звучало иногда как моральный приговор - своеобразная «высшая мера».

Да, мне нравится, что никто и ничто не смогло согнуть его, заставить отступить, поступиться той гордой внутренней свободой, которую он носил в себе. Его не брала и водка. Если он приходил домой, напевая: «А я сам, а я сам, я не верю чудесам...», и шел до кровати по стеночке, добродушно подсмеиваясь над собой, значит, в эту минуту все его собутыльники без исключения уже спали под столами мертвецким сном. Я не видел человека, способного его перепить. Ни разу. И переспорить - тоже.

И все-таки настал тот миг, когда его могучие часы с боем остановила неведомая сила, а вместо них перевернула маленькие песочные часы.

И жизнь его с метафизической быстротой стала убывать вслед за песчинками, забирая его силу, мощь, энергию, страсть, истаивая тело.

Я отчетливо помню, как упала последняя. За день до смерти, почему-то, собрались около него все вместе: мама, мы четверо сыновей, наши жены и его самые верные ученики. Он был уже не первый день без сознания. И вдруг, именно тогда, когда все сгрудилось вокруг, ресницы дрогнули, отец открыл свои все еще светло-синие глаза и внимательно посмотрел на каждого.

Какой это был кроткий, тихий и озаренный внутренним светом взгляд! Будто бы все-все уже улеглось в душе, и остался лишь этот нежный свет, предназначенный только для него, явленный и нам его успокаивающим, последним усилием. Отец улыбнулся и тихо ушел в свой свет.

Я понял, что он простился с нами. Простился навсегда и простил. Но меня потрясла его улыбка. Так же загадочно улыбаются младенцы. И так же внимательно, словно узнавая, вглядываются в родные лица. Говорят, что они еще ничего не видят и ничего не понимают. Но откуда нам знать это о них, всплывающих, как корабли из таинственной глубины? Мой отец, проживший свой век на пределе, в борьбе и страданиях, ушел в глубину с улыбкой и взглядом младенца, с глазами, светящимися спокойствием и любовью. Ушел к тем, кого сам называл Молчащим Большинство.

Отец, ты замкнул в моем сознании и этот великий круг.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Итак, завершена очередная краевая издательский конкурс. Имена победителей уже известны. Вскоре у «массового читателя» появится возможность приобрести книгу-победительницу и самому составить суждение о выборе экспертов. На правах одного из членов экспертного совета позволим себе высказать ряд замечаний относительно прозаических работ, представленных на конкурс в 2012 году. Ведь не зря говорят, что именно художественная проза - царица литературных конкурсов.

Прежде всего, следует отметить чрезвычайно низкий уровень произведений, соперничавших друг с другом за право быть лучшими в номинациях «Художественная проза» и «Первая книга», чего нельзя сказать о конкурсах прежних лет. И это притом, что количество претендентов нынче было как никогда высоким: 23 заявки подано в номинацию «Художественная проза», еще 10 прозаических работ были представлены в номинации «Первая книга». Тем не менее, победитель среди прозаиков оказался лишь один: Александр Пешков со сборником повестей и рассказов «Таёжная вечерняя». Пешков победил уверенно, намного обойдя по баллам своих конкурентов во время финального голосования членов экспертного совета...

Ученик Е. Гущина, Пешков ставит перед собой вопросы, мучившие в свое время и его учителя. Повести и рассказы А. Пешкова затрагивают вечные проблемы бытия: обретение веры, поиск человеком своего места в жизни, попытка найти в наш техногенный и циничный век истинный источник духовности. Язык произведений свеж, совершенен, чувствуется оригинальный авторский стиль изложения. Конечно же, наиболее удачным произведением сборника является повесть «Таёжная вечерняя», давшая название всей книге. Именно это произведение задает тональность и эмоциональную окраску сборнику. В центре повести - жизнь и судьба живущего в тайге отшельником «бича» Сани. Бывший детдомовец, он так и не смог влиться в социум, навсегда остался одиночкой, ему чужд ритм и образ жизни современного города. Саня живет в гармонии с природой, тайгой, кажется, что он постиг ее тайны. Потому-то к нему и тянутся туристы, люди, приезжающие в тайгу, чтобы отдохнуть от городской жизни. Но они на самом деле не хотят понимать природу, они видят в ней лишь еще один источник удовлетворения своих потребностей, доступное лекарство от городской суеты. Вместе с тем, жизнь по «закону тайги» требует отказа Сани от традиционных человеческих связей: семьи, любви. Образ Сани одновременно трагичен и притягателен. Автор психологически достоверно и жизненно убедительно рисует портреты персонажей. Перед нами, без сомнения, новый интересный и сильный представитель современной литературы Алтая.

Конкуренцию А. Пешкову в номинации вполне могли составить Надежда Митягина с повестью «...Храни от огня...» и Алексей Денисенко с романом «Доктор Шиллинг», если бы сами авторы были чуть искуснее в литературном ремесле. Да, да, именно в ремесле. Потому что как раз с фантазией и языком - основными компонентами оригинального авторского стиля - у Н. Митягиной и А. Денисенко все обстоит более-менее благополучно. Заметим, что в 2006 г. роман А. Денисенко вошел в десятку лучших публикаций интернет-журнала «Русский переплет» (среди постоянных авторов этого журнала - писатель М. Тарковский). Митягина же впервые за долгие годы в литературе Алтая (пионером тут

был Ю.Я. Козлов с его «Белым Бомом») пытается художественным путем реконструировать образ почти легендарного есаула Кайгородова, осмыслить его роль в историческом процессе. Однако у обоих авторов не хватило опыта и мастерства гармонично связать фантазию, язык, композицию и сюжет в единую форму литературного произведения. При чтении данных работ возникает ощущение незаконченности, определенной искусственности в соединении некоторых частей произведения. При этом и Н. Митягина, и А. Денисенко избрали для своих повести и романа очень сложную структуру композиции: мистический подтекст, множественность сюжетных линий, которые неоднократно пересекаются в произведении, при этом сюжет нередко теряет линейную направленность, сложный хронотоп (действие происходит в нескольких местах и даже в разное историческое время), достаточно большое число персонажей. Обуздать такое сложнейшее композиционное строение под силу, пожалуй, только опытному литератору.

Чего не хватило для победы другим авторам? Если не брать во внимание явно профанирующий и хулиганский сборник «сказок» «Про Алису и ее друзей» Н. Лейбгама и несколько работ, ставших жертвами графомании их авторов, то типичные недостатки прозаических литературных произведений, не прошедших конкурсный отбор, можно свести к следующим.

Прежде всего, начинающие прозаики часто излишне увлекаются сюжетом, перегружая его маловажными деталями, событиями, комментариями этих событий, характеристикой лиц, участвующих в этих событиях... и т.д. В лавине деталей, как правило, теряется не только «сверхидея» художественного произведения, но и его языковая специфика, а это обезличивает работу, лишает оригинальности. Особенно грешат таким приемом произведения в жанре фантастики и фэнтези, представляемые молодыми авторами.

Другой распространенной ошибкой начинающих писателей («начинающих») - независимо от возраста является неоправданно глубокое внимание к собственной судьбе. Часто автор в деталях воспроизводит события личной жизни, вполне естественно акцентируя наиболее тяжелые, и даже трагические эпизоды. Само описание тяжестей судьбины становится смыслом произведения. Оправданно ли это? На наш взгляд, нет. Жизнь редко кого постоянно гладит по голове, чаще бьет и преподносит не всегда приятные сюрпризы. Так что удивить современного читателя горестями трудно. Рассказывая о своих бедах буквально, автор фактически пытается тем самым отстоять собственную исключительность, и, следовательно, дистанцироваться от читателя, а не наоборот, приблизиться к нему. В данном случае, если использовать известный образ Платона, автор как будто оказывается в пещере, откуда видна лишь часть внешнего мира. Но художественное произведение должно содержать некую типизацию, обобщение, но никак не замыкаться в кругу частных проблем. Это удел мемуаров. Лучшие образцы автобиографической художественной литературы (вспомним Л. Толстого, М. Горького да и В. Шукшина) никогда слепо не следовали реальной судьбе автора. Здесь авторский талант смог сделать обобщение, типизацию, сумел убедить читателя в универсальности запечатленных жизненных эпизодов. В противном случае все напоминало бы обычную застольную беседу или разговор в вагоне поезда, но никак не художественное произведение. Подобное увлечение личным помешало, в частности, интересной по замыслу «Повести о былом» Л. Игнатенко войти в шорт-лист номинации «Первая книга». Автор претендует на отнесение произведения к жанру исторической повести, причем обращается к теме, достойной эпопеи: судьба семиреченского казачества в 1910-1930-е гг. К сожалению, перед нами всего лишь семейное предание, недостаточно профессионально обработанное и лишенное необходимых для художественного произведения обобщения и типизации. Автор так и не смог показать частную жизнь на историческом фоне. А ведь семиреченские казаки приняли активное участие в Гражданской войне (в том числе и на Алтае), в абсолютном большинстве поддержали сторону белых, и позже покинули Родину, ушли в Китай. Это путь, отраженный в судьбе поэтессы Марианны Ко-

лосовой. Но в повести Л. Игнатенко исторический фон почти полностью игнорируется, смысл произведения сводится к перечислению частных событий в жизни конкретной семьи. За камерными событиями казачьей семьи Ельцовых совершенно не слышен голос эпохи. Так уж получилось, что все попытки создать литературное произведение о жизни казачества вольно или невольно сопоставляются с «Тихим Доном» М. Шолохова. Досадно, что бессилие Л. Игнатенко в раскрытии «казачьей» темы на фоне великого произведения становится особенно очевидным.

И, наконец, пожалуй, самой важной ошибкой, допущенной многими конкурсантами, является пренебрежение к языку художественного произведения. Не хватает достоверности авторской речи, нет достоверности речи персонажей... Особенно заметен такой просчет в произведениях исторического жанра. В уже упоминаемой нами повести Л. Игнатенко в речи малограмотных казаков начала XX века встречаются слова «климат», «трасса», «Киргизстан», «казахи» и т.п. Касательно последнего слова заметим, что этноним «казахи» появился лишь в 1930-е гг. До этого времени не только официально, но и в повседневной речи представителей казахского этноса называли «киргизами» или «киргиз-кайсаками». А вот перл из романа В. Липовцева «Потерянный страх», посвященного эпохе Ивана IV Грозного: «Великий князь всея Руси Иван Васильевич просит ваше преосвященство прибыть к нему на совет в палаты для разработки дальнейшей стратегии в жизни великого князя», – выпалил гонец». По стилистике и лексическому составу фразы можно предположить, что автор в данном случае искал вдохновения в популярном х/ф «Иван Васильевич меняет профессию». А вот так, согласно воображению Липовцева (кстати, судя по ряду сцен романа, довольно-таки буйного и скабрёзного), сам Иван Грозный мог написать в одном важном документе: «В Астрахани размещается расширенный контингент русских войск для предотвращения восстания местного населения». Здесь уж точно не обошлось без влияния на слог царя современной российской прессы. И подобных казусов в творении Липовцева, успевшего написать (и издать!) уже целую эпопею в трех томах, не просто много, а гораздо больше, чем удачных в языковом отношении отрывков текста. При этом в предисловии к книге Липовцева указано, что в ГМИЛИКА прошла ее презентация и эпопея «принята на вечное хранение в фонды музея»! Если это действительно правда, то так и хочется спросить: а сами-то работники музея читали этот опус, прежде чем взять его от имени государства в хранилище культурных ценностей? Получается, что по «шедеврам» г-на Липовцева потомки будут судить о литературе Алтая первой трети XXI века?

Хочется думать, что начинающие авторы учтут высказанные замечания и доработают свои произведения до уровня, достойного краевого издательского конкурса. В 2012 г. экспертный совет впервые решил ввести дополнительный поощрительный шаг для авторов, не вошедших в шорт-лист конкурса. Некоторые отдельные рассказы А. Забродиной, С. Алексеева, А. Тимошенко из представленных ими прозаических сборников рекомендованы к публикации в журнале «Алтай». Надеемся, что публикация в старейшем краевом литературном журнале станет настоящим стартом для начинающих литераторов.

Нет худа без добра. Оказалось, что есть и положительный момент сегодняшней патовой ситуации в номинации «Художественная проза». Неожиданно стало возможным увеличить количество призовых мест в номинации «Поэзия», благодаря чему в этом году будет издано сразу три поэтических сборника: набирающего популярность И. Образцова, матерого представителя алтайского авангарда В. Токмакова и загадочного В. Пасеки (плюс замечательный сборник А. Малыгиной в номинации «Первая книга!»).

Боюсь, что в заключении статьи все-таки не обойтись без минорных нот. Общая слабость представленных на краевой конкурс прозаических произведений вряд ли объясняется исключительно субъективными недостатками литературного мастерства отдельных авторов. Это, как нам кажется, вполне объективное отражение ситуации

в современной литературе Алтая, изобилующей откровенно слабыми произведениями творчески бессильных графоманов. Однако, кроме графомании, подобно ветряной оспе, неискоренимой и переболеть которой неизбежно приходится всякому писателю, одна из причин падения уровня алтайской прозы - буйная принтомания, коей заражены некоторые местные издатели, мечтающие о лаврах Мецената и Саввы Морозова. В поисках дешевой популярности, не обладая литературным вкусом, но, зато, пользуясь лишь сомнительным правом владения печатным станком (не зря гласит легенда, что его изобрел сам дьявол - отсюда и соблазн!) принтоманы зачастую дают путевку в литературную жизнь откровенным бездарностям и/или своим фаворитам. И зачастую даже бесплатно. А всякий обладатель собственной книги уже считает возможным причислить себя к славному цеху литераторов. И многие такие вот «незаконнорожденные» поэты и прозаики потом настойчиво штурмуют алтайское отделение Союза писателей России, буквально требуя принять их в члены писательской организации, заветной целью видя перед собой лишь раздражающе красное членское удостоверение.

Вот один такой результат милости частного принтомана: опус Е. Балакина «Именами вашими стоим»*. Показательно, что редактором книги выступила жена автора - Е. Балакина. В исторической (!) повести об Иване Ползунове, время действия которой сам автор определяет серединой 50-х гг. XVIII века, читатель может увидеть Петропавловский собор в Барнауле (построенный лишь в 1774 г.) и «одно из первых изделий Кольыванской камнерезной фабрики» (образованной лишь в 1800 г.), встретиться с начальником Кольывано-Воскресенских заводов генерал-майором А.В. Беэром (умершим в 1751 г.), услышать в речи героев слова «бегемот» (отмечено в словарях с 1789 г.), «силос» (появилось в русском языке только в середине XIX в.) и т.п. Не говоря о том, что истории в этой якобы исторической повести просто нет, и литературно-художественные ее достоинства более чем сомнительны. Чего стоит лишь эта фраза: «Сороки... дружно спикировали вниз, точно положив на вспотевшую лысину лекаря две кучки своего помёта». И это, поверьте, далеко не единственный пример уровня умения автора строить художественный образ. Но ведь этот опус Е. Балакина представлялся на краевой конкурс в 2010 г. и был начисто забракован экспертами...

Не все, конечно, так плохо. Да, и хороших книг на Алтае выходит не мало. Вот, например, победитель конкурса «Издано на Алтае - 2011», действительно великолепная книга известного писателя А. Родионова «Одинокое дело мое». Но что же получается, почти как у Маяковского, издательская работа - это «... та же добыча радия. / В грамм добыча, в год труды»? Вряд ли все так просто. Издательская работа - это, прежде всего, бизнес. А бизнес не терпит лирики. Осознанно или неосознанно, своим безответственным «волеизъявлением» частные принтоманы неизбежно наносят вред местной литературе, увеличивая число откровенно слабых произведений и бесталанных «писателей». А, может, это признак безмерного честолюбия, стремления подчинить ход литературного процесса своей барской воле? Высокое имя «писателя», «литератора» становится возможным примерять к себе всякому, кто понравится владельцу того или иного издательства. Конечно, частному принтоману невозможно указывать на то, кого следует публиковать, а кого не стоит. Но, во-первых, каждый руководитель издательства аргюи должен задумываться о той ответственности, которую он несет перед читателем за любую книгу, рождающуюся в его типографии. Во-вторых, на наш взгляд, было бы разумным, чтобы краевой издательский конкурс выполнял рекомендательную, а может быть, и регулируемую функцию в быстро мутнеющем потоке местной литературы.

* Балакин Е.Г. Именами вашими стоим: историческая повесть. - Барнаул: Алтайский дом печати, 2010. - 238 с.

Хронология журнала «Алтай»

В ноябре 1947 года вышел первый номер журнала «Алтай», называвшегося тогда альманахом. Его подготовили московские писатели, побывавшие в командировке в нашем крае. Альманах положил начало объединению литературных сил Алтая.

В 1951 году была создана Алтайская краевая писательская организация Союза писателей СССР. Ее первым секретарем стал поэт Иван Ефимович Фролов. Практически все жившие в то время в крае писатели вошли в состав редакционной коллегии альманаха. В пятидесятые годы редколлегия «Алтая» возглавлял редактор Алтайского книжного издательства Александр Сергеевич Тресков. До начала 1960-х годов альманах выходил один раз в год.

В 1954 году в Алтайский край приехала группа известных писателей во главе с поэтом Александром Яковлевичем Яшиным для знакомства с целинниками и ходом освоения целины. Их произведения публиковались на страницах «Алтая». Александр Яшин впоследствии издал в Москве публицистическую книгу «Алтайские дневники», ставшую документальным свидетельством подвига целинников.

В 1962 году пост главного редактора альманаха занял известный прозаик Николай Григорьевич Дворцов. С этого времени «Алтай» стал регулярно выходить четырьмя номерами ежегодно, тиражом 3000 экземпляров.

В 1976 году по инициативе главного редактора альманаха «Алтай» Ивана Павловича Кудинова и краевой писательской организации были проведены первые Шукшинские чтения, впоследствии ставшие традиционным литературным праздником, посвященным памяти выдающегося русского писателя Василия Макаровича Шукшина. В 2000 году Шукшинские чтения приобрели официальный Всероссийский статус, благодаря решению премьер-министра Российской Федерации Сергея Вадимовича Степашина.

В 1991 году «Алтай» получил официальный статус литературно-художественного журнала, стал выходить 6 раз в год и заметно увеличился в объеме. Во многом это была заслуга Игоря Михайловича Пантюхова, возглавившего редколлекцию «Алтая» в 1990 году.

В 1995 году журнал «Алтай» приобрел современный вид. Его белую обложку украсило изображение изделия колыванских камнерезов XVIII века - знаменитой «Царицы ваз», хранящейся в Эрмитаже. Автором нового дизайнерского решения оформления журнала стал художник Александр Кальмуцкий.

В 1997 году главным редактором журнала стал писатель Станислав Вторушин, до сегодняшнего дня возглавляющий редколлекцию литературного издания Алтайского края.

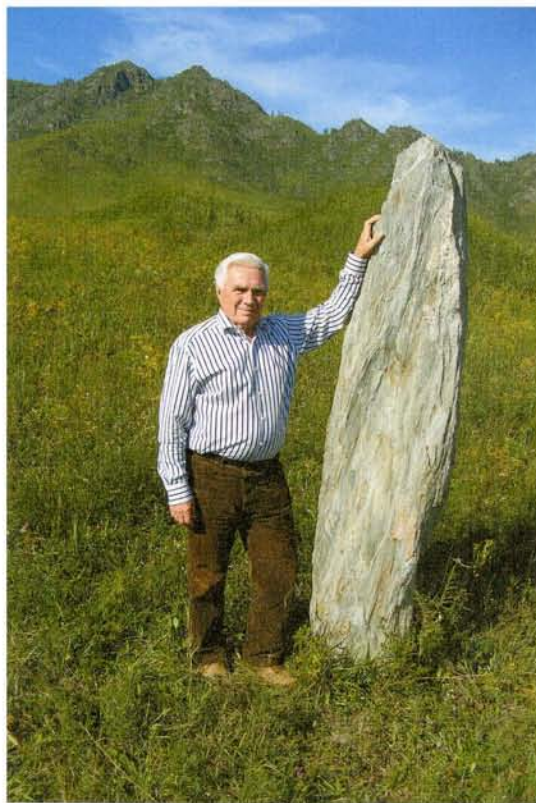
В 2003 г., благодаря поддержке главы администрации Алтайского края А.А. Сурикова, начали выходить в свет тома «Библиотеки журнала «Алтай». В этой серии в течение 2003-2005 гг. вышло более 30 книг, в числе которых: «На Алтае» - памятные записки Александра Черкасова, городского головы Барнаула в 1885-1890 гг., четырехтомный роман «Чураевы» Георгия Гребенщикова, одного из лучших алтайских писателей, эмигрировавшего в 1920 г. и умершего в США в 1964 г., а также сборники произведений поэтов и прозаиков - Леонида Мерзликина, Владимира Башунова, Геннадия Панова, Евгения Гущина и других алтайских писателей.

*Встреча с читателями, с. Чарышское
(С.В. Вторушин - главный редактор, К.А. Филатов - редактор отдела публицистики)*

*Редактор отдела прозы О.Ф. Гришко
на Мерзликлинских чтениях, 2011 г.*

*У скифской стелы,
с. Чарышское*

